

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ТЕРРОР В РОССИИ**

КИК-НАРДО ЖЖ В.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР В РОССИИ

XIX – начало XX в.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

МОСКВА • "МЕМОРИАЛ" • 1996

ББК 63.3(2)
И60

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР

Составитель К.Н.Морозов

Под редакцией Б.Ю.Иванова и А.Б.Рогинского

Редакционная коллегия
издательской программы «Мемориала»:
А.Ю.Даниэль, Л.С.Еремина, Т.И.Касаткина,
М.М.Кораллов, Н.Г.Охотин, Я.З.Рачинский,
А.Б.Рогинский

ISBN 5-88255-012-2

©НИПЦ «Мемориал», 1996 г.

©И.В.Бородина, оформление, 1996 г.

От редакторов

Книга составлена по материалам состоявшейся 24—25 марта 1995 г. в Москве конференции «Индивидуальный политический террор в России. XIX — начало XX в. История. Идеология. Социальная психология». Организовали конференцию Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал» и объединение молодых историков «Левый исторический клуб» при поддержке Государственной публичной исторической библиотеки РФ и Государственного архива РФ.

Собирая конференцию, организаторы имели в виду в основном следующие обстоятельства:

— проблема политического террора относится к числу наименее изученных в отечественной историографии — нет ни одной обобщающей работы, да и фактическая сторона исследована явно недостаточно. Такое положение вещей сложилось не только из-за трудности самой проблемы, но и, в первую очередь, из-за невозможности для историков в течение нескольких десятилетий сколько-нибудь серьезно и объективно заниматься ее изучением. Архивный материал был почти недоступен, а интерпретации диктовались предписанными свыше жесткими рамками. Причины, по которым именно тема террора находилась с начала 1930-х гг. под особенно неусыпным контролем идеологических советских инстанций, очевидны;

— из множества факторов, способствовавших развитию индивидуального политического террора в России конца XIX—начала XX в., наиболее существенными были постоянное нарастание отчужденности между обществом и властью, отсутствие у общества действенных механизмов влияния на власть. Традиционная склонность власти решать назревшие в стране политические и социальные проблемы с помощью силы в таких условиях неизбежно порождала встречное насилие. Нетрудно усмотреть известное (хотя и непрямое) сходство этой ситуации с нынешней. Именно риск нового витка политического терроризма заставляет нас сегодня пристальноглядеть в терроризм прошлой эпохи.

Еще одно. Проблема политического террора в русском освободительном движении всегда была одной из самых больных, самых нравственно

сложных. Личности террористов неизменно вызывали острый общественный интерес. Вокруг них разгорались споры ничуть не менее жаркие, чем вокруг исповедуемого ими метода борьбы. В общественном сознании в разные исторические периоды революционеры-террористы представляли то рыцарями без страха и упрека, то закоренелыми злодеями, то заурядными уголовными преступниками, движимыми своекорыстными интересами. Почти то же можно сказать и о восприятии революционных партий или групп, от имени которых они действовали. Сегодняшний день, увы, в этом мало отличается от дней минувших. Смена мифологий не приблизила массовое сознание к сложной исторической правде. Сделать шаг в сторону избавления как от старых, так и от новых мифологем представлялось устроителям конференции насущной задачей.

В конференции приняли участие исследователи из Москвы, Саратова, Смоленска, Самары, Санкт-Петербурга, Днепропетровска, Иерусалима. Далеко не все темы удалось осветить конференции, многие сюжеты были только затронуты, часть вовсе не попала в поле зрения участников. Характерной чертой конференции оказалась исключительно фактологическая направленность большинства докладов, в особенности представленных молодыми учеными. Это объясняется, по-видимому, с одной стороны, желанием ввести в оборот ранее недоступные, во многом «запретные» исторические материалы, с другой — общим стремлением участников уйти от поверхностной публицистичности и навязчивого морализаторства, к чему зачастую сводятся дискуссии об индивидуальном политическом терроре. Может быть, именно в силу этих причин острых полемических выступлений на конференции было не так уж много. И все же мы убеждены, что в целом она явилась серьезной попыткой осмысления той сложной проблемы, которой была посвящена, и публикуемые материалы могут представить немалый интерес для читателя.

В.В.Пугачев
(Саратов)

ПУШКИНСКИЙ ЗАМЫСЕЛ ЦАРЕУБИЙСТВА ВЕСНОЙ 1820 г. И ДЕКАБРИСТЫ

То, что Пушкин был декабристом, я пытался доказать в двух работах, опубликованных ранее¹. В этой статье я попробую доказать, что он был и террористом в декабристском духе.

У Пушкина дважды возникал в мыслях (а еще больше — «в сердце») «цареубийственный кинжал» — весной 1820 г. и осенью 1826 г., когда поэта везли в Москву, к Николаю I. Пока остановлюсь на 1820 г.

Конечно, Пушкин не убил царя. Но и И.Д.Якушкин, и М.С.Лунин, и А.В.Поджио, и П.И.Пестель не совершили террористического акта. Лишь замышляли. Составители «Донесения Верховной следственной комиссии», тщательно и пристрастно искавшие все связанные с цареубийством материалы, обнаружили только замысел. Пушкин в числе замышлявших цареубийство в «Донесении» не фигурирует. Но это свидетельствует лишь о неполноте информации властей.

В черновике неотправленного письма к Александру I в 1825 г. поэт писал (цитирую перевод с французского по книге Б.Л.Модзалевского): «Необдуманные речи, сатирические стихи обратили на меня внимание в обществе, распространялись сплетни, будто я был отвезен в Тайную канцелярию и высечен. До меня позже всех дошли эти сплетни, сделавшиеся общим достоянием, я почувствовал себя опозоренным в общественном мнении, я впал в отчаяние — дрался на дуэли — мне было 20 лет в 1820 г., — я размышлял, не следует ли мне покончить с собой или убить — В». До этой буквы (латинское «V») текст письма не вызывает сомнений. Зашифровка же фамилии или имени одной буквой вызвала серьезные разногласия среди пушкинистов.

В 1926 г. Б.Л.Модзалевский констатировал: «В черновике это слово не дописано. В.Е.Якушкин читал его просто: “ou d'assassiner V”; П.О.Морозов: “ou d'assassiner Votre Majeste”; в Акад.изд. Переписки: “ou d'assassiner Vor[oncow]”; М.А.Цявловский: “ou d'assassiner Vous”; Анненков пропускает неясное слово; мы не беремся решить, какое чтение правильно, но полагаем, что чтение академического издания неверно, безусловно, ибо в 1820 г. Пушкин не имел еще никаких отношений к Воронцову, чтение же П.О.Морозова и М.А.Цявловского считаем весьма рискованным: вряд ли у Пушки-

на могла родиться мысль о цареубийстве по столь личному поводу, а если и являлась, то вряд ли бы он поведал о ней императору, от которого ожидал прощения. К тому же нельзя сказать: ou d'assassiner Vous...»²

Дальнейший текст читается просто. Продолжаю в переводе с французского, выполненном Б.Л.Модзалевским: «В первом случае я только подтвердил бы позорившую меня молву, [во-вторых] — я бы не мстил за себя, потому что оскорблений не было, — [сделал], совершил бы [беспринципное] преступление, я принес бы жертву мнению [людей] общества, которое я презирал, человека [который] всеми ценимого и талант, который невольно внушал мне почтение к себе. На этих размышлениях я остановился. — Таковы были мои размышления. Я сообщил их одному моему другу, который был совершенно согласен с моим мнением. Он советовал мне сделать попытку оправдаться перед властью. Я чувствовал бесполезность этого. Я решился тогда вкладывать столько неприличия и столько дерзости в свои речи и в свои писания, чтобы власть вынуждена была, наконец, отнестись ко мне как к преступнику: я жаждал Сибири или крепости как средства для восстановления чести. Великодушный и мягкий образ действий власти меня тронул, [оправдав меня] вырвав с корнем смешную клевету. С тех пор, вплоть до моей ссылки, если иной раз и вырывались у меня жалобы на установившийся порядок вещей; если иногда и предавался я юношеским разлагольствованиям, то все-таки, я смело утверждаю, что всегда, будь то в моих писаниях или в разговорах, я уважал особу Вашего Величества. — Государь! Меня винят в том, что я рассчитывал на великодушие Вашего характера. Я сказал Вам всю правду и с тою откровенностью, которая была бы предосудительна в глазах всякого иного властителя в свете. Ныне прибегаю к этому великодушию. [Моя]. [Ни деревня моя]. Здоровье мое сильнейшим образом было подорвано в молодости; аневризма сердца [сделавшаяся] требует безотлагательной операции и продолжительного лечения. [Пребывание во Пс.]. Город, который мне для того назначен, не может доставить мне никакого пособия. Я умоляю Ваше Величество разрешить мне пребывание в одной из наших столиц, или назначить мне местность в Европе, где я [не был бы лишен всякой помощи] заботиться о своем существовании».³.

Без расшифровки латинского «V» истолковать текст невозможно. Модзалевский, конечно, прав, отвергая прочтение «Voronzov». Но его сомнения относительно «Votre» — неубедительно. Если речь идет не о царе, то о ком же? Аракчеев? Но Пушкин не мог сказать о нем: «всеми ценимого и талант, который невольно внушал мне почтение». Остальные александровские деятели существенного влияния на ход дел не имели. Если речь идет не об императоре, то как же понять слова: «С тех пор<...> всегда, будь то в моих писаниях или в разговорах, я уважал особу Вашего Величества»? Что значит «с тех пор»? Слова эти теряют смысл, если не

предположить отказ от замысла цареубийства. Думается поэтому, что предположение М.А.Цяловского о том, что «V» скрывает «Votre» (Ваше) весьма резонно. В 1916 г. в статье «Тоска по чужбине у Пушкина» Цяловский убедительно показал, что письмо это написано не головой, а «сердцем». При всем моем преклонении перед этим пушкинистом я решаюсь изложение его доводов заменить цитируемым им письмом Пушкина к В.А.Жуковскому от 31 октября 1824 г. из Михайловского (лучше самого Пушкина его состояние передать никто не может): «Приехав сюда, был я всеми встречен как нельзя лучше, но скоро все переменилось: отец, испуганный моей ссылкою, беспрестанно твердил, что его ожидает та же участь; Пещуров, назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче быть моим шпионом; вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мне с ним объясняться; я решился молчать. Отец начал упрекать брата в том, что я преподаю ему безбожие. Я все молчал. Получает бумагу до меня касающуюся. Наконец, желая вывести себя из тягостного положения, прихожу к отцу, прошу его позволения объясниться откровенно<...> Отец осердился [в черновике: «заплакал, закричал】. Я поклонился, сел верхом и уехал. Отец призывает брата и повелевает ему не знать avec ce monstre, ce fils denature (с этим чудовищем, с этим выродком — сыном). (Жуковский, думай о моем положении и суди). Голова моя закипела. Иду к отцу. Нахожу его с матерью и высказываю все, что имел на сердце целых три месяца. Кончу тем, что говорю ему в последний раз. Отец мой, воспользовавшись отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я его бил, хотел быть, замахнулся, мог прибить... Перед тобою не оправдываюсь. Но чего же он хочет для меня с уголовным своим обвинением? рудников сибирских? и лишения чести? Спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем. Не говорю тебе о том, что терпят за меня брат и сестра — еще раз спаси меня. А.П. 31 окт[ября]». И тут же приписал: «Поспеши: обвинение отца известно всему дому. Никто не верит, но все повторяют. Соседи знают. Я с ними не хочу объясняться — дойдет до правительства, посуди, что будет. Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нет. Я hors la loi [вне закона]. PS. Надобно тебе знать, что я уже писал бумагу губернатору, в которой прошу его о крепости, умалчивая о причинах. П.А.Осипова, у которой пишу тебе эти строки, уговорила меня сделать тебе и эту доверенность. Признаюсь, мне немного на себя досадно, да, душа моя, — голова кругом идет». Тональность письма та же, что и в обращении к Александру I.

М.А.Цяловский обоснованно сравнивает с настроением в обоих письмах отрывок, исключенный из окончательного текста стихотворения, «...Вновь я посетил...»:

...я еще

Был молод — но уже судьба и страсти
Меня борьбой неравной истомили.
Я зрел врага в бесстрастном судии,
Изменника в товарище, пожавшем
Мне руку на пиру, — всяк предо мной
Казался мне изменник или враг.
Утрачена в бесплодных испытаниях
Была моя неопытная младость —
И бурные кипели в сердце чувства
И ненависть и грезы мести бледной⁴.

Такое безысходное отчаяние было у Пушкина во все время его пребывания в Михайловском. Чашу терпения переполнили еще два обстоятельства: результат обращения матери поэта к императору и вмешательство А.П.Керн. В конце мая—начале июня 1825 г. Н.О.Пушкина обратилась к императору с просьбой: «<...>разрешить моему сыну поехать в Ригу или в какой-нибудь другой город<...> чтобы подвергнуться операции, которая одна дает мне еще надежду сохранить его»⁵. 26 июня в Пскове было получено «высочайшее повеление» — Пушкину разрешалось приехать в Псков «и иметь там пребывание до излечения от болезни с тем, чтобы псковский гражданский губернатор имел наблюдение за поведением и разговорами г-на Пушкина»⁶. Пушкин отказался. В Пскове операция была нереальной.

А.П.Керн посоветовала Пушкину написать Александру I. Возможно, что она предлагала свою помощь. Влюбленный поэт (который, конечно, знал о романе Керн с царем) укрыл свое ревнивое бешенство во внешне учтивом ответе. 22 сентября 1825 г. он пишет Керн: «Ваш совет написать Его Величеству тронул меня, как доказательство того, что Вы обо мне думали — на коленях благодарю тебя за него, но не могу ему последовать. Пусть судьба решит мою участь; я не хочу в это вмешиваться»⁷. И все-таки Пушкин попытался «вмешаться» — составил черновик письма Александру I. Но, как и всегда, он оказался пророком. Судьба была сильнее. 19 ноября Александр I умер, и отправлять письмо стало некому.

Я согласен с М.А.Цявловским, писавшим: «Пушкин замену своего прошения царю, «дельного и благоразумного», прощением матери, рассчитанным на то, чтобы разжалобить Александра I, считал ошибкой. По мнению Пушкина, царь в подаче прошения матерью, а не самим поэтом, мог увидеть хитрость и уклончивость нераскаявшегося преступника. Теперь в этом проекте прошения с исключительной откровенностью поэт хочет обезоружить царя, действуя на его чувство великодушия. Поэт как бы хочет сказать: «Будьте, Государь, со мной столь же великодушны, как я откровенен с Вами». Вот, по нашему мнению, смысл этого необычного прошения, в котором подданный пишет царю, что он хотел убить его»⁸.

Возможен ли был психологически такой отчаянный шаг? Вспомним, что почти одновременно (по воспоминаниям Н.И.Лорера) Пестель готов был в порыве отчаяния рассказать Александру I о тайном обществе, чтобы показать императору, до чего он довел Россию, и тем самым заставить его проводить реформы.

Еще раньше (в 1820 г.) такой же отчаянный шаг чуть не сделал И.Д.Якушкин. «Чтобы, — вспоминает он, — за один раз прекратить все беспорядки в России, я придумал средство, которое в эту минуту казалось мне вдохновением, а в самой сущности оно было чистый сумбур. Ночью, пока Фонвизин спал, я написал адрес к императору, который должны были подписать все члены Союза благоденствия. В этом адресе излагались все бедствия России, для прекращения которых мы предлагали императору созвать Земскую думу по примеру своих предков. Поутру я прочитал свое сочинение Фонвизину, и он, быв под одним настроением духа со мной, согласился подписать адрес. В тот же день мы с ним отправились в Дорогобуж к Граббе. К счастью, Граббе был благоразумнее нас обоих; не отказываясь вместе с другими подписать адрес, он нам ясно доказал, что этим поступком за один раз уничтожалось Тайное общество и что все это вело нас прямо в крепость. Бумага, мной написанная, была уничтожена»⁹.

И декабристы, и Пушкин явно преувеличивали благородство и великодушие Александра I. Невольно вспоминается поведение поэта у М.А.Милорадовича весной 1820 г. Это было в духе эпохи, и не только alexandrovskой, но и николаевской. 8 сентября 1826 г. поэт откровенно признался Николаю I, что если бы он был 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, то оказался бы в рядах бунтовщиков. Такими иллюзиями воспользовался новый император, допрашивая арестованных декабристов. Может быть, и они давали «откровенные показания» не без воздействия собственных утопий. Благородные поступки (или игра в них) были в моде. Даже Наполеон спросил у покушавшегося на него, даст ли тот честное слово не повторять посягательства на его, Бонапарта, жизнь, если его, немецкого студента, отпустят. Только после отрицательного ответа террорист был казнен.

Даже в военном деле бывали подобные сцены. При сдаче Москвы французский генерал Себастиани обещал начальнику русского арьергарда М.А.Милорадовичу задержать наступление на два часа, если Милорадович не устроит поджог Москвы. Милорадович сдержал свое слово — пожар начался помимо него. Думается поэтому, что Цявловский глубже уловил дух эпохи, чем Модзальевский. Неудивительно, что точку зрения Цявловского разделяли многие видные пушкинисты — Н.О.Лернер, Ю.Г.Оксман, Д.И.Шаховской¹⁰. Нельзя не заметить, что отпадает еще одно возражение Б.Л.Модзальевского против вероятности гипотезы о цареубийстве: «<...>вряд ли у Пушкина могла родиться мысль о цареубийстве по столь личному поводу». Вполне

возможно, что личное сложно, но неразрывно переплелось с политическими настроениями, охватившими членов Тайного общества после начала южноевропейских революций и убийства Лувелем 1 февраля 1820 г. наследника французского престола герцога Беррийского.

О воздействии убийства герцога Беррийского не только на Тайное общество, но и на всю русскую общественность мне уже приходилось писать вместе с Е.Б.Бешенковским¹¹. 1(13) февраля 1820 г. единственный наследник Бурбонов был убит седельщиком Лувелем при выходе из театра Гранд-Опера в Париже. Его речь на процессе, исполненная чувства собственного достоинства, долгое время была запрещена к публикации и распространялась в списках: «Начиная с 1814 г. я не переставал думать о моем проекте уничтожения Бурбонов, я постоянно искал случая исполнить свое намерение в Париже, или в Версале, или в Сен-Жермене, или в Сен-Кло, или в Фонтенбло. Я знал, что заплачу головой, но Бурбоны были слишком виновны, чтобы я от этого отрекся¹²...» Я всегда носил кинжал при себе, когда надеялся встретить кого-нибудь из Бурбонов, но постоянно с мыслью начать с герцога Берри как с самого молодого. Я хотел начать с самого молодого потому, что это было верное средство угасить род Бурбонов, и еще потому, что у меня только одна жизнь, и я хотел, чтобы она была хорошо оплачена»¹². В этих словах нет политической программы. Лувель не борец за дело свободы, а романтический мститель, положивший свою жизнь на алтарь национальной чести. Он мстил Бурбонам за поругание Франции, за Наполеона.

Александр I увидел в этом событии страшную угрозу, призрак революционной опасности. В беседе с французским послом 23 февраля царь высказал настойчивое пожелание, чтобы французское правительство приняло срочные меры: «Настало время остановить зло, и я надеюсь, что еще не слишком поздно»¹³.

Консерваторы были напуганы. Ф.В.Ростопчин писал М.С.Воронцову из Парижа 2(14) февраля: «...я желаю, чтобы этот удар, как и удар Занда, показал истинное лицо либерального духа»¹⁴. В тот же день дипломатические курьеры повезли в Петербург донесения русского полномочного министра в Париже К.О.Поццо ди Борго министру иностранных дел К.В.Нессельроде и французского министра иностранных дел Паскье посланнику в Петербурге графу Лаферронэ. «Демон зла, — писал Поццо ди Борго, — хотел уничтожить всю правящую ветвь в Тюильри¹⁵...» Один Господь Бог знает все последствия этого ужасного убийства¹⁵. С 20 февраля в русских газетах и журналах появляются сообщения, которые сразу становятся предметом обсуждения в письмах и дневниках современников. 20 февраля флигель-адъютант Александра I Н.Д.Дурново записывает, что весь вечер «говорили только об убийстве герцога Беррийского»¹⁶. Пересказ события вскоре уступает место его интерпретации. «От разврата несчастного поколения, —

писал С.Н.Глинка, — возраставшего от 1751 г. до 1789 г., когда вспыхнуло явное пламя французского мятежа, произошло общее бедствие Европы; сей разврат и поныне свирепствует во всей силе во Франции»¹⁷. Умами овладела мысль о возможности новой революции во Франции, которая распространится по всему миру. Вспоминались слова Мирабо, что революция закончится только тогда, когда обойдет весь мир¹⁸.

Убийство герцога Беррийского произвело ошеломляющее впечатление и на лидеров Союза благоденствия, поскольку очевидность нового крестового похода на либеральное движение лишила их надежды на скорое дарование обещанной царем Хартии и делала нереальными легальные методы борьбы. Попытка Н.И.Тургенева опубликовать свое истолкование событий кончилась неудачей. Его отклик на убийство герцога Беррийского, датированный 19 февраля, основан на донесении Поццо ди Борго и написан на двух листах бумаги с водяным знаком 1819 г. Текст явно предназначался для печати. Тургенев старался убедить русское общество, что покушение Лувеля — дело сумасшедшего одиночки, что оно не имеет своей причиной либеральные реформы Деказа и что не Хартия породила убийцу герцога¹⁹. Заметка Тургенева не была напечатана. Торжествовало ограничительное истолкование лувелевского убийства.

Изменение курса внутренней и внешней политики России было очевидно. По свидетельству И.А.Каподистрии, «революционное распадение Испании, умерщвление герцога Беррийского и другие подобные события побудили императора видеть и подозревать везде деятельность какого-то разветвленного комитета, который, как полагали, распространял из Парижа свою деятельность по всей Европе с целью низвергнуть существующие правительства и ввести свойственные революции формы и деспотизм. С этой поры все усилия министерства были направлены к тому, чтобы бороться с этим началом беспорядка и бедствий»²⁰. М.Л.Магницкий написал «Проект мнения о цензуре», в котором были строки о безумцах, требующих «смерти, трупов, ада». Впоследствии эта записка Магницкого не только стала программой деятельности Министерства духовных дел и народного просвещения, но и явилась обоснованием гонений в университетах в 1821 г. В Париж был послан граф П.И.Шувалов, который вез обычные в таких случаях акты соболезнования, а также имел необычное поручение передать королю при личном свидании, что представительное правление невозможно «без твердой политики правительства»²¹.

Убийство герцога Беррийского изменило и тактику Тайного общества. Если ранее целью Союза благоденствия было завоевание общественного мнения и подготовка будущего преобразования России, то теперь его члены должны были или отказаться от деятельности вообще, или искать новые формы борьбы в условиях ужесточавшегося цензурного режима и

окончательного торжества А.А.Аракчеева. Если император окончательно уверился в нецелесообразности либеральных преобразований, то убежденность многих участников революционного движения в необходимости для России конституционной монархии серьезно поколебалась. Все более настойчиво звучали мысли о республике. Цареубийство — вернее, мысль о нем — неизбежно становилось одной из актуальных тем.

Эти перемены, как всегда предельно точно, отразил Пушкин, его творчество. В начале апреля 1820 г. он показывал в театре портрет Лувеля с собственноручной надписью: «Урок царям». Интерпретация знаменитой фразы Мирабо «Le silence des peuples est lecon des rois» («Молчание народов — урок королям») разительным образом совпадала с текстом карбонарской прокламации: «Везде немедленная смерть. Последний довод свободных людей. Пример королям — тиранам²²... Постановлено нашим Верховным трибуналом, что вы все умрете в оковах, утратите ваше имущество. Ваши дома, гнусные для свободных людей, будут преданы пламени ради спасительного примера потомкам. Скреплено и подписано кровью свободных людей. Брут, Занд, Лувель, Равальяк, Катилина». Заключало прокламацию изображение кинжала, обагренного кровью²³. Та же символика и в пушкинском «Кинжале», написанном на смерть Занда в 1821 г.²⁴ Думается, что под именем Занда Пушкин упрятал Лувеля. Занд вообще с большей охотой упоминался в русской освободительной литературе, нежели Лувель, поскольку для властей убийца писателя и поклонники этого убийцы были гораздо менее преступны, нежели поклонники убийцы наследного принца. В письме Жуковскому Пушкин мог сказать, что «Кинжал» написан не «против правительства», но это было бы невозможно при упоминании имени Лувеля.

Имя Лувеля и его поступок оказались надолго ассоциативно связанными с Пушкиным. 10 мая 1823 г. В.И.Туманский писал С.Г.Туманской про сатирическую поэму А.Г.Родзянко «Два века»: «Неприлично и неблагодарно нападать на людей, находящихся уже в опале царской²⁵... Я говорю о неудачном намеке, который находится в сатире на Александра Пушкина. Это два стиха —

*И все его права, иль два, иль три Ноэля,
Гимн Занду на устах, в руке портрет Лувеля*²⁶.

Сатира, получившая в 1823 г. распространение в списках, самим Пушкиным в письме к А.А.Бестужеву от 13 июня 1823 г. названа «доносом на человека сосланного». Возможно, что поэт опасался раскрытия подлинного адресата «Кинжала» — Лувеля. Думается, что Лувель появляется и в зашифрованных строфах, которые обычно считают «Х главой» «Евгения Онегина». В упомянутой уже работе Е.Бешенковский и я предлагали читать одну из строк в этом тексте как «Кинжал Лу[веля] тень Б[ерри]».

Возможно, о Берри упоминалось и в XV строфе якобы «Х главы»: строка «Читал свои Ноэли Пушкин» вряд ли случайно идет после строф:

*Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры...*

и перед строфами:

*Меланхолический Якушкин,
Казалось молча обнажал
Цареубийственный кинжал.*

В черновиках этой строфы наряду со словом «Ноэли» есть и «сатира». О том, какое значение придавалось в Союзе благоденствия чтению стихов Пушкина, свидетельствует Н.И.Тургенев во «Второй оправдательной записке»: «<...> один сообщает газетные новости о камере депутатов во Франции, хвалит новую книгу Прадта, Констана; другой читает новые стихи Пушкина, третий смеется над цензурою журналов и театров и пр. и пр.»²⁷ Для Тургенева чтение пушкинских стихов — типичный род занятий членов Тайного общества. О содержании этих стихов Тургенев умалчивает. Сам же поэт не только называет *себя* как чтеца, но и связывает стихи с М.С.Луниным и И.Д.Якушкиным. Возможно, что одной из таких сатир было послание к Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...»). Дата создания этого стихотворения долго не вызывала сомнений — 1818 г. Основывались на первых публикациях (прежде всего на издании П.В.Анненкова) и на некоторых списках послания, автограф которого неизвестен. Если текст стихотворения, его политическое звучание и даже авторство вызвали споры, то в определении времени написания произведения исследователи были единодушны. Правда, некоторые пушкинисты обратили внимание на несовпадение умеренно-либеральных политических взглядов поэта в 1818 г. сзывающими революционным посланием «К Чаадаеву». Но и это не порождало сомнений в правильности датировки. Давались другие объяснения. М.Гофман признавал автором К.Ф.Рылеева; Д.Д.Благой говорил о поэтическом «перехлестывании» политических воззрений Пушкина; Б.В.Томашевский признавал: «Датировка этого стихотворения по существу неизвестна. По традиции, начиная с первых публикаций, оно датируется 1818 г.»²⁸

Лишь в 1955 г. на VII Всесоюзной Пушкинской конференции в докладе Ю.Г.Оксмана «О политической лирике Пушкина» послание было датировано 1820 г. Исследователь связывал его с борьбой Тайного общества за Чаадаева, с попыткой воздействовать на него через Пушкина²⁹. Одним из доказательств Оксмана было черновое письмо Александру I в 1825 г. Вслед за Оксманом я также связываю пушкинское послание со «сменой вех» весной 1820 г. и отношу «К Чаадаеву» именно к этому году³⁰.

Обращает на себя внимание жанровая структура стихотворения. Насыщенное острым политическим, гражданско-патриотическим содержани-

ем, оно превращается (как и «Вольность») в своеобразную стихотворную прокламацию, пламенное воззвание к революционному действию. Камерное звучание дружеского послания сменяется накалом высокой гражданственности, а доверительная интонация дружеской беседы уступает место ораторскому пафосу. При этом образ поэта лишается каких бы то ни было элементов книжной условности. Это не классический трибун «Вольности»; это не ветхозаветный поэт-вития, разящий «земных богов во сонме их»; это и не абстрактный «друг человечества», характерный для поэзии просветителей, лирический герой «Деревни». Подобным образом трансформируется и образ адресата послания. Перед нами совсем не тот Чаадаев, в надписи к портрету которого Пушкин с эпическим спокойствием резюмировал:

Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарский.

Теперь поэт требует от «гусарского офицера» немедленного и активного вмешательства в политическую жизнь Родины. Наличие добродетелей Брута и Периклеса должно быть проверено и оправдано борьбой с самовластием, которая обессмертит имена ее участников. Именно такой смысл вкладывал Пушкин в заключительные строки стихотворения:

И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Могли ли подобные идеи и настроения иметь место в 1818 г.? Согласуются ли они с умеренностью конечных выводов пушкинских «Вольности» и «Деревни»? С позицией Чаадаева, в то время лишь втайне мечтавшего о политической деятельности, но приобщившегося к ней не ранее осени 1819 г.? Пушкин, со своей стороны, в начале 1820 г. тоже делает решительные шаги навстречу Тайному обществу, о чем свидетельствуют его участие в «Зеленой лампе», создание острых в политическом отношении эпиграмм, стремление сотрудничать с Н.И.Тургеневым в его журнальных начинаниях. Именно к 1820 г. наметился выход Чаадаева из состояния равнодушия и презрения к миру, чем и воспользовались декабристы, стремившиеся вовлечь его в свою организацию. Перелом этот несомненно связан с убийством герцога Беррийского, с началом южноевропейских революций. Все это в сочетании с личными умонастроениями и породило пушкинский замысел цареубийства весной 1820 г. Такова гипотеза, которая кажется мне довольно вероятной.

Вопрос о пушкинском замысле цареубийства в 1820 г., о цареубийственных настроениях в последующие годы (особенно в 1826 г., по пути в Москву) должен рассматриваться не изолированно, а на широком фоне, где были учтены и цареубийственные планы декабристов, и различные аспекты проблемы политического террора в Западной Европе. Например, возможно, что убийство герцога Беррийского было совершено не без участия

австрийской, а может быть, и русской разведки — с целью напугать Александра I, заставить его изменить политику. Все это очень напоминает ситуацию в «Пармской обители» Стендоля, когда министр полиции всячески использует страх князя перед карбонарскими террористами. Страх был общеевропейским. Здесь возникают отдаленные ассоциации, например, с убийством С.М.Кирова. К этому я попытаюсь вернуться в специальной работе.

Примечания

- ¹ Пугачев В.В. Из взаимоотношений Пушкина и декабристов // *Studia Slavica*. 1977. Hung. 23. P.97—108; Пугачев В.В. Пушкин, Радищев и Карамзин. Саратов, 1992. С.78—90. Гл. «Пушкин-декабрист».
- ² Пушкин А.С. Письма. Т. 1. 1815—1825. М.; Л., 1926. С.524.
- ³ Там же. С.524—525.
- ⁴ Цит. по: Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С.133—135.
- ⁵ Там же. С.140.
- ⁶ Там же. С.141.
- ⁷ Там же. С.147.
- ⁸ Там же. С.148.
- ⁹ Записки, статьи, письма декабриста И.Д.Якушкина. М., 1951. С.25.
- ¹⁰ Д.И.Шаховской писал: «Известный проект письма Пушкина к Александру I от ноября 1825 г. несомненно свидетельствует о бродившей в голове Пушкина в 1820 г. мысли о цареубийстве; друг, с которым он беседовал об этой мысли, — Чаадаев». (Тезисы доклада Д.И.Шаховского «Чаадаев и Пушкин», прочитанного 27 октября 1935 г. Тезис 6. Из бумаг Ю.Г.Оксмана, переданных мне после его кончины А.П.Оксман).
- ¹¹ Бешенковский Е.Б., Пугачев В.В. Луи-Пьер Лувель и движение декабристов // *Le 14 Decembre 1825*. Paris, 1980. P.156—168. Впервые опубликовано в вып.7 сборника «Освободительное движение в России» (изд. Саратовского университета. 1978. С.3—12) — без указания фамилии Бешенковского (не пропустила цензура). Бегло я рассказал об этом в своей книге: Пушкин, Радищев и Карамзин. Саратов, 1992. С.127, где заметка перепечатана в третий раз (с.127—143).
- ¹² En feuilletant les archives de la Prefecture de Police: L'affaire Louvel ou l'assassinat du duc de Berry // *Liaisons*. 1970. № 172. P.20—29.
- ¹³ Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе. Т. 3. 1817—1822 гг. СПб., 1908. С.331.
- ¹⁴ Архив князя Воронцова. Т. 17. М., 1880. С.134.
- ¹⁵ Донесения французских представителей... С.333.
- ¹⁶ ОР РГБ. Ф. 95. № 9542. Л. 52.
- ¹⁷ Русский архив. 1902. № 3. С.349—350.
- ¹⁸ Дневник М.П.Погодина за 1820 г. ОР РГБ. Ф. 231/1. № 30. Л. 31—32.
- ¹⁹ ЦГА г.Москвы. Ф. 1875. Оп. 1. Д. 26. Л. 97—99. Черновой автограф Н.И.Тургена со стилистической правкой.

- ²⁰ Сборник Имп. русского исторического общества. Т. 3. СПб., 1868. С.251.
- ²¹ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С.77.
- ²² Гроссман Л.П. Цех пера: Статьи о литературе. М., 1930. С.246.
- ²³ О восприятии в Европе убийства Коцебу Зандом см.: Stock F. Kotsebue in litterarischen Leben der Goethezeit. Dusseldorf, 1971; Werner H.-G. Geschichte des politischen Gedichts in Deutschland von 1815 bis 1840. Berlin, 1969. S.6974. В 1825 г., когда в Южном обществе постоянно заходили разговоры о цареубийстве, предатель Майборода услышал однажды разговор Пестеля с Лорером о Занде. Когда же он спросил, кто такой Занд, то получил ответ, что это убийца писателя Коцебу (Восстание декабристов. Т. 4. М.; Л., 1927. С.28).
- ²⁴ Цит. по: Цяловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. М., 1951. С.382.

- ²⁵ Заозерский А.И. Вторая оправдательная записка Н.И.Тургенева // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л., 1926. С.162—163.
- ²⁶ Томашевский Б.В. Пушкин. Кн. 1. 1813—1824. М.;Л., 1956. С.190. Здесь следует отметить, что почему-то Д.И.Шаховской, связавший в своем докладе (см. примеч.10) письмо Пушкина Александру I с Чаадаевым и мыслями 1820 г. о цареубийстве, не вписал в этот контекст первое послание «К Чаадаеву». Зато он сделал существенно важное текстологическое замечание: «По отношению к редакции послания всего правильнее (по смыслу) придерживаться текста Академического издания (речь идет об издании Имп. Академии наук. — В.П.). Однако же первый знаменитый стих и в этой редакции «любви, надежды, гордой славы» (далее: «недолго тешил нас обман») лишен всякого смысла: единственное чтение, возвращающее смысл, получается при принятии его в форме: «любви к царю и гордой славы».

В изданиях АН СССР первая строка читается: «Любви, надежды, тихой славы». Под «тихой» подразумевается — ставка Союза благоденствия на постепенное завоевание общественного мнения. Слова же «недолго тешил нас обман» отражали разочарование в этих упованиях — и Пушкина, и Тайного общества, означали переход к тактике военного восстания и индивидуального террора. Что касается конкретного прочтения первой строки, я вернусь к этому в специальной работе. Поскольку автограф послания не сохранился, учет всех разночтений, многочисленных копий необходим.

- ²⁷ Отчет о докладе Ю.Г.Оксмана см.: Известия АН СССР. Отд-ние лит. и яз. Т. 15. Вып. 1. М., 1956. С.86.

- ²⁸ Пугачев В.В. Эволюция общественно-политических взглядов Пушкина. Горький, 1967. С.203; Он же. К датировке послания Пушкина к Чаадаеву // Временник пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970. С.82—88; Он же. 1818 или 1820 г.? // Пушкин: Материалы и исследования. Л., 1979. С.325—328; Он же. Пушкин, Радищев и Карамзин. С.142—157.

Н.А.Троицкий
(Саратов)

«НАРОДНАЯ ВОЛЯ» И ЕЕ «КРАСНЫЙ ТЕРРОР»

Судьба партии «Народная воля» трагична вдвое: как субъект истории она прошла сначала сквозь шквал репрессий со стороны царизма (не счесть ее жертв — повешенных, расстрелянных, загубленных в тюрьмах и каторжных норах), а потом, уже как исторический объект, — сквозь тернии предвзятых оценок со стороны историков и публицистов, вплоть до сегодняшних. Все ее критики — царские, советские и посткоммунистические — изображают «Народную волю» партией террористов, занятой главным образом покушениями на Александра II. Так считали даже некоторые серьезные историки (М.Н.Покровский, М.В.Нечкина), не говоря уже о многочисленных журналистах, которые ныне дилетантски утрируют такой взгляд¹. Между тем уже давно всем и каждому доступен обширный круг источников, неопровергимо доказывающих, что ни в программе, ни в деятельности «Народной воли» террор никогда не занимал главного места.

Прежде всего учтем небывалые для того времени масштабы партии. С.С.Волк подсчитал, что она объединяла 80—90 местных, 100—120 рабочих, 30—40 студенческих, 20—25 гимназических и 20—25 военных организаций по всей стране — от Гельсингфорса (Хельсинки) до Тифлиса (Тбилиси) и от Ревеля (Таллина) до Иркутска². Эти подсчеты далеко не исчерпывающи. Л.Н.Годунова установила, что военных кружков «Народной воли» было не менее 50 как минимум в 41 городе³. Численность активных, юридически оформленных членов партии составляла примерно 500 человек, но участвовали в ее деятельности, так или иначе помогая ей, в 10—20 раз больше. По ведомостям департамента полиции, только за два с половиной года, с июля 1881 г. по 1883 г., подверглись репрессиям за участие в «Народной воле» почти 8000 человек⁴. Они вели пропагандистскую, агитационную и организаторскую работу среди всех слоев населения России — от крестьянских «низов» до чиновных «верхов». Что же касается террора, то он был делом⁵ рук лишь членов и ближайших агентов Исполнительного комитета партии (которые к тому же занимались и всеми другими сторонами деятельности) и нескольких сменивших друг друга металлистов, техников, наблюдателей. В подготовке и осуществлении всех восьми народовольческих покушений на царя из рядовых членов партии участвовали 12 человек, известные нам поименно⁶.

Таков был удельный вес террора в практике «Народной воли». Так предопределяла его место партийная программа. «Народная воля» ставила целью свергнуть самодержавие и осуществить ряд демократических преобразований (народовластие, свободы слова, печати, собраний и т.д., всеобщее избирательное право, выборность всех должностей снизу доверху, передача земли народу)⁷, которые отвечали насущным потребностям национального развития России и реализация которых уже тогда поставила бы нашу страну вровень с передовыми державами Запада. Поскольку опыт «великих реформ» Александра II показал народовольцам, что царизм добровольно не пойдет на ограничение собственного деспотизма, они сделали ставку не на реформы, а на революцию. При этом «Народная воля» исходила из того, что «главная созидающая сила революции — в народе», и планировала готовить «народную революцию» всеми (но главным образом пропагандистскими, агитационными, организаторскими) средствами.

Одним из средств был избран террор против «столпов правительства». Программа «Народной воли» четко формулировала двоякую функцию «красного» террора: с одной стороны, дезорганизовать правительство, а с другой — возбудить народные массы, чтобы затем поднять возужденный народ против дезорганизованного правительства⁸. Таким образом, террор рассматривался авторами программы как прелюдия и катализатор народной революции.

Подчеркну, что «красный террор» «Народной воли» был исторически обусловлен, навязан революционерам как ответ на «белый террор» царизма против участников «хождения в народ». С 1874 по 1878 г. царизм обрушил на мирных пропагандистов-народников смерч репрессий (до 8000 арестованных только в 1874 г., из них 770 привлеченных к жандармскому дознанию, грандиозный — самый крупный в истории России — политический процесс 193-х с каторжными и ссылочными приговорами, официально зарегистрированные среди обвиняемых по этому делу 93 случая самоубийств, умопомешательства и смерти в предварительном заточении⁹). «Когда человеку, хотяющему говорить, зажимают рот, то этим самым развязывают руки», — так объяснил переход народников от пропаганды к террору один из лидеров «Народной воли» А.Д.Михайлов¹⁰. Сами народовольцы настойчиво говорили о преходящей обусловленности своего террора. Исполнительный комитет «Народной воли» заявил протест против покушения анархиста Ш.Гито на президента США Дж.Гарфилда. «В стране, где свобода личности дает возможность честной идеиной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей, — разъяснял ИК 10(22) сентября 1881 г., — в такой стране политическое убийство как средство борьбы есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей»¹¹. Сознавая политическую и нравственную предосудительность террора, народо-

вольцы допускали его лишь как вынужденное, крайнее средство. «Террор — ужасная вещь, — говорил С.М.Кравчинский, — есть только одна вещь хуже террора: это — безропотно сносить насилие»¹². Всю ответственность за ужас террора народовольцы возлагали на царизм, который своими преследованиями заставлял прибегать к насилию (хотя бы в целях самозащиты) даже людей, казалось бы, органически не способных по своим душевным качествам на какое-либо насилие¹³. Замечательно сказал об этом со скамьи подсудимых перед оглашением ему смертного приговора народоволец А.А.Квятковский: «Чтобы сделаться тигром, не надо быть им по природе. Бывают такие общественные состояния, когда агнцы становятся ими»¹⁴.

Враги и критики «Народной воли» много (особенно в наши дни) говорят о том, что она злодейски преследовала и умертила царя-Освободителя. При этом замалчивается неоспоримый, кричащий факт: к концу 70-х г. царь, в свое время освободивший от крепостной неволи крестьян (хотя и ограбив их), снискал себе уже новое титло — *Вешатель*. Это он утопил в крови крестьянские волнения 1861 г., когда сотни крестьян были расстреляны и тысячи биты кнутами, шпицрутенами, палками (многие — на смерть), после чего выжившие отправлены на каторгу и в ссылку¹⁵. С еще большей кровью Александр II подавил народные восстания в Польше, Литве и Белоруссии (принадлежавших тогда к Российской империи), где генерал-душегуб М.Н.Муравьев в течение двух лет каждые три дня кого-нибудь вешал или расстреливал (за что и получил от царя титул графа), а на каторгу и в ссылку только из Польши были отправлены 18 000 человек¹⁶. Не случайна в этом контексте и жестокость царя по отношению к мирным народникам-пропагандистам 1874—1878 гг.

Когда же *некоторые* из народников в ответ на «белый террор» царизма начали прибегать с 1878 г. к отдельным актам «красного террора», Александр II повелел судить их по законам военного времени¹⁷. За 1879 г. он санкционировал казнь через повешение шестнадцати народников. Среди них И.И.Логовенко и С.Я.Виттенберг были казнены за «умысел» на цареубийство, И.И.Розовский и М.П.Лозинский — за «имение у себя» революционных прокламаций, а Д.А.Лизогуб только за то, что по-своему распорядился собственными деньгами, отдав их в революционную казну. Характерно для Александра II, что он требовал именно виселицы даже в тех случаях, когда военный суд приговаривал народников (В.А.Осинского, А.К.Брандтнера, В.А.Свириденко) к расстрелу¹⁸.

Все это ИК «Народной воли» зафиксировал в смертном приговоре царю. Лев Толстой, знавший об этих репрессиях меньше, чем знали народовольцы, и тот воскликнул в 1899 г.: «Как же после этого не быть 1-му марта?»¹⁹ Действительно, за всю историю России от Петра I до Николая II не было столь кровавого самодержца, как Александр II Освободитель.

Русские народники в отличие от царских карателей (и от современных террористов) всегда старались — по возможности, конечно, — избегать в своих терактах посторонних, невинных жертв. Именно так они казнили шефа жандармов Н.В.Мезенцева, харьковского генерал-губернатора Д.Н.Кропоткина, «проконсула» Юга России В.С.Стрельникова, главаря тайной полиции Г.П.Судейкина, нескольких жандармских чинов и шпионов. Народоволец Н.А.Желваков даже осведомился у самого Стрельникова, точно ли он генерал Стрельников, прежде чем застрелить его. Словом, все народнические (не только народовольческие) теракты, кроме покушений на царя, обошлись без лишних жертв. Казнить царя таким же образом было почти невозможно, ибо царь появлялся на людях только с охраной и свитой. Поэтому народовольцы лишь пытались свести число жертв цареубийства к минимуму.

Все возможное для этого они делали: тщательно планировали каждое покушение, выбирали для нападений на царя самые малолюдные места — Малую Садовую улицу, Каменный мост, Екатерининский канал в Петербурге. Чреватый наибольшими жертвами план взрыва в Зимнем дворце все же исходил не от самой «Народной воли», а был предложен ей со стороны (лидером «Северного союза русских рабочих» С.Н.Халтуриным). Тем не менее ИК официально выразил сожаление по поводу жертв взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г.²⁰ «С глубоким прискорбием смотрим мы на погибель несчастных солдат царского караула, этих подневольных хранителей венчанного злодея, — гласит прокламация ИК от 7 февраля 1880 г. — Но пока армия будет оплотом царского произвола, пока она не поймет, что в интересах родины ее священный долг стать за народ против царя, такие трагические столкновения неизбежны. Еще раз напоминаем всей России, что мы начали вооруженную борьбу, будучи вынуждены к этому самим правительством, его тираническим и насильственным подавлением всякой деятельности, направленной к народному благу». И далее: «Объявляем еще раз Александру II, что эту борьбу мы будем вести до тех пор, пока он не откажется от своей власти в пользу народа, пока он не предоставит общественное переустройство всенародному Учредительному собранию»²¹.

Это условие (отказ Александра II от власти в пользу Учредительного собрания), при котором ИК был готов прекратить свою «вооруженную борьбу», обнародовано здесь не впервые. И в прокламации по поводу предыдущего покушения на царя, 19 ноября 1879 г., ИК заявлял: «Если бы Александр II сознал, <...> как несправедливо и преступно созданное им угнетение, и, отказавшись от власти, передал бы ее всенародному Учредительному собранию, <...> тогда мы оставили бы в покое Александра II и простили бы ему все его преступления»²².

Царь, однако, и мысли не допускал о каком-либо (а уж всенародном тем более) Учредительном собрании. Даже проект конституции графа

М.Т.Лорис-Меликова, смысл которой сводился к образованию в лице временных комиссий (из чиновников и выборных от «общества») совещательного органа при Государственном совете, который сам был совещательным органом при царе²³, — даже этот проект Александр II согласился рассмотреть скрепя сердце, воскликнув при этом: «Да ведь это Генеральные Штаты!» 1 марта 1881 г. за считанные часы до смерти он, вопреки расхожему мнению, одобрил не саму «конституцию», а лишь ее «основную мысль относительно пользы и своевременности привлечения местных деятелей к совещательному участию в изготовлении центральными учреждениями законопроектов», и повелел созвать 4 марта Совет министров для того, чтобы согласовать правительственные сообщение о лорис-меликовском проекте²⁴.

Казнив Александра II, Исполнительный комитет «Народной воли» вновь заявил — в историческом письме новому царю, Александру III, от 10 марта 1881 г.²⁵ — о своей готовности прекратить «вооруженную борьбу» и «посвятить себя культурной работе на благо родного народа». «Надеемся, что чувство личного озлобления не заглушит в вас сознания своих обязанностей, — гласит письмо ИК. — Озлобление может быть и у нас. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцов, но еще братьев, жен, детей, лучших друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требует благо России. Ждем того же и от вас». ИК убеждал самодержца в тщетности любых попыток искоренить революционное движение: «революционеров создают обстоятельства, всеобщее недовольство народа, стремление России к новым общественным формам. Весь народ истребить нельзя... Поэтому на смену истребляемым постоянно выдвигаются из народа все в большем количестве новые личности, еще более озлобленные, еще более энергичные». ИК ставил царя перед дилеммой: «или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, <...> во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный комитет обращается к вашему величеству с советом избрать второй путь».

Александр III, который даже конституцию Лорис-Меликова считал «фантастической» и «преступной»²⁶, избрал первый путь, в конце которого царизм ждала расплата, точно предсказанная в цитированном письме ИК: «страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России»²⁷.

Итак, «красный террор» был вынужденным ответом «Народной воли» на «белый террор» царизма («Не будь последнего, не было бы и первого», — резонно утверждали народовольцы²⁸). И в программе, и в деятельности партии он являл собою одно из многих средств борьбы, и занималась им вполне определенная, ничтожно малая часть народовольцев. Но как

борьба вооруженная, как своего рода боеголовка революционного заряда «Народной воли» террор оказывался *на виду*, заслоняя собой остальную, глубоко законспирированную работу партии. Обывательская мольва отсюда заключила, что народовольцы вообще все или главным образом террористы, а царские охранители намеренно раздували такое представление о народовольцах для вящей тяжести их обвинения. Нынешние же филиппики историков и публицистов против «Народной воли» как партии террористической сочетают в себе и обывательское неведение, и охранительное пристрастие.

Между тем самые благородные и авторитетные умы России и Запада, включая тех, кто принципиально отвергал всякое насилие, сочувствовали «Народной воле» в ее борьбе с царизмом, выражали симпатии ее героям и мученикам²⁹. Среди них — Л.Н.Толстой, И.С.Тургенев, Г.И.Успенский, В.М.Гаршин, В.Г.Короленко, И.Е.Репин, И.Н.Крамской, В.И.Суриков, В.Г.Перов, Н.А.Ярошенко, А.Г.Рубинштейн, М.Н.Ермолова, П.А.Стрепетова, позднее А.П.Чехов, А.А.Блок, А.И.Куприн, на Украине Иван Франко и Леся Українка, в Белоруссии Франциск Богушевич, в Грузии Важа Пшавела, в Латвии Ян Райнис. К ним надо добавить корифеев мировой культуры — В.Гюго, Э.Золя, Г.Мопассана, Г.Спенсера, О.Уайльда, Б.Шоу, А.Конан Дойла, Э.Дузе, Ч.Ломброзо, Г.Гауптмана, Г.Ибсена, Марка Твена. Никто из них не одобрял террора — ни «белого», ни «красного». Но все они понимали, что «Народная воля» борется (вынужденно прибегая и к жестоким средствам) против самодержавного деспотизма за свободную и демократическую Россию.

Примечания

- ¹ В аннотации к роману белогвардейского атамана П.Н.Краснова «Цареубийцы» (М., 1994) деятели «Народной воли» представлены как «террористы-мракобесы», ведущие «безумную охоту» на «выдающегося человека» — царя. Этот взгляд пропагандирует и газета «Книжное обозрение» (см., напр.: 1995. № 9).
- ² Волк С.С. «Народная воля» (1879—1882). М., 1966. С.272—273 (карта), 276.
- ³ Годунова Л.Н. Военная организация народовольцев // Вопросы истории. 1973. № 9. Все города здесь перечислены.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 201. «Обзоры» и «ведомости» важнейших жандармских до- знаний за 1881 г. (С.3), 1882 г. (Л. 140, 158, 175), 1883 г. (Л. 126).
- ⁵ ИК насчитывал за все время его существования 36 человек.
- ⁶ Подробно см.: Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом (1880—1894). Изд. 2. Саратов, 1983. С.31.
- ⁷ См.: Литература партии «Народная воля». М., 1930. С.50.
- ⁸ Там же. С.305.
- ⁹ Подробно см.: Троицкий Н.А. Безумство храбрых. М., 1978. С.54—57.

- ¹⁰ См. в кн.: Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н. Народоволец А.Д.Михайлов. Л.; М., 1925. С.157.
- ¹¹ Литература партии «Народная воля». С.127.
- ¹² Цит. по: Таратута Е.А. С.М.Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973. С.354.
- ¹³ Именно такой тип людей чуть ли не преобладал в столь страшном для царизма ИК «Народной воли».
- ¹⁴ Процесс 16-ти террористов, 1880 г. СПб., 1906. С.226.
- ¹⁵ Подробно см.: Революционная ситуация в России в середине XIX в. М., 1978. С.225—238, 244—247.
- ¹⁶ См.: Миско М.В. Польское восстание 1863 г. М., 1962. С.317.
- ¹⁷ Высочайшие указы об этом последовали 9 августа 1878 г. и 5 апреля 1879 г.
- ¹⁸ Подробно об этом см.: Троицкий Н.А. Безумство храбрых. С.195—199.
- ¹⁹ Толстой Л.Н. Полн.собр.соч. Т. 90. М., 1958. С.308.
- ²⁰ По официальным данным, 11 убитых и 56 раненых (Процесс 16-ти террористов. С.32). 1 марта 1881 г. кроме царя и цареубийцы И.И.Гриневицкого были ранены еще 20 человек, из которых двое скончались (Дело 1 марта 1881 г.: Процесс Желябова, Перовской и др.: Правительственный отчет. СПб., 1906. С.17).
- ²¹ Революционное народничество 70-х годов XIX в.: Сб. документов и материалов: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1965. С.223—224.
- ²² Там же. С.222.
- ²³ Полный текст «конституции» Лорис-Меликова: Былое. 1918. № 4/5. С.162—166.
- ²⁴ См. об этом рассказ П.А.Валуева (в записи М.И.Семевского) // ИРАЛИ РО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 16. Л. 553. Проект правительенного сообщения опубликован: Русский архив. 1916. Кн. 1. С.21—26; Былое. 1918. № 4/5. С.173—177.
- ²⁵ Текст письма см. в кн.: Революционное народничество 70-х годов. Т. 2. С.191—195.
- ²⁶ Пометка Александра III на первой странице лорис-меликовского проекта (Былое. 1918. № 4/5. С.162).
- ²⁷ Революционное народничество 70-х годов. Т. 2. С.193.
- ²⁸ Процесс 16-ти террористов. С.227.
- ²⁹ Подробно об этом см.: Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979. Гл.3. § 2; Гл.5. § 1—3.

Г.С.Кан
(Москва)

ИДЕЙНЫЕ «ЕРЕТИКИ» «НАРОДНОЙ ВОЛИ»

Главными целями «Народной воли», согласно Программе Исполнительного комитета (ИК) (сентябрь—декабрь 1879 г.) и инструкции «Подготовительная работа партии» (весна 1880 г.), как известно, были: 1) завоевание для России политической свободы, созыв на основе всеобщего избирательного права Учредительного собрания и 2) проведение в жизнь «почвеннической» аграрной реформы, предусматривавшей ликвидацию собственности на землю и ее передачу в распоряжение общинам и пользование крестьянам. Основным средством реализации первой из этих задач должно было стать восстание в крупных городах после предварительной «дезорганизации» правительства с помощью террористических актов и привлечения на свою сторону городских рабочих и значительной части армии. Аграрные же преобразования народовольцы надеялись осуществить путем последующих демократических процедур при обязательном участии самих крестьян.

Однако в составе ИК «Народной воли» были отдельные лица, не согласные с теми или иными положениями партийной программы, — А.И.Зунделевич, Н.А.Морозов и М.Н.Ошанина. В данной статье предпринята попытка охарактеризовать взгляды и духовный облик этих «еретиков».

Аарон Исаакович Зунделевич (1854—1923) родился в Вильно в мещанской семье. Будучи учеником Виленского раввинского училища, он в начале 1870-х гг. примкнул к революционному движению, став в 1872 г. сотрудником петербургского кружка «чайковцев». После разгрома «чайковцев» в 1875 году А.И.Зунделевич на некоторое время уехал в Германию (училище он покинул еще в 1873 г.), а затем, по возвращении в Россию, оказался в числе членов-учредителей «Земли и воли». В период раскола «Земли и воли» он поддержал «политиков» и в августе 1879 г. стал членом ИК «Народной воли».

Еще со времен «чайковцев» А.И.Зунделевич ведал переправой через границу, а также был одним из главных создателей тайных типографий в Петербурге, где печатались издания «Земли и воли» и «Народной воли». Очень деятельный, работоспособный, выдержаный, с отличным практическим умом¹, А.И.Зунделевич имел к тому же и большой нравственный авторитет: он был очень добрым и отзывчивым человеком, всегда готовым оказать материальную и моральную поддержку любому нуждавшемуся в

этом². «Мягче и гуманнее его едва ли был кто-либо из нас <...> Он редко в состоянии был проходить мимо протягивающего руку, чтобы не отдать того, чем он мог свободно располагать»³, — писал об А.И.Зунделевиче А.Д.Михайлов. В характере А.И.Зунделевича поражало отношение к женщине — он «мог любить ее только духовно, чисто отвлеченно», «привязанность» «убивала у него всякую чувствительность»⁴.

В ИК «Народной воли» А.И.Зунделевич называл себя социал-демократом⁵. Аграрная часть программы ИК оставляла его равнодушным: главной целью революционной деятельности для него всегда была исключительно «свобода слова и вообще политическая свобода»⁶. В случае, «если бы учредительное собрание санкционировало царизм с его бесправием», он считал допустимой борьбу революционного меньшинства с «насилием большинства над совестью и словом»⁷. А.И.Зунделевич симпатизировал марксизму, но не мог в полной мере принять теорию «экономического материализма» К.Маркса⁸. Он полагал, что политическая свобода должна быть дополнена «социальным освобождением», но никогда не может быть принесена в жертву ради него⁹. По существу, А.И.Зунделевич был скорее социалистически ориентированным либералом-западником, чем ортодоксальным марксистом.

А.И.Зунделевичу недолго пришлось действовать в рядах «Народной воли» — 28 октября 1879 г. он был арестован в Публичной библиотеке в Петербурге вследствие конспиративной неосторожности одного из товарищей. В октябре 1880 г. Петербургский военно-окружной суд приговорил А.И.Зунделевича к вечной каторге, которую он отбывал в Сибири на Каре и в Акатуе. В 1898 г. А.И.Зунделевич вышел на поселение и вплоть до 1906 года жил в Чите. Некоторое время (1906—1907) он проживал в Петербурге, а затем выехал за границу и поселился в Лондоне. По своим политическим взглядам к тому времени он был близок к крайне правому крылу германской социал-демократии во главе с «отцом» реформизма Э.Бернштейном¹⁰. К Октябрьской революции А.И.Зунделевич отнесся отрицательно, но активного участия в политической жизни уже не принимал. 30 августа 1923 г. он умер в Лондоне.

Николай Александрович Морозов (1854—1946) — внебрачный сын богатого помещика, родился в имении Борок Мологского уезда Ярославской губернии. В 1874 г., будучи романтичным и мечтающим о героических подвигах¹² юношей-гимназистом, он стал членом московского отделения кружка «чайковцев», ходил «в народ», пытался вести пропаганду среди крестьян Ярославской, Курской и Воронежской губерний. В декабре 1874 г. «чайковцы» отправили Н.А.Морозова в Женеву для участия в редактировании журнала для народа «Работник». В.Н.Фигнер, встречавшая Н.А.Морозова в Швейцарии, запомнила его как «искреннего, детски доверчивого мальчика, беспредельно преданного революции»¹³. В то время он хотел

закалить свою волю: «не тратил денег на отопление комнаты и терпел стужу», совершенно пренебрегал костюмом и жаловался только, что не может преодолеть свою любовь к фруктам¹⁴. Жизнь в Швейцарии не удовлетворяла Н.А.Морозова, и он решил вернуться в Россию, но при переходе границы 12 марта 1875 г. в местечке Кибарты Волковышского уезда Сувалкской губернии был арестован. Почти три года провел Н.А.Морозов в тюрьме и лишь по окончании процесса 193-х в начале февраля 1878 г. вышел на свободу: в качестве наказания ему засчитали предварительное заключение.

Примкнув к «Земле и воле», Н.А.Морозов осенью 1878 г. стал одним из редакторов ее печатного органа — газеты «Земля и воля». Уже к весне 1879 г. он являлся ярым сторонником индивидуального террора. «Политическое убийство — это осуществление революции в настоящем... мы признаем политическое убийство за одно из главных средств борьбы с деспотизмом»¹⁵, — писал Н.А.Морозов в статье «Значение политических убийств» в № 2/3 «Листка "Земли и воли"» от 22 марта 1879 г. «Выступление с оружием в руках, нападения там, сям, повсюду, насильственное освобождение товарищ, попавших в руки правительства, как нельзя более соответствовали его пылкой натуре и давнишним мечтам о "геройских подвигах"»¹⁶, — вспоминала В.Н.Фигнер. Естественно, что в период раскола «Земли и воли» Н.А.Морозов был на стороне «политиков» и в августе 1879 г. вошел в ИК «Народной воли», став одним из редакторов одноименной газеты. Однако в начале февраля 1880 г. Н.А.Морозов взял «бессрочный отпуск» и вместе с женой О.С.Любатович (они были женаты с 1878 г.) уехал в Женеву.

Каковы причины этого поступка?

Первая, и самая главная, причина состояла в том, что О.С.Любатович была беременна и не хотела ни оставаться в России, ни отправляться за границу без мужа¹⁷. Второй же причиной были разногласия Н.А.Морозова с Программой ИК и принципами построения организации (о них будет сказано ниже).

В Швейцарии Н.А.Морозов прожил до января 1881 г., с мая 1880 г. являясь заграничным представителем ИК «Народной воли». В октябре 1880 г. у него родилась дочь, впоследствии (летом 1881 года) умершая от менингита. В Женеве в том же 1880 г. вышла в свет программная работа Н.А.Морозова «Тerrorистическая борьба». Эта брошюра, а также некоторые письма 1880 г. и позднейшие воспоминания дают довольно полное представление о расхождениях Н.А.Морозова с народовольцами. Они были следующими:

1) Н.А.Морозов не соглашался с выдвижением в качестве ближайшей цели созыва Учредительного собрания, выбранного на основе всеобщего избирательного права¹⁸. Он считал, что при поголовной неграмотности и

гражданской незрелости народа реализация этой идеи приведет «только к санкци[онированию] самодержавия» «новым плебисцитом»¹⁹. Ставя во главу угла «фактическую свободу мысли, слова» и «безопасность личности от насилия»²⁰, Н.А.Морозов предлагал ввести образовательный ценз при выборах представительного органа власти²¹. К аграрной же части Программы ИК он относился равнодушно, не веря в возможность при помощи «общинного» начала избежать капитализма в деревне²²;

2) Н.А.Морозов придавал террору как средству борьбы самодержающее значение. «Тerrorистическая революция», по его мнению, представляет собой «самую справедливую» и «самую удобную» из всех форм революции²³. «С незначительными силами она дает возможность обуздывать все усилия до сих пор непобедимой тирании»²⁴, — полагал Н.А.Морозов, фактически игнорируя при этом все прочие формы революционной борьбы;

3) Н.А.Морозов отрицательно относился к централизованному типу построения организации, считая «основой крепости всякого тайного общества» «его малочисленность, строгий подбор по моральным качествам и товарищеский дух, а не иерархическое устройство»²⁵.

Романтика «братства борьбы», с помощью одного лишь террора побеждающего всесильное самодержавие, переплеталась у Н.А.Морозова с чисто либеральными (в вопросах политических) и полумарксистскими (в вопросах социально-экономических) позициями (последнее признавал и сам Н.А.Морозов²⁶). В отношении программных требований его взгляды были весьма близки к воззрениям А.И.Зунделевича. Вскоре после рождения дочери Н.А.Морозов узнал об аресте А.Д.Михайлова (28 ноября 1880 г.), что подтолкнуло его к возвращению в Россию²⁷. Он собирался действовать вместе с «Народной волей», не вступая формально в ее организацию²⁸. Но Н.А.Морозову фатально не везло при переходе границы, и 23 января 1881 г. его арестовали в деревне Стошки Владиславского уезда Сувалкской губернии. О.С.Любатович, оставив дочь у друзей, в феврале 1881 г. поехала в Россию с целью организовать освобождение Н.А.Морозова, но 6 ноября 1881 г. сама была арестована в Петербурге. Сосланная в Сибирь, она в 1888 г. вышла замуж за бывшего члена группы «москвичей» И.С.Джабадари. Н.А.Морозов же по процессу 20-ти в феврале 1882 г. был приговорен к вечной каторге, которую он отбывал до августа 1884 г. в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, а в 1884—1905 гг. — в Шлиссельбургской крепости.

Человек редкого жизнелюбия, смотревший на самоубийство как на бегство с «поля сражения»²⁹, Н.А.Морозов сумел посредством огромных усилий воли выжить в первые, самые тяжелые годы заключения. Будучи больным цингой и туберкулезом, он «каждый день по несколько раз вставал с постели, пытался ходить сколько мог по камере», «три раза в

день аккуратно занимался гимнастикой», «не давал себе кашлять» или «кашлял в подушку, чтобы не дать воздуху резко вырываться»³⁰. Болезни отступили, тюремный режим немного смягчился, и, получив возможность видеться с товарищами, Н.А.Морозов морально помогал всем, кому мог, и не переставал надеяться на скорое освобождение³¹. У него была удивительная способность никогда не впадать в уныние³², переживать наедине все печальное и сообщать другим «только одно ободряющее и хорошее»³³. Н.А.Морозов сохранил до глубокой старости наивное юношеское, инфантильно-мистичное отношение как к природе³⁴, так и к жизни вообще. «Будем накоплять в своей душе больше хорошего, и не портить ее свежесть накоплением в ней всякой житейской мерзости!»³⁵ — ставил он своим правилом. «Этого — особого — рода люди убеждены, что мир прекрасен. Это верно постольку, поскольку он оказывается способным порождать таких, как они»³⁶, — писал о Н.А.Морозове академик Д.Н.Овсянниково-Куликовский. Подобный менталитет придавал Н.А.Морозову особое обаяние, но порождал и слабости, в числе которых был недостаток суровой дисциплины мысли и глубокого понимания вечно трагического течения жизни, склонность к самообману и стиранию границы между желаемым и действительным, мечтой и реальностью. Все это сказалось как в некоторых научных работах, так и в жизненном пути Н.А.Морозова. В середине 1890-х гг. Н.А.Морозов получил возможность заниматься в тюрьме математикой и естественными науками. Работал он с редкой «настойчивостью и систематичностью», полностью отдавая себя «служению науке»³⁷. В октябре 1905 г. Н.А.Морозов вынес на свободу из Шлиссельбурга 26 томов рукописей своих трудов, самыми значительными из которых являлись работы по химии, математике и астрономии. Научным исследованиям в основном и были посвящены все последующие годы его жизни. В «политике» Н.А.Морозов участвовал мало, хотя в 1917 г., примкнув к кадетам, входил в состав Временного Совета Российской республики (Предпарламента). Отойдя после 1918 г. от всякой общественной деятельности, Н.А.Морозов с начала 1920-х гг. стал вполне лояльным к Советской власти, искренне поверив в ее благие цели и действия. Но в целом он был равнодушен к «политике» и весь отдался научной работе. 30 июля 1946 г. Н.А.Морозов умер в том же самом имении Борок Ярославской области, где и родился.

Мария Николаевна Ошанина (урожденная Оловеникова) (1853—1898) родилась в селе Покровское Малоархангельского уезда Орловской губернии в дворянской семье. Она получила хорошее домашнее образование и, едва достигнув двадцати лет, вышла замуж за чиновника контрольного ведомства в Орле Н.Д.Ошанина. В 1874 г. у нее родилась дочь. В том же году М.Н.Ошанина под влиянием революционера-шестидесятника П.Г.Заичневского (автора знаменитой прокламации «Молодая Россия») стала

социалисткой и вошла в революционный кружок «орлят». «Якобинские» взгляды П.Г.Заичневского, руководившего этим кружком, сыграли решающую роль в формировании ее собственного мировоззрения³⁸.

В 1875 г., оставив дочь на попечение матери, М.Н.Ошанина уехала в Петербург, где, поступив на фельдшерские курсы, сблизилась со сторонниками П.Н.Ткачева. Позднее она установила связи с «деревенщиками», участвовала в Ростовском поселении «Земли и воли» (1877), а затем (в качестве хозяйки конспиративной квартиры в Харькове) в попытке освобождения П.И.Войнаральского (лето 1878 г.). Вступив в том же году в «Землю и волю», М.Н.Ошанина во время ее раскола летом 1879 г. поддержала «политиков» и в августе 1879 г. вошла в ИК «Народной воли». Ее первый муж, Н.Д.Ошанин, умер весной 1878 г. и новым мужем стал член ИК «Народной воли» А.И.Баранников (1853—1883), с которым она обвенчалась летом 1879 г.

Прожив несколько месяцев второй половины 1879 г. в Петербурге, М.Н.Ошанина с начала 1880 г. по апрель 1882 г. находилась в Москве, руководя московской группой «Народной воли», а с апреля 1881 г. целый год — и всей организацией (вместе с Л.А.Тихомировым). «Очень умная, с огромным характером», она «отличалась не женским мужеством, хладнокровным и не поддающимся никакому колебанию»³⁹, — вспоминал о М.Н.Ошаниной Л.А.Тихомиров. «Ее прекрасные светские манеры, умение себя держать, вовремя сказать, что нужно, вовремя промолчать, устроить так, чтобы внушить собеседнику свою мысль, как будто его собственную, перейти, когда нужно, на дружескую короткость отношений — все это привлекало к ней мужчин»⁴⁰, — добавлял он. Кроме того, у М.Н.Ошаниной были и неплохие организаторские способности: «она умела собирать вокруг себя людей и привязывать их к себе, умела и командовать ими»⁴¹. Все эти качества объясняют ту роль, которую М.Н.Ошанина играла в «Народной воле». С Л.А.Тихомировым ее сближали общая ориентация на заговор и государственный переворот и прохладное отношение к террору⁴². В отношении дальнейших действий взгляды М.Н.Ошаниной в значительной степени расходились с Программой ИК: она считала необходимым, чтобы сразу после переворота революционная власть ввела декретами основы нового строя⁴³. В статье В.С.Лебедева «Положение партии в данный момент» (№ 8/9 «Народной воли» от 5 февраля 1882 г.), написанной несомненно под ее сильным влиянием⁴⁴, говорилось, что в случае отсутствия массового народного движения Временное правительство само «производит экономический переворот: уничтожает право частной собственности на землю и на орудия крупного производства»⁴⁵. Только после этого можно созывать Учредительное собрание, получающее всю полноту власти в стране⁴⁶ — утверждалось в статье. Подобная позиция, предлагавшая

нечто похожее на революционную диктатуру и принижавшая роль народа в осуществлении социальных преобразований, была, без сомнения, «якобинской», хотя признание необходимости созыва Учредительного собрания к концу революции отделяло М.Н.Ошанину от крайних «якобинцев» типа П.Н.Ткачева. В апреле 1882 г., будучи тяжело больной (у нее были сильнейшие мучительные мигрени), М.Н.Ошанина уехала из Москвы за границу и с мая 1882 г. жила в Париже. В 1883—1886 гг. она была секретарем редакции журнала «Вестник «Народной воли», а в 1890-х гг. принимала участие в деятельности «Группы старых народовольцев». В середине 1880-х гг. М.Н.Ошанина тесно сблизилась с эмигрировавшим во Францию одесским народовольцем И.А.Рубановичем (1859—1922), ставшим ее третьим мужем.

С 1896 г. здоровье М.Н.Ошаниной резко ухудшилось: участились мигрени, развились хронический катар желудка и малокровие. М.Н.Ошаниной овладела навязчивая идея, что если ее товарищи находятся «взаперти» в своих камерах в Шлиссельбургской крепости, то и ей нельзя оставаться на свободе, а тоже надо быть «взаперти»⁴⁷. Все это привело к тяжелому нервному расстройству, и М.Н.Ошанина оказалась в лечебнице для душевнобольных. Там она заболела острым воспалением легких и 8(20) сентября 1898 г. умерла.

В написанном в июне 1898 г. завещании М.Н.Ошанина, желая оставить друзьям «память о человеке, а не трупе», просила их не участвовать в ее похоронах⁴⁸. Сами похороны, по ее мнению, «должны быть из наиболее простых: погребальные drogi последнего разряда, общая яма», отсутствие всяких речей и венков⁴⁹. Тем не менее М.Н.Ошанина была похоронена в отдельной могиле в присутствии друзей⁵⁰.

Каким же образом такие столь разные по взглядам люди, как «западники» А.И.Зунделевич и Н.А.Морозов, «якобинка» М.Н.Ошанина, могли быть членами руководства одной революционной организации?

По нашему мнению, их, как и вообще всех народовольцев, объединял прежде всего «действенный дух, стремление к активной борьбе»⁵¹ с самодержавным политическим строем. Именно это сглаживало все разногласия и делало возможным сосуществование в ИК «Народной воли» людей столь различных как по мировоззрению, так и по характеру.

Примечания

¹ Письма народовольца А.Д.Михайлова. М., 1933. С.232; Дейч Л. Смерть Аарона Зунделевича // Каторга и ссылка. 1924. № 1. С.213; Фигнер В. Полн.собр.соч. Т. 1. М., 1932. С.166; РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 16. Л. 55 (Ивановская П.С. «А.И.Зунделевич»).

² Дейч Л.Г. Аарон Зунделевич // Группа «Освобождение труда». Сборник 2. М., 1924. С.195, 197; Дейч Л. Смерть Аарона Зунделевича // Каторга и ссылка. 1924. № 1. С.213; Прибылев А.В. Записки народовольца. М., 1930. С.253—254; РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 16. Л. 52, 60 (Ивановская П.С. «А.И.Зунделевич»).

- ³ Письма народовольца А.Д.Михайлова. М., 1933. С.232.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Фигнер В. Полн.собр.соч. Т. 1. М., 1932. С.166.
- ⁶ Письма народовольца А.Д.Михайлова. М., 1933. С.232; сп.: ГАРФ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1. Л. 40 (показания А.И.Зунделевича от 20 мая 1880 г.).
- ⁷ Иохельсон В.И. Первые дни Народной Воли. Пг., 1922. С.18.
- ⁸ РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 16. Л. 87 (Ивановская П.С. «А.И.Зунделевич»).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Дейч Л.Г. Аарон Зунделевич // Группа «Освобождение труда». Сборник 2. С.211.
- ¹¹ РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Д. 16. Л. 95 (Ивановская П.С. «А.И.Зунделевич»).
- ¹² Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 1. М., 1947. С.97—98, 114, 158.
- ¹³ Фигнер В. Полн.собр.соч. Т. 5. М., 1932. С.126.
- ¹⁴ Там же. С.127.
- ¹⁵ Революционная журналистика семидесятых годов. Ростов-на-Дону, [1907]. С.283.
- ¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 147. Л. 340—341 (Фигнер В.Н. «Земля и воля»).
- ¹⁷ Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 3. М., 1947. С.260; РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 604. Л. 165—165об. (письмо Н.А.Морозова к В.Н.Фигнер от 15 июля 1929 г.); Архив РАН. Ф. 543. Оп. 2. Д. 57. Л. 6—6об. (Морозов Н.А. «Размышления перед старинными письмами»).
- ¹⁸ Валк С. Г.Г.Романенко // Каторга и ссылка. 1928. № 11. С.41 [черновик письма Н.А.Морозова к П.Н.Ткачеву от 25 апреля (8 мая) 1880 г.]; РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 604. Л. 179—179об. (письмо Н.А.Морозова к В.Н.Фигнер от 14 мая 1930 г.); Архив РАН. Ф. 543. Оп. 2. Д. 57. Л. 7—7об. (Морозов Н.А. «Размышления перед старинными письмами»).
- ¹⁹ Валк С. Г.Г.Романенко // Каторга и ссылка. 1928. № 11. С.41 [из черновика письма Н.А.Морозова к П.Н.Ткачеву от 25 апреля (8 мая) 1880 г.].
- ²⁰ Морозов Н. Террористическая борьба. Лондон [Женева], 1880. С.10.
- ²¹ Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 1. С.288; РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 604. Л. 179—179об. (письмо Н.А.Морозова к В.Н.Фигнер от 14 мая 1930 г.); Архив РАН. Ф. 543. Оп. 2. Д. 57. Л. 7—7об. (Морозов Н.А. «Размышления перед старинными письмами»).
- ²² РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 604. Л. 178об. (письмо Н.А.Морозова к В.Н.Фигнер от 14 мая 1930 г.).
- ²³ Морозов Н. Террористическая борьба. С.8.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. М., 1947. С.514; сп.: Фигнер В.Н. По поводу исследовательской работы Д.Кузьмина «Народовольческая журналистика» // Кузьмин Д. [Колосов Е.Е.] Народовольческая журналистика. М., 1930. С.243 [письмо Н.А.Морозова к В.Н.Фигнер (апрель 1880 г.)].
- ²⁶ Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 1. С.437; РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 604. Л. 178об. (письмо Н.А.Морозова к В.Н.Фигнер от 14 мая 1930 г.).

- ²⁷ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 604. Л. 165об. (письмо Н.А.Морозова к В.Н.Фигнер от 15 июля 1929 г.).
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 604. Л. 39об. [черновик письма Н.А.Морозова в ИК «Народной воли» (декабрь 1880 г.)].
- ²⁹ Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. С.105.
- ³⁰ Там же. Т. 3. С.49.
- ³¹ Фигнер В. Полн.собр.соч. Т. 4. М., 1932. С.153.
- ³² Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 3. С.210.
- ³³ Там же. С.202.
- ³⁴ Там же. Т. 1. С.49—50.
- ³⁵ Там же. Т. 2. С.334—335.
- ³⁶ Овсянко-Куликовский Д.Н. Воспоминания. Пг., 1923. С.116.
- ³⁷ Фигнер В. Полн.собр.соч. Т. 6. М., 1932. С.289—290.
- ³⁸ Чернявская-Бохановская Г.Ф. Мария Николаевна Оловеникова. М., 1930. С.12.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 36. Л. 30 (Тихомиров Л.А. «Тени прошлого. В бегах по России»).
- ⁴⁰ Там же. Л. 31об.—32.
- ⁴¹ Фроленко М.Ф. Собр.соч. Т. 2. М., 1932. С.14.
- ⁴² Иохельсон В.И. Первые дни Народной Воли. Пг., 1922. С.17; ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 36. Л. 30 (Тихомиров Л.А. «Тени прошлого. В бегах по России»).
- ⁴³ Иохельсон В.И. Первые дни Народной Воли. С.17; Фигнер В. Полн.собр.соч. Т. 1. С.164.
- ⁴⁴ Кузьмин Д. [Колосов Е.Е.] Народовольческая журналистика. С.103, 105, 116—118 (свидетельства С.Я.Елпатьевского, П.С.Ивановской, И.И.Майнова).
- ⁴⁵ Литература партии «Народная Воля». М., 1930. С.159.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Чернявская-Бохановская Г.Ф. Мария Николаевна Оловеникова. С.28—29.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 606. Л. 32 (Завещание М.Н.Ошаниной).
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Чернявская-Бохановская Г.Ф. Мария Николаевна Оловеникова. С.29.
- ⁵¹ Фигнер В. Полн.собр.соч. Т. 1. С.166.

М.И.Леонов
(Самара)

ТЕРРОР И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО (НАЧАЛО ХХ в.)

Систематический индивидуальный террор, осуществляемый революционными политическими организациями, является крайним выражением противостояния, неприятия власти. По этой причине он вызывает специфический общественный резонанс. Террористический акт — убийство или покушение на убийство для достижения определенных политических целей — нуждается, о чем убедительно свидетельствуют многочисленные воспоминания, письма, судебно-следственные материалы, периодическая печать, в ясно выраженной и мобилизующей нравственной мотивации, основой которой может быть только убежденность в бесчеловечности данного политического устройства и действий властей¹. Подобная нравственная мотивация может быть устойчивой лишь при явно выраженной отчужденности от власти значительной части общества, которая не только считает действия террористов морально оправданными, но и приветствует их, поддерживает материально.

Те данные, которыми мы располагаем, дают возможность судить об отношении к террору части русского общества, в первую очередь — партийно ориентированной. За рамками данного исследования остается реакция политически индифферентных слоев. Особенно это касается крестьян, рабочих, ремесленников, среднего городского люда. Специальной разработки требует сюжет активно отрицательного отношения к революционному террору.

Систематический партийный террор в России до 1917 г. имеет два достаточно определенно выраженных пика: рубеж 1870—1880-х гг. XIX в. и начало XX в. На рубеже 70—80-х гг. преобладали террористические акты, организованные «Народной волей», направленные против высших сановников, и в первую очередь против императора, и ставящие конечной целью достижение политических свобод, конституции. Террор начала XX в. был делом многих политических организаций, исчислялся тысячами актов, объектами которых были преимущественно государственные служащие низших степеней иерархической лестницы, в том числе полицейские, городовые, а также казаки и солдаты. Хотя совершенные эсерами покушения, особенно в 1905—1907 гг., когда волна террора захлестнула Россию, составляли лишь малую часть всех террористических актов, именно эсеров-

ский террор был доминантным. Революционные партии и группы стремились посредством террора дезорганизовать механизм государственной власти, возбудить массы на открытые антиправительственные выступления². Важную роль в террористической борьбе играли мотивы мести властям. Убийство царя практически не ставилось непосредственной задачей. Лишь на закате эсеровского террора пошли разговоры о цареубийстве, причем до 1908 г. настолько неопределенные, что даже члены ЦК не верили в серьезность этих планов³.

К середине 1880-х гг. «Народная воля» переживала кризис: свелся к минимуму приток поклонников устрашения властей, прекратилось поступление денежных пожертвований, либеральное (в традиционном представлении) общество уже не восторгалось деяниями террористов, отказалось поддерживать их морально и материально. Дело дошло до того, что в 1883 г. Г.А.Лопатин, прибыв в Россию, не смог найти надежного пристанища.

Еще на рубеже 1890—1900-х гг. среди эсеров были чрезвычайно влиятельны противники террора — ряд организаций так называемой южной Партии социалистов-революционеров, А.О.Бонч-Осмоловский, Л.Э.Шишко, другие члены Фонда вольной русской прессы. Но и сторонники террора — Союз социалистов-революционеров, М.Р.Гоц, Н.С.Русанов — не планировали применять его в обозримом будущем, поскольку были убеждены в неприятии радикальных методов борьбы простым народом и «обществом»⁴.

Однако убийство П.В.Карповичем министра просвещения Н.П.Боголепова было сочувственно встречено либеральным обществом, оппозиционно и революционно настроенным студенчеством. Именно это обстоятельство подвигнуло лидеров эсеров — сторонников террора (в первую очередь Г.А.Гершуни, М.Р.Гоца и В.М.Чернова) приступить к реализации плана систематического террора. Каждый из названных взял на себя определенную функцию: Чернов теоретически обосновывал терроризм, Гершуни формировал боевую организацию (БО) и готовил покушения, Гоц, в руках которого сосредоточились все основные организационные партийные дела, осуществлял посредническую миссию между партийным центром и террористами, а кроме того, активно участвовал в финансировании БО. По свидетельству Л.А.Рубакиной, значительную часть средств на подготовку первого покушения эсеров дали М.Горький и Н.А.Рубакин⁵. 2 апреля 1902 г. С.В.Балмашев смертельно ранил министра внутренних дел Д.С.Сипягина. Этот акт положил начало эсеровскому террору. Лидеры партии накануне покушения, по-видимому, не были полностью уверены в желательной для них реакции общества. По крайней мере, первая прокламация, отпечатанная в подвале ялтинской дачи Н.Г.Коломийцева, имела подпись «Боевая организация», без указания партийной принадлежности. И лишь когда реакция общества выявила достаточно определенно, была издана

вторая прокламация, уже за подпись «Боевая организация партии социалистов-революционеров». Тогда же начала массированную агитацию в пользу террора газета «Революционная Россия»⁶.

Вслед за Сипягиным жертвами эсеровского террора стали харьковский и уфимский губернаторы Оболенский и Богданович, помощник пристава Кулишов, полковник Метленко (два последних покушения организовали члены боевых дружин в Бердичеве и Белостоке), а 15 июля 1904 г. взрывом бомбы, брошенной Егором Созоновым, в Петербурге был убит министр внутренних дел В.К.Плеве. Затем наблюдается всплеск: согласно партийной статистике, в 1905 г. было совершено 54 террористических акта, в 1906 г. — 78, в 1907 г. — 68, в том числе после 3 июня — 30 (по уточненным данным, в 1905 г. — 59, в 1906 г. — 93, в 1907 г. — 81), и сразу — резкий спад: в 1908 г. — 3, в 1909 г. — 2, в 1910 г. — 1, в 1911 г. — 2 покушения⁷. За годы своего существования Боевая организация совершила 11 покушений (менее 5% от общего числа); 4 — до 1905 г., 5 (в том числе убийство агента полиции Татарова) — в годы революции, 2 — во второй половине 1907 г.; 47 покушений на счету Центрального боевого отряда и областных боевых отрядов. Остальные террористические акты совершили боевые дружины, основной задачей которых считалось участие в массовых вооруженных выступлениях. Объектами нападений БО и областных боевых отрядов были, как правило, представители высшего и среднего звена государственного аппарата, боевые дружины действовали против непосредственных исполнителей карательных функций и агентов полиции (провокаторов)⁸.

С 1905 г. к методам террора прибегали, помимо эсеров, и многие другие партийные организации. По далеко не полным данным, с февраля по май 1906 г. террористы убили и тяжело ранили 1421 человека, а по статистике департамента полиции, в 1907 г. «невыясненными лицами» было совершено 3487 террористических актов — в подавляющем большинстве против рядовых служащих государственного аппарата⁹.

Тerror стал кошмаром властей. По свидетельству А.В.Герасимова, все крупнейшие представители власти, включая Николая II, премьер-министров, министров внутренних дел, «всегда» интересовались Боевой организацией и другими организациями террористов и не мелочились в оплате труда Е.Ф.Азефа и других осведомителей. «Впечатление, произведенное выстрелом Балмашева, — отмечал А.И.Спиридович, — было потрясающее. Власти в полном смысле слова не знали, что, как, откуда и почему». Осеню 1902 г. во всех губерниях были созданы охранные отделения, в департаменте полиции особому отделу, заведование которым поручили выдающемуся специалисту сыскного дела, С.В.Зубатову, были приданы функции чрезвычайного органа по борьбе с революционным движением и, в особенности, с террором. «Шпионаж среди революционных организаций был введен в систему»¹⁰.

Огромное впечатление на власти и общество произвела смерть В.К.Плеве. «Строго посещает нас Господь гневом своим», — писал Николай II. «Убийство Плеве, — резюмировал директор департамента Министерства иностранных дел Б.В.Лопухин, — всколыхнуло общественность всей беспощадностью аргумента террора в применении к столь внушительной, сильной и в силе своей казавшейся неуязвимой фигуре, какую являл покойный министр внутренних дел»¹¹. Были приняты чрезвычайные меры охраны императорской семьи, министров, высокопоставленных государственных деятелей. Их выезды совершились после консультаций с начальниками охранных отделений, что, естественно, создавало массу неудобств, особенно в интимных похождениях любвеобильных натур¹². Д.Ф.Трепов, получив телеграмму об убийстве 4 февраля 1905 г. великого князя Сергея Александровича, ворвался в кабинет директора департамента полиции А.А.Лопухина и, бросив ему в лицо: «Убийца!», хлопнул дверью¹³. Ничего подобного в истории этого учреждения ранее не бывало.

Внимательный наблюдатель, начальник канцелярии министра двора А.А.Мосолов, вспоминал, что накануне 17 октября 1905 г. «под влиянием непрерывных террористических актов и объявленной всеобщей забастовки растерянность в правительственные кругах достигла высшей точки»¹⁴.

В высших сферах было немало и таких, кто, как, например, С.Ю.Витте, не скрывал удовлетворения «устранением» Плеве, великого князя Сергея Александровича и других. Витте выразил свою позицию такой тирадой: «<...>раз эта партия находит, что только убийством подобных лиц можно достигнуть государственного устройства, более соответствующего гуманным началам, то довольно естественно, что они убили Лауница»¹⁵. В общем, Витте не смущало, что для достижения более гуманного государственного устройства применяются крайние средства, в том числе и террористические, хотя он и оговаривался, что является противником убийств, «находя, что убийства эти для развития прогресса в государстве приносят больше вреда, нежели пользы».

Газета «Московские ведомости» отмечала, что в консервативных кругах вскоре после покушения на Плеве послышались голоса осуждения погибшего министра. По наблюдению Л.А.Тихомирова, консерваторы «убийц ругали<...> но о самом Плеве я не слышал ни одного доброго слова»¹⁶. В самых высоких сферах находились люди, поставлявшие необходимую для совершения покушений информацию. Е.Ю.Григорович подробно рассказывала о том, как максималисты накануне нападения на дачу премьер-министра П.А.Столыпина получили из Царского Села исчерпывающие данные, но из-за характерной для них лихой беззаботности не сумели последовать полученным указаниям¹⁷. А.В.Герасимов однажды обнаружил, что его «лучшему агенту» Азефу до мелочей известны маршруты царского поезда, о чем знали

всего пять-семь высокопоставленных сановников. Начальник петербургского охранного отделения затратил немало усилий, прежде чем выяснил: осведомитель Азефа занимал «в высшей степени высокий пост в Министерстве путей сообщения»¹⁸. Широкую огласку получил факт участия в одном из покушений на Д.Ф.Трепова его близкой родственницы.

Трагизм положения властей заключался в их отчужденности от общества. «Горько признаться, — вспоминал А.В.Герасимов, — мне редко приходилось встречать людей, которые были бы готовы из убеждения, а не для извлечения материальных выгод (таких людей было немало!) оказывать нам поддержку в борьбе против революционеров. В то время как революционеры встречали сочувствие и поддержку повсюду. Интеллигенция, широкие слои общества, даже умеренно настроенные, особенно симпатизировали эсерам, популярность которых после покушений на Плеве и великого князя Сергея Александровича поднялась на необычайную высоту»¹⁹.

Наибольшее удовлетворение либеральная публика испытала в связи с гибелю Плеве. «Радость по поводу его убийства была всеобщей», — вспоминал П.Н.Милюков²⁰. П.Б.Струве в № 52 журнала «Освобождение» писал, что с момента назначения Плеве на должность министра внутренних дел вероятность его убийства была чрезвычайно велика: «Люди, понимающие политическое положение и политическую атмосферу России говорили: “Жизнь министра внутренних дел застрахована лишь в меру технических условий его умерщвления”». В том же номере журнала говорилось о «моральной противоестественности чувства радостного удовлетворения», вызванного уходом с политической арены Плеве вследствие насилийной смерти, чувства удовлетворения, «вполне естественного при противоестественных условиях русской жизни».

Струве много внимания уделял проблеме нравственной мотивации террора. Его заключение гласило: «Условием, которое с исторической необходимостью породило и порождает революционный террор, является в нашей стране бессилие общественного мнения, закона и права». Кроме того, считал он, русский террор вынуждается постоянным игнорированием права государством, в то время как оно обязано не просто подчиняться праву, как отдельные лица, оно «обязано блюсти право»²¹. К сходным выводам приходили и многие либералы. По мнению В.Д.Кузьмина-Караваева, «попирать право, грубо и бесчеловечно, — для государства во сто крат преступнее, чем для революции»²². Трудно не согласиться с «Московскими ведомостями»: «Среди интеллигенции радость по поводу убийства Плеве была всеобщей. Либералы и постепеновцы были заодно с динамитчиками».

По свидетельству А.В.Тырковой-Вильямс, сообщение об убийстве Плеве вызвало в доме редактора «Освобождения» такое радостное ликование, точно это было известие о победе над врагом. Освобожденцы, продол-

жала она, террором не занимались, но и морального осуждения этому способу политической борьбы не выносили²³. С.Я.Елпатьевский созерцал радостное настроение, которым наполнилась Ялта при известии о гибели Плеве; вот встретились два пожилых солидных господина в котелках, поделились радостью, пожали друг другу руки и расцеловались²⁴. Ликовало одесское либеральное общество. К.М.Панкеев — один из богатейших людей Херсонщины, издатель «Южных записок» — обратился к видному одесскому эсеру Н.Осиповичу со словами: «На днях Вы просили у меня денег на всякие там дела. Я сказал — подумаю. Ну, а теперь вот скажу: могу дать до тридцати тысяч, но исключительно на центральный террор», — и через несколько дней вручил деньги уполномоченному ЦК Н.С.Тютчеву²⁵. Денежные поступления на нужды Боевой организации до конца 1907 г. были постоянны и весьма значительны. Большие суммы жертвовали известный парховладелец Н.Е.Мешков, обладатель многомиллионного состояния Н.Е.Парамонов и многие другие состоятельные люди, в том числе представители богатейших купеческих семей Высоцких, Гавронских, Гоцев, Зензиновых, Фондаминских, чьи дети были видными деятелями партии эсеров. Это, по всей видимости, был самый крупный источник финансовых поступлений в кассы ЦК и Московского комитета партии. Кассиры ЦК А.А.Аргунов, затем М.А.Натансон не отказывали Боевой организации в средствах. Согласно подробному докладу, составленному В.С.Гоцем, с января 1904 г. по декабрь 1907 г. Азеф взял из кассы ЦК 319 919 франков, или ежемесячно около 2500 рублей. Кроме того, специальные пожертвования «на центральный террор» одно время не проходили через кассу ЦК, а сразу передавались БО, то есть тому же Азефу. Последний после разоблачения и бегства писал жене: «<...>через мои руки проходили десятки тысяч без отчета»²⁶. Савинков был убежден, что Азеф крал значительные партийные суммы²⁷. Савинков, Азеф, а также некоторые члены БО не стесняли себя в тратах на личные нужды, вызывая частые нарекания со стороны товарищей по партии²⁸. Согласно утверждениям Савинкова, «дело Плеве» обошлось партии в 30 000 рублей, «дело великого князя Сергея Александровича» — в 7000. Другие авторитетные члены партии называли суммы в 50 000 и 40 000 рублей²⁹.

Совсем иным было финансовое положение летучих боевых отрядов, боевых дружин. Порой их члены буквально бедствовали³⁰. Посредством экспроприаций эти группы не только обеспечивали себя, но отдавали значительную часть добытых средств комитетам на общепартийные нужды.

У ряда революционных организаций применение индивидуального террора было зафиксировано в программах, остальные руководствовались исключительно соображениями «целесообразности». Именно с позиций «целесообразности» критиковали «интеллигентский» террор социал-демократы, боевые дружины которых не раз «охотились» за представителями

власти, не говоря уже об убийствах, совершившихся во время «эксов». Г.В.Плеханов отмечал чрезвычайную радость многих российских свободомыслящих кругов в связи с убийством Плеве. «Но, — продолжал он, — радовались как раз те элементы, которые сами не принимают активного участия в движении»³¹. Были среди социал-демократов и иные мнения. По наблюдениям В.Д.Бонч-Бруевича, после убийства великого князя Сергея Александровича в Москве не было сколько-нибудь значительных слоев, которые бы сочувствовали погибшему, «не было и упреков по адресу террориста<...> Либеральная часть интеллигенции потеряла голову, мечется, потирает руки. Заметен сильный поворот в сторону терроризма»³². Что касается рабочих социал-демократов, то они вплоть до созыва 1-й Думы «аплодировали эсерам после каждого убийства какого-нибудь министра»³³.

Умеренные революционеры, эсеровские «друзья по направлению», редакторы журнала «Русское богатство», энэсы считали террор, «конечно, в строго ограниченных рамках, — как подчеркивал А.В.Пешехонов, — допустимым<...> и вполне своевременным». Все «дело Плеве» проходило на глазах Пешехонова, более того, он сам оказался «одним из опорных пунктов для Боевой организации»³⁴.

Имеющийся в нашем распоряжении материал дает основание предполагать, что политически активные рабочие крупных предприятий промышленных центров, сочувствовавшие революционерам, приветствовали террористические акты, особенно такие, как убийство Плеве и великого князя Сергея Александровича³⁵. В советской литературе еще в начале 30-х гг. можно было встретить такое явно преувеличенное утверждение: «Русские рабочие приветствовали террор»³⁶. Обо всех рабочих этого сказать никак нельзя — среди них были и консервативно настроенные, и аполитичные (последние, можно думать, составляли большинство). И все-таки было много и таких, кто горячо одобрял действия террористов. О любопытном эпизоде, связанном с отправкой на каторгу героини дня М.А.Спиридоновой, чье эмоциональное «Письмо» произвело на широкие слои общества огромное впечатление, поведала А.А.Измайлова. В «перводумские дни» М.Спиридонова, А.Измайлова, М.Школьника, А.Биценко направлялись по этапу в Сибирь. На всех станциях «героинь», и в первую очередь Спиридонову, приветствовали демонстрации. В Кургане на митинге присутствовали несколько тысяч человек. Недалеко от станции Зима «перед нашими окнами как из-под земли вырастает группа возбужденных, радостных рабочих», которые собрали состав и приехали на встречу: «Привет Марии Александровне! Привет другим товарищам! Мы посланы от рабочих станции Зимы. Нас 100 человек. Взяли поезд»³⁷.

Крестьяне, даже социалисты-революционеры, с опаской относились к террору. Показательны рассуждения Г.И.Кабакова, организатора крестьян-

ского союза численностью около 39 000 человек, руководителя «Алапаевской республики», эсера с большим стажем. На вопрос: «Какой Вы партии?» — он отвечал: «Социалист-революционер». Немного подумав, добавил: «Но записался я в трудовую группу, потому, что наши крестьяне боятся этого слова: с.-р., — думают, — где эсеры, там непременно с первого слова бомбы, динамит»³⁸. Как установлено нами, во 2-ю Думу прошли 52 эсера и сочувствующих им. Все они участвовали в первых заседаниях партийной группы накануне открытия Думы. Однако записались в группу во время ее оформления только 38 человек. Почти все не вошедшие в партийную думскую группу были крестьянами, так что в группе осталось только 12 крестьян, но и они, как неоднократно говорил лидер эсеров в Думе Н.И.Долгополов, решительно отвергали террор³⁹. На совещании крестьянских работников в июле 1906 г. крестьянин Пеленкин заявил: «Революционеры совершают только террористические акты, а другого ничего не делают»⁴⁰. Конечно, среди крестьян, особенно молодежи, было немало таких, кто восторгался террором, были и такие, которые участвовали в покушениях, но общая картина от этого не менялась.

Проведенные правительством реформы — создание новой государственной системы с представительными органами, предоставление реальных возможностей легальной политической деятельности в определенных законом пределах, аграрные преобразования — наряду с твердой политикой подавления антиправительственных выступлений решительно повлияли на общественное сознание, ярким примером чего явилось «повальное бегство» из революционных и либеральных организаций, вначале интеллигенции, а затем и рядовых членов. Со второй половины 1907 г. явственно обнаружилось охлаждение либерального общества к революционерам вообще и к террору в особенности. С 1907 г. резко сократились денежные пожертвования, с 1908 г. этот ручеек совсем иссяк.

Измельчание террора, бесчеловечность ряда покушений (как, например, взрыв на даче Столыпина под Петербургом), экспроприаторская гангrena, разоблачение Азефа — эти и другие обстоятельства сделали террор непривлекательным для общества. К 1911 г. партийный политический террор сходит со сцены политической борьбы.

Примечания

- ¹ См., напр.: Ивановская П.С. В боевой организации. М., 1928; Памяти Каляева. М., 1918; Созонов Е.С. Материалы для биографии. Пг., 1919.
- ² [Чернов В.М.] Террористический элемент в нашей программе // Революционная Россия. 1902. № 7; 15 июля 1904—1905 // Там же. 1905. № 71. С.1—2.
- ³ ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 130. Л. 40—43; Там же. Д. 76/77. Л. 26.

- ⁴ См.: Леонов М.И. Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев, 1987. С.7—44, 58—61.
- ⁵ ОР РГБ. Ф. 358. К. 356. Е.х. 16. Л. 9.
- ⁶ «Да здравствует Народная воля». Париж, 1907; Революционная Россия. 1902. № 12/17.
- ⁷ Памятная книжка социалиста-революционера. Вып. 1. С.8—20: Павлов Д.Б. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905—1907 гг. // Непролетарские партии в России в трех революциях. М., 1989. С.149.
- ⁸ Леонов М.И. Эсеры в революции 1905—1907 гг. Самара, 1992. С.23—25, 44.
- ⁹ Малиновский И. Кровавая месть и смертные казни. Вып. 2. Томск, 1909. С.109—110; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1907 г. Д. 80. Т. 1. Л. 18—20.
- ¹⁰ Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров. Пг., 1918. С.127.
- ¹¹ РО ГПБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 765. Л. 127.
- ¹² Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991. С.95.
- ¹³ Там же. С.126.
- ¹⁴ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. М., 1993. С.212.
- ¹⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С.340.
- ¹⁶ См.: Ольденбург С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С.224.
- ¹⁷ Григорович Е. Зарницы. Л., 1925. С.54—61.
- ¹⁸ Герасимов А.В. Указ.соч. С.126—129.
- ¹⁹ Там же. С.54—55.
- ²⁰ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С.236.
- ²¹ Струве П.Б. Patriotica. СПб., 1911. С.28, 153.
- ²² Кузьмин-Караваев В.Д. Из эпохи освободительного движения. Ч.2. СПб., 1907. С.126.
- ²³ Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. Лондон, 1990. С.176.
- ²⁴ Елпатьевский С.Я. Из воспоминаний // Красная новь. 1928. № 9. С.199.
- ²⁵ Осипович Н. В грозовые годы // Кандальный звон: Историко-революционный сборник. Т. 3. Одесса, 1926. С.31—32.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 118. Л. 4.
- ²⁷ Там же. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 133. Л. 52.
- ²⁸ Там же. Д. 123. Л. 27—32.
- ²⁹ Там же. Д. 133. Л. 51.
- ³⁰ Комаров Н. Очерки по истории местных и областных боевых организаций партии социалистов-революционеров, 1905—1909 // Каторга и ссылка. 1926. № 4; Никонов С.А. Борис Николаевич Никитенко // Там же. 1927. № 2; Фролов Г. Террористический акт над самарским губернатором // Там же. 1924. № 1. С.114—122.
- ³¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. 13. М.;Л., 1925. С.143—145.
- ³² Бонч-Бруевич В.Д. Избр. соч. Т. 2. М., 1961. С.76.

- ³³ Шувалов П.С. Из борьбы за хлеб и волю // Красная летопись. 1922. № 5. С.275;
Андреев Ф.С. Автобиография // Рабочие завода «Серп и молот» (б.Гужон) в
1905 г. М., 1931. С.67.
- ³⁴ Пешехонов А.В. Мои отношения с Азефом // На чужой стороне. № 6. С.56—58;
РО ГПБ. Ф. 581. Оп. 1. Д. 70. Л. 20; Д. 1. Л. 6.
- ³⁵ Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 г. М., 1930. С.68—129.
- ³⁶ Каторга и ссылка. 1931. № 1. С.237.
- ³⁷ ОР РГБ. Ф. 261. Карт.19. Е.х. 2. Л. 50—55.
- ³⁸ Русское богатство. 1907. № 3. С.128; Речь. 1907. 15 февр.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 237. 1907 г. Д. 9. Т. 1. Л. 172.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 4475. Л. 8.

И.М.Пушкирева
(Москва)

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО НАЧАЛА ХХ в. И ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР

Российское общество начала ХХ в. и индивидуальный политический террор — это сложная научная проблема, которой уже не раз касались исследователи и в нашей стране, и за рубежом. Дальнейшее ее изучение требует совместного труда не только историков, но и психологов и социологов, философов и юристов, ученых многих специальностей, тем более, что индивидуальный политический террор не изжил себя и по сей день.

В начале ХХ в. индивидуальный политический террор в России разросся до огромных размеров. Ближайшие причины этого следует искать в последних десятилетиях XIX в., когда либерализм в России сменился уже стечением реакции. В капитальном труде И.А.Малиновского «Кровавая месть и смертные казни» (1909) приведены потрясающие сведения «кровавой статистики» — жертв политического террора в разные исторические периоды в разных странах. В России наибольшее их число приходится на первое десятилетие ХХ в. Так, только после 9 января 1905 г. в первые месяцы революции в результате террористических актов в России убиты 42 и ранены 62 представителя царской администрации и военных, 12 покушений оказались неудачными. 8 июля 1906 г., в день своего назначения председателем Совета министров, П.А.Столыпин сообщил с трибуны Государственной думы, что с октября 1905 г. по 20 апреля 1906 г. по политическим соображениям в России были убиты 288 должностных лиц, 388 — ранены, 156 попыток покушения оказались неудачными. В 1907 г. только за две недели — с 16 января по 1 февраля — от рук террористов пострадало 67 должностных лиц (20 — убиты, ранены — 47), в июне 54 должностных лица были убиты, ранены 47¹. Жертвами террора становились генерал-губернаторы, их помощники, градоначальники, командиры воинских частей, начальники тюрем, жандармы, полицейские чины, приставы, околоточные, урядники, стражники, судьи, прокуроры и другие, с точки зрения царской власти, преданно исполняющие свой долг лица. Не миновала сия чаша и членов Государственного совета, особ императорской фамилии.

В 1900-е гг. тактику индивидуального террора приняли многие партии: эсеры, создавшие Боевую организацию, национальные партии «Дашнакцутюн», «Гничак», ППС и некоторые другие. Значительное число актов поли-

тического терроризма приходилось на Боевую организацию эсеров, во главе которой стоял вначале Г.А.Гершунин — участник убийств министра внутренних дел Д.С.Сипягина, губернатора Н.М.Богдановича и покушения на губернатора И.М.Оболенского. После ареста Гершунин организацию возглавляли Е.Ф.Азеф и Б.В.Савинков. Устав Боевой организации гласил, что ее целью является «борьба с существующим строем посредством устранения тех представителей его, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свободы. Устранив их, Боевая организация не только совершает акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы, и стремится довести правительство до сознания невозможности сохранить самодержавный строй»².

Как это ни прискорбно отмечать, но в начале XX в. леденящие душу и сердце политические акты возмездия в России совершились, с одной стороны, при молчаливом одобрении людей нравственно искалеченных, измученных насилием, битьем и драньем, стрельбой, тюрьмами и каторгами, а с другой — при полной растерянности лишенной возможности что-либо предпринять интеллигентной части общества. Люди содрогались от разрывов бомб террористов, но пока на брускатых мостовых просыхала кровь, в обществе проявлялись симпатии и сострадание (вот вам парадокс!) не столько к жертвам, сколько к погибшим или арестованным террористам. Организаторы политического террора, истерзанные сомнениями в правильности избранного пути, с удивлением отмечали, что, например, после убийства в июне 1904 г. министра внутренних дел В.К.Плеве в их боевую организацию разными путями стали поступать «многочисленные денежные пожертвования», люди предлагали свои услуги для организации «террорной работы». Даже надзиратель тюремной камеры, где сидел арестованный ранее Гершунин, рассуждая о покушении на Плеве, связывал это событие с возможным вскоре объявлением конституции в России и учреждением Государственной думы³. В «Воспоминаниях» либерала Д.Н.Шипова сказано, что убийство Плеве «принесло облегчение».

Конечно, любые экстремистские группы, казалось бы, не должны вписываться в цивилизованное общество. И тем не менее, нельзя отмахнуться от их существования. Причины возникновения индивидуального политического террора, равно как и существование в российском обществе начала XX в. неоднозначных взглядов на террор и революцию, произрастали из постоянно подпитывавшей их почвы бесправия и беззакония, господствовавших в стране веками. На протяжении столетий на этой почве формировались те неотрефлексированные умонастроения, привычки сознания, которые в России дожили до XX в. О них пишет в своей книге «Икона и топор: интерпретация русской культуры» и американский учёный Дж.Биллингтон⁴.

Умонастроения общества, как в зеркале, отражались в произведениях писателей того времени, душа которых, говоря словами А.Н.Радищева, «страданиями человеческими была уязвлена». Казалось бы, писатели должны были клеймить позором террористов, а они подчеркивали у своих героев глубоко коренящуюся ненависть и жажду отмщения часто просто к безымянным обидчикам. Так, персонаж пьесы М.Горького «На дне» Сатин восклицает: «А если меня однажды обидели и на всю жизнь сразу, как быть? Простить? Ничего! Никому!» В «Мещанах» того же автора Тетерев на проявленное Еленой сочувствие, что он, должно быть, много натерпелся от людей, отвечает: «Но это дает мне веселую надежду, что и они со временем потерпят от меня... или, верно, — за меня». У С.Г.Скитальца один из героев восклицает: «Вы все хотите, чтобы я был мирен, не отомщал бы за преступления и вместе с вами в тени кумириен молил Бога для вас прощения? Бог мой карает!» У Л.Н.Андреева Савва в одноименном произведении говорит: «Я — мститель... За моей спиной все удушенное вами» и т.д. Поразительно, что все эти настроения были присущи людям если и не религиозным, то, во всяком случае, сформировавшимся в рамках православной культуры, отрицающей насилие в значительно большей степени, чем это делает католицизм. (Вспомним: «Мне отмщенье, и аз воздам», то есть только Бог имеет право осуществлять возмездие.)

«Больная Россия» — так охарактеризовал состояние российского общества Д.С.Мережковский в одном из литературных эссе, стремясь определить свое отношение к террористическим актам политического характера, которые он не отделял от революции в России.

Невозможно оправдать любой терроризм, в том числе и политический, но и нельзя устраниться от него как от старта, который тянулся к революциям в России. В начале XX в. индивидуальный политический террор в этой стране — это бессильный ответ на формы и методы насилия со стороны самодержавной государственной власти — источника принуждения в обществе, тревожный сигнал на само поведение господствующих классов и защищающей их власти, которая не могла (или не была в состоянии?) решать социальные проблемы, опираясь на «справедливые законы», основанные, как о том мечтал еще греческий философ-идеалист V—IV вв. до н.э. Платон в трактате «О государстве», на сочетании «мужества, мудрости идержанности» в политике.

Российское самодержавие ни одним из этих качеств не обладало. Напротив, можно привести факты другого рода, не менее впечатляющие, чем акты индивидуального политического террора. Так, если с 1866 по 1900 г. (то есть за 34 года) в России, по официальным данным, было казнено 420 человек, то с 1905 по 1908 г. (за 3 года) по приговорам гражданских, а с августа 1906 г. и военно-полевых судов было расстреляно и повешено

более 10 000. Николай II стал первым царем из династии Романовых, при котором совершился расстрел мирного населения. По подсчетам журналистов, 9 января 1905 г. убитых и раненых в Петербурге после мирной демонстрации к Зимнему дворцу было до 4600 человек. По далеко не полным сведениям, с января 1905 г. по январь 1906 г. в России было убито в ходе столкновений с войсками и полицией более 14 600 человек, и это не считая погибших во время черносотенных погромов в десятках городов. Только в Одессе в дни погромов с 18 по 22 октября 1905 г. погибло более 1000 человек, в том числе 400 евреев⁵. Многие из этих вопиющих событий стали предметом обсуждения в 1-й Государственной думе. Большая группа ученых-юристов заявляла: государству, конечно, дано право наказывать преступников, но из этого не следует, что современное, претендующее на именование «культурным» государство может осуществлять это право без разбора, используя войска. Русские ученые-криминалисты уже тогда внесли в Государственную думу законопроект об отмене смертной казни, который, к великому прискорбию, остался на бумаге. Военно-полевые суды действовали в 82 из 87 губерний империи, объявленных после начала революции на военном положении. Обычной мерой наказания и для гражданского населения, и для военных стала смертная казнь. Приговор вступал в силу немедленно и обжалованию не подлежал.

В 1902 г. В.Г.Короленко, будучи в Крыму в Гаспре, не упустил случая посетить А.Н.Толстого, умевшего, как известно, в своих произведениях мастерски отражать состояние человеческой души, ищущей правду среди осознанной (или неосознанной?) неправды жизни. По воспоминаниям А.П.Чехова и С.Я.Елпатьевского, Толстой в ту пору проявлял огромный интерес к актам политического террора. А тогда, пишет Короленко, недавно убили министра внутренних дел Сипягина, произошло покушение на петербургского градоначальника Лауница. «Тerrorисты с удивительным самоотвержением шли на убийство и на верную смерть⁶...». В этой борьбе проявилось много настроения, и оно, в свою очередь, начинало заражать Толстого». Короленко рассказал Толстому об убийстве Сипягина. «Как будто и есть за что осудить террористов⁶...» — сказал Толстой. — Ну, вы мои взгляды знаете⁶... И все-таки не могу не сказать: это целесообразно⁶. Короленко, позиции которого были четкими в бескомпромиссном осуждении террора, не мог не удивиться этим словам Толстого, как он пишет, «полуодобрению» террора.

Нам представляется, что здесь со стороны Толстого никакого морального оправдания террора не было. Все объясняется проще: А.Н.Толстой не был бы писателем, если бы не умел отражать всего спектра настроений, бытовавших в различных слоях российского общества. Создавая свои романы, сегодня он был Облонским, завтра — Катюшей Масловой, послеза-

втра — Анной Карениной... В разговоре с Короленко он пытался понять намерения тех, кто вступил в борьбу с властью способами и методами, уже оправданными их собственным сознанием. Великий Толстой был сам плоть от плоти народа. И хотя любимым героем автора теории «непротивления злу насилием» был Платон Каатаев, Толстой старался понять людей, решившихся на политический террор. И в том, что люди доходили до эпатирующих общество убийств, Толстой обвинял правительство. Еще в августе 1900 г. он писал в статье «Не убий!»: «<...> когда убивают их (государственных правителей. — И.П.), то такие убийства возбуждают среди королей и императоров и их приближенных величайшее удивленное негодование, точно как будто эти люди никогда не принимали участия в убийствах, не пользовались ими, не предписывали их. А между тем самые добрые из убитых королей, как Александр II или Гумберт (итальянский король. — И.П.), были виновниками, участниками и сообщниками<...> убийства десятков тысяч людей, погибших на полях сражений; недобрые же короли и императоры были виновниками сотен тысяч, миллионов убийств<...>. Должно удивляться, как так редки такие убийства, после того постоянного и всенародного примера убийства, который они подают людям<...>. Дела, совершаемые по распоряжениям королей и императоров, — не только прошедшего, как Варфоломеевская ночь, избиения за веру, ужасные усмирения крестьянских бунтов, версальские бойни, — но и теперешние правительственные казни, замаривания в одиночных тюрьмах, дисциплинарных батальонах, вешания, отрубания голов, побоища на войнах, без сравнения более жестоки, чем убийства, совершаемые анархистами<...>. Та часть прессы, которую одну они видят и которая им кажется выражением чувств всего народа или лучших представителей его, самым раболепным образом не переставая возвеличивает все их слова и поступки, как бы глупы и злы они ни были». В этой статье Толстой обращает внимание общества на то, что «только при самом поверхностном взгляде убийство⁶...» людей может представляться средством спасения от угнетения народа и войн, губящих жизни человеческие». Толстой выдвигал, по его мнению, задачи первостепенной важности: разъяснить «королям, императорам, президентам», что «заведование войсками» уже само по себе есть «приготовление к убийствам», «всемерно содействовать тому, чтобы люди перестали убивать и королей и друг друга»⁷.

Нельзя утверждать, что сами террористы-бомбометатели не видели аморальности насилия. Став палачами на революционной гильотине, многие из них испытывали сильные душевные муки, ища оправдания даже в христианском вероучении. «Почему я иду в террор? — спрашивала, оправдываясь, одна из участниц Боевой организации эсеров М.А.Беневская, потерявшая кисти рук в момент изготовления бомбы и осужденная на

каторгу за участие в покушении на московского генерал-губернатора Дубасова, и отвечала цитатой из Евангелия: “Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю, а иже погубит душу свою мене ради, сей спасет ю”⁸. Вдохновленные идеалами революционной борьбы, большинство членов Бойевой организации эсеров были уверены в правильности избранного ими пути политического террора во имя народа, во имя любви к народу, как бы отмщения за народные страдания. Вот что говорила М.А.Спиридонова в 1905 г.: «Тerror — есть только ответ. Нет ни одного крестьянина, у которого спина не была бы в рубцах». И далее: террор «не означает мести. Он не означает ликвидации одного из вешателей. Нет! Самый важный элемент в терроре — это протест против угнетения, против деспотизма<...>»⁹ В книге Б.В.Савинкова «Воспоминания террориста» дана целая галерея портретов деятелей эсеровского подполья, безгранично преданных идеи индивидуального политического террора, готовых в любой момент пожертвовать жизнью ради великих целей любви к народу и освобождения его от угнетателей и палачей.

Проблема отношения к индивидуальному политическому террору приобрела особую остроту после поражения революции 1905—1907 гг. Так, Д.С.Мережковский в критической статье о романе Савинкова «Конь бледный» ставил в заслугу автору то, что он вслед за Достоевским и Толстым поднял «жгучую» тему современности — проблему насилия над личностью. Мережковский осуждал насилие в любых формах. Насилие как «зачатье в крови» Мережковский считал «первозданным грехом» и политического террора, и революции. Как бы отвечая Савинкову, который в одном из своих «террористических романов» написал: «...мы все живем обманом и кровью во имя любви», Мережковский заявлял, что было бы величайшим кощунством связывать в каком бы то ни было контексте слова «убийство» и «любовь»¹⁰, а тем более «убийство во имя любви» к кому-то. Он категорически отвергал всяческие поиски и словесные оправдания любых причин и методов любого политического насилия. Это был протест против страшного заблуждения той части российской интеллигенции, которая поверила в исцелительную роль революционного насилия, за что она сама, как и весь народ России, заплатила непомерную цену.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что волею судеб став палачами на революционной гильотине, террористы не были апологетами насилия. Они считали, что методом индивидуального политического террора воюют против насилия, помогая свершиться революции, конечной целью которой ставили создание нового общества, в котором не будет места жестокости и насилию. Так, например, рассуждал эсер-террорист П.В.Карпович. «Свершилось! — воскликнул он, получив известие о революции 1905 г. — Оковы, столь долго угнетавшие Россию, готовы пасть. Еще

натиск — и прекратятся кровавые оргии российского бюрократизма и расчистится путь к созданию новой России!»¹¹

Индивидуальный политический террор у эсеров — пролог к революции («террору массовому»). Это особенно ярко видно из книги разделявшего их позицию князя Д.Хилкова «Тerror и массовая борьба»¹². Автор книги глубоко убежден, что в канун 1905 г. широким массам были более понятны действия эсеров-террористов, направленные на устранение представителей самодержавно-полицейского аппарата, а не лозунг «Долой самодержавие!». Хилков был из числа тех эсеров, которые полагали, что «террорная работа» стимулирует «действие регулярных сил революции». В 1905 г. эсеры активно пополнили ряды этих «регулярных сил», становясь членами боевых дружин, участниками баррикадных боев, приветствуя готовность масс «биться за решение величайшей социальной проблемы — установление всеобщего равенства». Гершуни говорил: «России, по-видимому, в XX веке суждено сыграть роль Франции XIX века. Но крупнейшим счастливым результатом революции здесь будет, как мне кажется, то, что России удастся миновать пошлый период мещанского довольства, охвативший мертвящей петлей европейские страны<...>»¹³ (К сожалению, слова Гершуни не стали пророческими.)

Революционный романтизм эсеров, героика революционных подвигов... Как дорого они обошли российскому обществу! Не менее дорого, чем отчаянное сопротивление самодержавной власти и лично Николая II каким бы то ни было демократическим преобразованиям, фактически полное игнорирование ими всех конституционных проектов либеральных политических партий. Самодержавно-бюрократическим институтам в России и политической камарилье — этому придатку авторитарной власти во все времена — революции 1905 г. оказалось недостаточно. После разгона 2-й Государственной думы лишь на бумаге оставались призывы к «народоправству», «демократизации общественной жизни». По мере того как все более явными становились неудачи преобразовательных потуг царизма, а расхождение между правительством и либеральным обществом приобретало необратимый характер, увеличивались шансы революционеров.

Историю нельзя повернуть вспять, бесплодно осуждать людей за их поступки, можно лишь попытаться их понять для извлечения уроков. Индивидуальный политический террор, равно как и революции, нужно оценивать и с социально-классовых позиций, и с позиций нравственных. Нельзя игнорировать ни то, ни другое. Индивидуальный политический террор являлся не только средством борьбы революционеров, но и средством социальной защиты. Любой террор не может быть оправдан с нравственно-этической точки зрения, но он возник из общественной психологии масс, из эмоций людей задавленных, вынужденных идти на ответный

протест, на выраженное в форме индивидуального политического террора возмущение, способное, по их мнению, уничтожить сам источник бедствий. Признавая, что в политической борьбе насилистические действия могут быть исторически объяснены, нельзя ни на минуту забывать об альтернативах решения этих проблем.

Политический террор, революции, военные столкновения не могут быть единственным способом разрешения социальных противоречий. Опыт показывает неизбежность возникновения террора даже вопреки настроению и желанию исполнителей террористических актов. Известно, что якобинцы считали террор «детищем революции». Но кто сказал, что он был их желанным детищем? Нельзя забывать того, что насилие вовлекает в свой водоворот людей, которые, казалось бы, должны сопротивляться использованию таких форм борьбы, как террор. Насилие ожесточает, ломает человеческие души, корежит жизни, оставляет глубокий след в поколениях. Б.В. Савинков писал в одном из своих стихотворений: «Я, всадник, острый меч в безумье обнажил, И Ангел Аваддон опять меня смущил, Губитель прилетел, склонился к изголовью И на ухо шепнул: душа убита кровью». Участие россиян в трех революциях, десятках войн, в том числе и гражданских, которые пришлись на ХХ в., не прошло бесследно. Известный след оставила и идеализация роли революционеров в истории нашей страны, героики социальных битв.

Индивидуальный политический террор, как и революции в России в начале ХХ в., был порожден насилием и одновременно направлен на одоление государственной машины насилия — авторитарно-самодержавного режима. Но, ставя проблему отношения общества к индивидуальному политическому террору, необходимо сразу же определиться и заявить о том, о чем мы писали ранее: насилие любого рода — тупиковый путь, оно не может сопутствовать прогрессу¹⁴. В понятие прогресса всегда вкладывали и вкладывают высокое нравственное начало. Только опираясь на нравственные постулаты, можно построить цивилизованное государство, противостоящее традициям произвола и насилия. В основу такого общества непременно должны быть положены закон неприкосновенности человеческой личности, требования нравственного и духовного усовершенствования политического и социального строя. История учит, и эти уроки следует учитывать всем правительствам, выдвигающим лозунги демократии и свободы человека. Всякий протест против насилия вообще и против убийства человека имеет политическую окраску. Призывы к действиям, влекущим кровопролитие, с какой бы стороны они ни исходили — сверху, снизу, справа, слева, какими бы соображениями ни мотивировались, всегда имеют негативное значение. Политическая культура — это способность разума преобладать над эмоциями. Вспомним слова М.К. Ганди, который писал,

что «насилие, даже ради защиты справедливости, уже изжило себя» и что «достоинство человека требует, чтобы он повиновался высшему закону — силе духа и разума»¹⁵.

Примечания

- ¹ Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни // Известия императорского Томского ун-та. Кн. 33. Вып. 2. Томск, 1909. С.19.
- ² Савинков Б.В. Воспоминания. М., 1990. С.89.
- ³ Там же. С.17, 87—88.
- ⁴ Billington J.H. The Icon and Axe: An Interpretative History of Russian Culture. N.Y., 1967.
- ⁵ Малиновский И.А. Указ соч. С.53, 72—72; Ленин В.И. Революционные дни // Полн.собр.соч. Т. 9. С.220—221.
- ⁶ Короленко В.Г. Земли! Земли! М., 1991. С.76—77
- ⁷ Толстой Л.Н. Собр.соч. Т. 16. М., 1964. С.528—534.
- ⁸ Савинков Б.В. Указ. соч. С.215.
- ⁹ Цит. по: Bunyan J. Intervention, Civil War and Communism in Russia. Baltimor, 1936. P.201—202; Stints R. The Women's liberation movement in Russia. Princeton, 1978. P.312.
- ¹⁰ Мережковский Д.С. Полн.собр.соч. Т. 15. С.23—24.
- ¹¹ Цит. по: Савинков Б.В. Указ. соч. С.323—324.
- ¹² Хилков Д. Террор и массовая борьба. Париж, 1904.
- ¹³ Савинков Б.В. Указ. соч. С.309.
- ¹⁴ Пушкирева И.М. Опаленные идеей революции // Савинков Б.В. Указ. соч. С.24.
- ¹⁵ Gandhi M.K. Non-Violence in Peace and War. Ahmadabad, 1962. P.224.

Р.А.Городницкий
(Москва)

ТРИ СТИЛЯ РУКОВОДСТВА БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ: ГЕРШУНИ, АЗЕФ, САВИНКОВ

Боевая организация Партии социалистов-революционеров (БО ПСР) была сформирована в первом году двадцатого столетия и действовала с небольшими перерывами в течение десятилетия. За это время назрела и произошла революция 1905—1907 гг., изменился государственный строй России, были созваны три Государственные думы. Становление буржуазной монархии совпало с затуханием массовой революционной активности. Руководство ПСР неоднократно меняло свое отношение к боевой работе, сообразуясь с постоянно меняющимися политическими реалиями. БО также действовала, исходя из возникших обстоятельств: варьировалась ее состав, внедрялись в практику технические новшества, постоянно реконструировались методы ее руководства.

Согласно уставу, БО была автономна. Однако во главе БО стоял член ЦК ПСР, который назначался начальником БО, и ЦК «имел право временно приостановить действия БО, совершенно прекратить деятельность ее, расширить круг ее деятельности или сузить его»¹. В организационных же, материальных и прочих аспектах БО была независима. Поэтому, несмотря на общепартийное руководство, личность руководителя БО налагала неизгладимый отпечаток на ее действия. Глава БО самым существенным образом влиял на все стороны ее функционирования, и в значительной степени от него зависело, добьется ли БО успеха или ее постигнет неудача. Именно руководитель БО координировал террористические акты против лиц, намеченных ЦК ПСР, а от слаженности этой работы зависел авторитет не только партии эсеров, но и всего революционного движения в России в глазах мировой демократической общественности.

Все три лидера БО — Г.А.Гершунин, Е.Ф.Азеф, Б.В.Савинков — были яркими личностями, и, естественно, каждому из них были присущи свой стиль руководства, своя манера разрабатывать планы и воплощать в жизнь задуманные решения. Сразу оговоримся: несмотря на то, что Азеф являлся сотрудником департамента полиции, мы будем рассматривать его как безусловно активного участника борьбы против представителей царской бюро-

кратии. В этом аспекте мотивировка его действий может быть многозначной и не должна препятствовать его характеристике именно как руководителя БО партии, которая признавала террор в качестве одного из основных методов борьбы с самодержавным режимом.

Г.А.Гершунин был руководителем инициативной группы, которая оформилась и с апреля 1902 г. действовала как БО ПСР. Душа и сердце этой организации и, по словам В.М.Чернова, «диктатор ее в настоящем смысле слова»², Гершунин примкнул к революционному движению в достаточно зрелом возрасте — почти в тридцать лет. Фармацевт по образованию, он в 1898 г. в Минске открыл химико-бактериологический кабинет и надеялся легальной культурной работой поднять общий уровень масс. Под влиянием Е.К.Брешко-Брешковской взгляды Гершуни радикализировались, постепенно он пришел к мысли о необходимости создания организации, продолжавшей традиции «Народной воли», и в результате основал «Рабочую партию политического освобождения России». Будучи арестован в июле 1900 г. С.В.Зубатовым, Гершунин убедил его в «неопасном» характере своей деятельности и после непродолжительного заключения вышел на свободу. Летом 1901 г. он перешел на нелегальное положение и к концу года, как представитель южных групп эсеров, стал одним из создателей ПСР. Одновременно на него легла задача формирования БО: Гершунин лично подбирал людей, агитировал их, вербовал.

БО при Гершунине была немногочисленна: в нее входило около 15 человек. Координацией связи между ними занимался лично Гершунин. Он же один знал и полный состав участников. Вначале его ближайшими помощниками являлись П.П.Крафт и М.М.Мельников, затем — Азеф, но и они не были в курсе всех операций, руководимых Гершунином. Самым доверенным его лицом был представитель БО за границей М.Р.Гоц. Импровизатор по натуре, Гершунин разрабатывал многочисленные планы, требовавшие скорее не длительной и упорной подготовки к их осуществлению, а молниеносного исполнения. Некоторые из них были блестящие воплощены: убийства министра внутренних дел Д.С.Сипягина, уфимского губернатора Н.М.Богдановича. Террорист обычно использовал для своих целей револьвер, о применении более сложных в техническом отношении средств борьбы Гершунин тогда только мечтал. Он лично сопровождал террористов фактически до места совершения покушений, своей энергией вдохновлял их, заставляя подавить сомнения, если такие имелись. В глазах представителей полицейского ведомства Гершунин был умным и хитрым человеком, гипнотически влиявшим на людей, которые полностью покорялись его железной воле. Большинство же членов ПСР относились к Гершунину как к талантливому организатору, оставлявшему на всех делах «печать своего романтического идеализма», морального благородства и чистоты³; принципы, заложенные Гершунином, признавались за основу

террористической борьбы, которую практиковала ПСР. В мемуарных свидетельствах многих товарищей по партии Гершуни предстает в образе героя, образца для подражания.

Однако в некоторых воспоминаниях встречаются указания на недостатки, присущие этому, по меткому выражению С.В.Зубатова, выдающемуся «художнику в деле террора». Так, Е.К.Брешко-Брешковская считала, что Гершуни «был крайне неумелым в определении годности того или другого типа. Он горячо хватался за всех, кто предлагал ему себя как решительного борца, готового сейчас же стать в ряды БО»⁴. Этот взгляд, безусловно, не лишен оснований. Именно Гершуни привлек в БО Ф.К.Качуру, который не выдержал тягот тюремного заключения и дал откровенные показания; именно Гершуни посыпал на террористические акты супругов Григорьевых, недостойное поведение которых на суде повредило зарождавшемуся террористическому движению; в конечном итоге, именно Гершуни своим авторитетом окончательно укрепил положение Азефа и даже указал на него как на своего преемника по боевым делам.

Весьма негативно представлен облик Гершуни и в воспоминаниях его ближайшего соратника по БО М.М.Мельникова. Мельников находит почти во всех осуществляемых Гершуни практических делах «поразительную слабость и какую-то мелодраматичность»⁵. Покушение на К.П.Победоносцева 5 апреля 1902 г., возложенное на переодевшуюся в костюм гимназиста Ю.Ф.Григорьеву, по выражению Мельникова, — «вздор, достойный бульварного романа»⁶. Так же отрицательно оценивались планы Гершуни взорвать подъезд Мариинского дворца, где заседал Государственный совет, при помощи автомобиля с динамитом и здание Московской охранки только с целью произвести шумное впечатление.

По Мельникову, основы характера Гершуни — «хитрость, расчетливость, никогда его не покидавшие, сильнейшая склонность к рекламе, большое честолюбие и гипертрофированное самолюбие»⁷. Мельников считал, что Гершуни «не был восторженным, самоутверженным боевиком чистого типа», и находил, что это был «человек, не склонный к экстазу, ловкий практик-делец, поражающий<...> своей способностью рассчитывать буквально каждый свой шаг в видах какой-нибудь непосредственной пользы»⁸. Следует оговориться, что далеко не ко всем определениям, данным Мельниковым, следует относиться с доверием, но ему, безусловно, были присущи острые наблюдательность и точность в изложении фактов.

В 1907 г., после Второго общепартийного съезда, Гершуни вместе с Азефом вновь возглавил заново сформированную БО. Однако смерть помешала проявиться на этом посту его организаторским способностям. Известно, что в последние месяцы жизни Гершуни был увлечен идеей использования в террористических целях новых видов оружия и производил на

всех впечатление человека «большой воли и несокрушимой энергии»⁹. Даже Азеф писал о нем жене: «Этот человек гораздо выше меня»¹⁰. Это единственный случай, когда Азеф дал кому-то столь высокую оценку.

После ареста Гершуни в мае 1903 г. БО фактически перестала существовать как единое целое. С.Н.Слетов свидетельствует, что постоянно сталкивался в России с членами БО, которые остались с различными поручениями, но из-за распада связей не знали, что им делать¹¹. В этих условиях приехавший за границу Азеф сумел объединить все разрозненные силы и привлечь в БО множество революционно настроенной молодежи. Кроме того, Азеф впервые практически занялся использованием динамитной техники в боевом деле. Он создал ряд динамитных мастерских за границей, произвел ряд опытов, руководил самими работами. Чернов утверждал: «Без преувеличения следует сказать, что разрешение вопроса о новой динамитной технике принадлежало Азефу»¹². Именно тогда были разработаны основные методы борьбы, которым следовала БО во время всего своего дальнейшего существования. Конечно, и Гершуни считал, что «мало веры в револьверы», и Гоц полностью поддерживал новые инициативы в террористических выступлениях, но все же главной организационной силой в этой области явился Азеф. Ему же принадлежала идея наружного наблюдения за лицами, которые намечались к устраниению. Для этого боевики переодевались извозчиками, разносчиками, папироносниками и т.д. Б.И.Николаевский справедливо отмечал, что покушение, согласно выработанным Азефом правилам, «переставало быть актом революционера-одиночки, которому БО оказывала только сравнительно небольшое содействие»¹³. Азеф наладил паспортное дело, создал кассу БО, лично находил нужные явки, квартиры, места свиданий, разрабатывал и более крупные проекты, впоследствии не воплотившиеся в жизнь. Чернов утверждал: «Словом, все, что предполагалось и что было осуществлено, все это принадлежало главным образом Азефу»¹⁴.

Из всех будущих членов БО только Азеф летом 1903 г. принимал участие в ее конструировании. Только он знал всех принимаемых в БО, сами же они друг друга не знали. Авторитет Азефа, как ближайшего соратника и друга Гершуни и Гоца, был непререкаем. Сам порядок устройства БО требовал назначения Азефа ее начальником. После удачного покушения на В.К.Плеве положение Азефа в партии и БО упрочилось окончательно. Широко известны и принципы подбора, которыми руководствовался Азеф при приеме в организацию новых членов. В отличие от Гершуни, он не агитировал кандидатов, а напротив, чрезвычайно строго производил отбор и при малейших сомнениях отвергал кандидатуру.

Уже в процессе подготовки к первым покушениям была выработана структура БО, которая оказалась оптимальной и за все время эсеровского

террора изменению не подвергалась. БО делилась на три части: первая, так называемые холуи, — люди, которые занимались собственно наружным наблюдением за намеченными к уничтожению лицами; они жили в полной нищете и работали с напряжением, немыслимым в какой-либо другой области дел партии. Вторую часть составляли химические группы, занимавшиеся изготовлением взрывчатых веществ и снаряжением бомб; их материальное положение было средним, они могли позволить себе существовать в условиях конспирации. И наконец, третью, весьма немногочисленную, группу составляли лица, жившие на барских ролях. Они организовывали и координировали работу двух остальных частей организации. Само собой разумеется, что образ жизни этих людей был достаточно широк. В последней группе состояло обычно три-четыре человека. Думается, что в целом такая постановка боевого дела была близка к идеальной в том смысле, что гарантировала успех намеченных предприятий. Сплочивала БО единая воля, персонифицированная в Азефе. Следуя принципу революционной целесообразности, в решительную минуту он один принимал решения. Азеф прекрасно понимал, что простыми авторитарными методами управлять БО нельзя, и позволял боевикам обустраивать жизнь так, как они сами того хотели. И люди, составлявшие костяк БО в период ее расцвета — Б.В.Савинков, Е.С.Созонов, И.П.Каляев, Б.У.Вноровский, М.И.Швейцер, Д.В.Бриллиант, А.Д.Покотилов, Л.И.Зильберберг и многие другие, — сознательно направляли все свои старания на то, «чтобы организация представляла из себя единое целое со всех точек зрения, крепко связанное между собой»¹⁵. В БО 1904—1906 гг. меньше всего царили отношения начальства и подчинения, а больше было дружбы и любви, и походила она скорее на семью, чем на орган, учрежденный ЦК ПСР. Многие члены БО недостаточно хорошо разбирались в оттенках партийной политики, но были готовы отдать жизнь во имя торжества идей свободы и справедливости. И хотя БО не мыслила себя вне партии, ее членам были чужды раздирающие партию разногласия. Многие боевики шли в ПСР именно потому, что в ней была БО, и для них было ценно то, что своей работой они служили «всем партиям без различия»¹⁶, всей российской революции.

В августе 1904 г., после убийства В.К.Плеве, произошло окончательное оформление статуса БО — принят ее устав. Верховным органом БО стал Комитет, членом-распорядителем которого избрали Азефа, заместителем его — Савинкова; в состав Комитета вошел также Швейцер. Однако, по свидетельству Савинкова, устав никогда боевиками не исполнялся: «Эта бумажка так и осталась бумажкой. Она скорее выражала наши пожелания, чем являлась конституцией для нас»¹⁷. Хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на известную долю самостоятельности Азефа в принятии тех или иных решений, его действия постоянно контролировал ЦК ПСР, и в первую очередь —

М.Р.Гоц. В сущности, «ни одно предприятие без одобрения, без разрешения и без ведома Гоца не предпринималось»¹⁸. Однако при практической постановке любого дела выяснялось, что Азеф был на голову выше всех остальных. Это мнение подтверждается свидетельствами почти всех боевиков. Азеф с блеском выходил из любого технического тупика, он обладал способностью ориентироваться в запутанных ситуациях, принимая во время разработки боевых планов единственно верное с точки зрения целесообразности решение. В.М.Зензинов и в 1910 г. утверждал, что «не будь Азеф провокатором, то это был бы по-прежнему первый и лучший боевик»¹⁹.

В теоретических вопросах Азеф также хорошо ориентировался, круг его умственных интересов был необычайно широк. Он превосходно знал труды Н.К.Михайловского, читал И.Канта в подлиннике, умно и интересно излагал свои мысли. Чернов, считавший, что Азеф прекрасно разбирается в вопросах теоретического характера, многое черпал для себя из философских споров с ним. Людей, близко знавших Азефа, поражал его интерес к философии.

Из членов БО никто не заметил ни единого обстоятельства, могущего умалять моральный авторитет Азефа. А ведь люди, входившие в БО, были в подавляющем большинстве ригористами и весьма строго относились к недостаткам товарищей. Это свидетельствует о необычайном умении Азефа «подавать» себя и играть взятую на себя роль самого крупного и выдающегося революционера во всей истории российского освободительного движения.

После убийства Плеве Азеф разделил БО на три территориальных отдела: Киевский, который состоял главным образом из рабочих и был немногочисленным, Московский, состоявший из четырех человек и осуществивший покушение на великого князя Сергея Александровича, и Петербургский, насчитывающий пятнадцать человек. После ряда провалов БО пребывала в состоянии дезорганизации. После Манифеста 17 октября 1905 г. она была распущена, но на Первом партийном съезде в январе 1906 г. восстановлена. Продолжала она до ноября 1906 г. и была ликвидирована после отказа Азефа и Савинкова от руководства боевой работой. По свидетельству М.А.Натансона, боевики аргументировали свое решение тем, что «все старые пути оказались несостоятельными, а новые пути — во-первых, их нет, а во-вторых, ЦК дает недостаточно сил и средств, чтобы их можно было искать»²⁰.

Какие же методы руководства БО применял Азеф в этот период? Савинков образно рисует распределение ролей в деле управления БО: в организации Азеф «занимал положение капитана корабля, я — старшего офицера, именно я сносился со всеми товарищами, был с ними в непосредственном общении, со многими в тесной дружбе. Он<...> из своей каюты не выходил, а отдавал приказания через меня, вел организацию через меня»²¹.

Как было сказано выше, во главе БО стоял Комитет. Юридически Азеф мог принимать любые решения единолично, но фактически ни одно решение не принималось без того, чтобы Савинков специально не поговорил, даже по мелким вопросам, с каждым членом БО, не уяснил их мнения, стараясь добиться некоторого единомыслия. Азеф очень часто присоединялся к мнению большинства, и хотя он иногда брал на себя ответственность за решения, которые противоречили мнению большинства, обычно работа БО определялась коллективной волей, и в 1904—1906 гг. существенных разногласий в организации не возникало.

Очень характерно для Азефа было его стремление отделить БО от ЦК ПСР и создать между ними трения. Это была хорошо продуманная интрига. При таком положении дел ложные сведения, сообщаемые Азефом, сеяли рознь между членами БО и ЦК и давали ему возможность бесконтрольно дурачить тех и других. Ситуация облегчалась для Азефа тем обстоятельством, что ряд решений ЦК вызывал неприятие у членов БО. ЦК ПСР, не понимая всей сложности постановки боевой работы, принимал недальновидные в тактическом смысле решения: в октябре 1905 г. он распустил БО, чтобы снова созвать ее через два месяца; то же повторилось во время работы 1-й Думы — после ее разгона вновь пришлось почти с нуля начать организацию боевой работы. Несколько раз ЦК оставлял боевиков на произвол судьбы и отказывался от ответственности за боевые акты, проведенные ими, хотя и знал, что таковые готовились и проводились. Все это позволяло Азефу лавировать и долгое время избегать разоблачения.

В связи с этим возникает вопрос: что же позволяло Азефу так долго быть во главе БО, одновременно работая и на департамент полиции? Сама созданная им система организации террора или же психологическая нечуткость участников БО и ремесленная зашоренность членов ЦК? Мы склонны утверждать, что изменение организационных форм ведения боевой работы привело бы к свертыванию террора вообще. Причина существования провокатора в высшем руководстве ПСР видится в огромном умственном и психологическом превосходстве Азефа над другими членами ЦК и БО.

Восстановленная под водительством Азефа БО за 1907—1908 гг. не совершила ни одного успешного покушения, Азефом предотвращались все попытки цареубийства. К тому времени его положение в партии было незыблемым, и он, предпочитая сохранять свое реноме в глазах охранки, позволял БО действовать активно лишь в известных пределах.

Принципы работы БО за этот период оставались прежними: Азеф не хотел и, видимо, не мог их изменить. Вкратце попытаемся рассмотреть мотивы, толкавшие Азефа на путь предательства.

Спиридович считал, что Азеф — «редкий эгоист», руководствовавшийся в своих поступках только личными интересами, «для достижения

которых пригодны все средства»²², хотя и относил его к истым революционерам-террористам. С.В.Зубатов полагал, что занимался Азеф революцией только «ради ее доходности, а не по убеждениям, как и службой правительству. Натура его была чисто аферистическая»²³. Интеллектуально он ставил Азефа выше любых представителей царской полиции. А.В.Герасимов склонен был рассматривать Азефа как наиболее ценного сотрудника департамента полиции, заслуги которого в «деле борьбы против революционного террора огромны»²⁴. Таковы были, подчас диаметрально противоположные, точки зрения представителей полицейского ведомства.

Во взглядах же эсеров на Азефа присутствует не меньшая разноголосица. Г.А.Лопатин считал его человеком, сознательно выбравшим «себе профессию полицейского агента, точно так же, как люди выбирают себе профессию врача, адвоката и т.п. Это практический еврей, почувявший, где можно хорошо заработать, и выбравший себе такую профессию»²⁵. Б.В.Савинков объяснял «двойственность» Азефа еще проще — во всех его действиях он находил лишь «трусость и алчность»²⁶, отрицая в Азефе всякое сочувствие к революционному движению. М.М.Мельников определял двойную роль Азефа как «революционное негодяйство», морально еще более ужасное, «чем простое провокаторство, не осложненное революционными целями»²⁷. Но, думается, наиболее тонко охарактеризовал фигуру Азефа, обманывавшего революционеров, выдавая их департаменту полиции, и обманывавшего полицейских и правительство, участвуя на деле в террористических предприятиях, В.М.Зензинов. Какие цели в действительности преследовал Азеф? — задавался риторическим вопросом Зензинов в 1924 г. «Эта тайна осталась с ним. Я могу <...> лишь высказать предположение: по натуре своей он был игроком — он играл головами других и своей собственной, и эта игра, в которой он должен был себя чувствовать мастером, давала ему в руки ту власть, которая его опьяняла, — власть над правительством и революцией. Но за эту игру никогда он <...> не забывал получать от правительства свои тридцать серебренников»²⁸.

В январе 1909 г., почти сразу после бегства Азефа, состоялось соглашение между ЦК и группой под руководством Савинкова, ставившей своей целью организацию центрального террора. Кандидатура Савинкова на этот ответственный пост не вызывала сомнений — после разоблачения Азефа все лидеры ПСР рассматривали Савинкова как самого крупного «практического организатора боевых дел»²⁹ (слова М.А.Натансона). Савинков считался ветераном БО (примкнул к ней в 1903 г.), и она была высшим и святым для него делом. Стимулом его деятельности были любовь и уважение к членам БО. «Все, что товарищи потребуют, должно быть выполнено»³⁰, — говорил он. И боевики платили Савинкову тем же. М.Р.Гоц относился к нему с подчеркнутой нежностью, называя «своим Вениами-

ном»³¹, таким образом выделяя его как самого любимого человека из всего состава БО. Е.С.Созонов не все принимал в характере Савинкова, но ценил его блестящую талантливость и благородство. Савинков, писал Созонов, «чудесный цветок, Бог знает откуда занесенный. Вся его деятельность носила какой-то странно-личный характер: он боролся как будто потому, что лично его оскорбили, его честь благородного человека. И боролся так, что всем нам мог послужить образцом»³². Подобные характеристики Савинкова его товарищами по террористической работе встречаются неоднократно.

Отношение к Савинкову членов ЦК ПСР было не столь однозначным. В ЦК в основном вошли люди более старшего возраста. Им были чужды и непонятны многие искания молодой поросли революционеров; казались странными мотивы, заставлявшие молодежь идти в террор. Для многих представителей поколения 1870-х гг. сама постановка вопроса об индивидуальном решении моральных проблем и отказ от детерминированной этики вызывали настороженное отношение, а попытка публичного обсуждения этой темы представлялась крамольной. Савинков остро чувствовал психологическую отстраненность от революционеров старшего поколения, судьбой которых восхищался. Но отказаться от своего пути, от права на свои выстраданные убеждения он не хотел и не мог. В письме к В.Н.Фигнер от 3 июля 1907 г. он писал: «<...>в моих «ересях» я вижу попытку, быть может, слабую — все равно, — революции духа, борьбы с той стороной человеческого «я», которая, — я замечал, — во всех даже самых свободных людях несвободна и глубоко консервативна»³³.

Савинкову было внутренне чуждо любое проявление позитивизма и рационализма в интеллектуальной сфере. Тоска по чему-то иррациональному, по тому, «чего нет на свете», была движущим началом его революционной деятельности. Он жил общими делами с теми, кто боролся против самодержавных форм правления, но мысли его вступали в конфликт с партийными догмами и установлениями. Во время подготовки и совершения террористических актов эта чуждость не была заметна, но стоило Савинкову оказаться в Европе, на «отдыхе», как его слишком свободное поведение вызвало нарекания со стороны многих почтенных представителей руководства эсеровской партии. Это глухое недовольство, зревшее подспудно, до 1908 г. почти ни в чем не проявлялось.

Сам же Савинков тщательно скрывал от посторонних свои душевые искания. Его постоянно мучили сомнения в истинности избранного им пути. Ценность прожитой жизни казалась все более призрачной. Он знал эти разъедающие свойства своего характера, своеобразную извращенность, заставлявшую во всем сомневаться, и тогда одиночество и тоска с особой силой захватывали его. Единственный выход из этого состояния Савинков видел в действии, борьбе. Ему казалось, что именно связь с товарищами поможет

преодолеть внутренние мучения. Однако даже сам себе Савинков не мог ответить: «куда поведет меня дальше моя мятежная звезда!»³⁴ Чтобы забыться, не искать ответов на неразрешимые вопросы, Савинков убивал время в кафе, казино, на скачках, в пустых разговорах. Цель этого была одна — вызвать оцепенение мысли.

Естественно, все более широкому кругу эсеров становилось известно об этом «вольном» образе его жизни. И, не вдаваясь в анализ происходившего, со временем ряд партийных руководителей утвердились во мнении, что Савинкову присущи «кавалергардские» замашки и барский стиль жизни. Д.В.Философов совершенно справедливо считал, что за работой Савинкова «видели десятки людей, в праздности же видела вся колония» эмигрантов³⁵. Именно эти качества Савинкова позволили М.Р.Гоцу, горячо его любившему и прощавшему ему все слабости, сказать, что Савинков — «это надломленная скрипка Страдивариуса»³⁶.

И все же чувство долга, пусть даже весьма субъективно понятое, никогда не позволяло Савинкову покинуть те ряды борцов с устаревшими формами российской государственности, в которые он был поставлен самой жизнью. И наиболее дальновидные члены партии эсеров это понимали. Так, Л.Э.Шишко писал Савинкову: «Вы, несомненно, — детище тех же самых скорбей и радостей, тех же самых проклятий и идеалов, которые были вложены и в наши души»³⁷. Тот же Шишко, ценимый эсерами как один из «святейших» людей, в знак любви и безграничного уважения к Савинкову подчеркивал их спаянность в неразрывное целое, построенную на общественных мотивах и дополненную источником душевной силы Савинкова, источником, который изливался и вырисовывался сугубо в индивидуальных чертах, во всей его личности.

В 1908—1909 гг. отношение к Савинкову в партии эсеров значительно ухудшилось. В первую очередь это было вызвано его разрывом с первой женой, В.Г.Успенской, произошедшим скорее по ее желанию, чем по каким-либо иным причинам. Не зная деталей и причин развода, общественное мнение возложило всю вину на Савинкова, и ряд именитых революционных деятелей (например В.Н.Фигнер) демонстративно разорвали с ним отношения. Кроме того, вышедшая в свет в начале 1909 г. повесть Савинкова «Конь бледный», сделавшая его имя известным всей читающей публике, вызвала в широких кругах партии эсеров нарекания и плохо скрываемую злобу. Откровенность Савинкова, высоко оцененная некоторыми литераторами, оказалась в целом непозволительной в рядах партии, лозунг которой «В борьбе обретешь право свое!» трактовался ее членами, видимо, несколько ограниченно.

И вот Савинков, обладатель столь противоречивой репутации, осыпаемый к тому же упреками в недальновидности и неумении разглядеть даже

при ближайшем сотрудничестве истинную физиономию Азефа, приступил к формированию террористической группы, подбирая в нее «людей, лично ему близких»³⁸.

Касаясь стиля работы Савинкова по управлению Боевой организацией в 1909—1911 гг., необходимо подчеркнуть коренное отличие обстановки в партии эсеров после разоблачения Азефа от предыдущего периода. По меткому выражению А.В.Амфитеатрова, как только грязь жульничества Азефа «брьзнула на чистую репутацию террора, он умер»³⁹. Резко сократился приток добровольцев в БО, многие боевики вообще отошли от политической деятельности. Принимая на себя руководство БО в этих условиях, Савинков понимал, что дело Азефа поколебало слабых, «но может смутить и сильных»⁴⁰, и стремился доказать, что не Азеф создал террор и не ему дано его разрушить. Однако, возглавив БО, Савинков столкнулся с практическими трудностями, преодолеть которые не смог. Во-первых, резко упал моральный уровень кандидатов, просившихся в БО; было утрачено и взаимопонимание между ее членами. В партии быстро росли и набирали силу антитеррористические настроения. Во-вторых, изменилось отношение к террору и со стороны общества, резко сократился приток пожертвований. В-третьих, БО оказалась необеспеченной в финансовом отношении, средства на ее работу ЦК выделял нерегулярно. В-четвертых, очень скоро в рядах самой БО обнаружилась провокация; И.П.Кирюхин, введенный в организацию по предложению Слетова, был уличен в предательстве, и еще на двоих боевиков пало подозрение в сотрудничестве с полицией.

Сам же Савинков, считая метод наружного наблюдения исчерпанным, ратовал за внедрение технических изобретений. В 1907—1908 гг. свое нежелание участвовать в терроре он аргументировал необходимостью сосредоточить силы на совершенствовании боевой техники, и хотя к 1909 г. ситуация в боевом деле не изменилась, он решил использовать старые методы как паллиатив в деле террора. В целом Савинков пытался построить боевую работу по рецептам, выработанным еще Азефом. Он только еще больше ужесточил военную дисциплину в БО и возложил на себя особые полномочия, позволявшие ему единолично принимать любые решения. Однако из-за скучности денежных поступлений БО оказалась готова действовать лишь к марта 1910 г., и, после ряда неудач, настроение Савинкова резко изменилось. В письме к М.А.Прокофьевой от 13 декабря 1910 г. он писал: «Я знаю, что я два года трудился, и из моих трудов не вышло ничего, хуже, много хуже, чем ничего»⁴¹.

Завершившая тогда же свою работу Судебно-следственная комиссия по делу Азефа подготовила «Заключение», а председатель комиссии А.Н.Бах уже в ноябре 1910 г. заявил Савинкову, что его доклад будет содержать осуждение «террора, как он применялся у вас»⁴². В подобной атмосфере

любые действия становились просто бессмысленными, и «в начале 1911 г. к Савинкову собрались остатки группы, чтобы произвести над нею своего рода харакири — голосованием констатировать ее распадение»⁴³.

В заключение мы хотели бы указать на то, что, каковы бы ни были принципы руководства БО со стороны ее лидеров, они не могли изменить беспрецедентного порыва к духовному и социальному освобождению, освещавшего жизнь большинства ее членов. Е.С.Созонов писал в 1908 г. Б.В.Савинкову: «Дело, люди, наше отношение к делу и друг к другу — все это сплетается для меня в нечто цельное, невыразимо прекрасное, осиянное золотым светом»⁴⁴. И это связывавшее членов организации, живых и мертвых, чувство, которое мало называть любовью и которое было направлено на созидание справедливых начал человеческого общежития, росло и развивалось не только благодаря, но зачастую и вопреки любым, формальным по сути, методам управления БО.

Примечания

- ¹ Из истории Партии социалистов-революционеров // Новый журнал. Кн. 100. Нью-Йорк, 1970. С.288.
- ² Заключение Судебно-следственной комиссии по делу Азефа. Б.м., 1911. С.21.
- ³ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 124. Л. 9.
- ⁴ Дни. 1925. 31 дек. № 892. Париж. С.2.
- ⁵ ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 85. Л. 66.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. Л. 67.
- ⁸ Там же. Д. 24. Л. 9об.
- ⁹ Савинков Б.В. Избранное. М., 1990. С.247.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 126. Л. 31.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Из истории Партии социалистов-революционеров // Новый журнал. Кн. 101. 1970. С.194.
- ¹³ Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991. С.78.
- ¹⁴ Из истории Партии социалистов-революционеров // Новый журнал. Кн. 101. С.194.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 133. Л. 79.
- ¹⁶ Там же. Л. 24.
- ¹⁷ Там же. Л. 4.
- ¹⁸ Там же. Л. 6.
- ¹⁹ Там же. Д. 128. Л. 11.
- ²⁰ Там же. Д. 123. Л. 32а.
- ²¹ Там же. Д. 133. Л. 34.

- ²² Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1918. С.132.
- ²³ Письмо С.В.Зубатова А.И.Спиридовичу // Красный архив. Т. 2. М., 1992. С.282.
- ²⁴ Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991. С.142.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 128. Л. 146.
- ²⁶ Там же. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 7а. Л. 5.
- ²⁷ Там же. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 24. Л. 14.
- ²⁸ Стэнфордский университет. Коллекция Б.И.Николаевского, 205—18, Л. 13 (Зензинов В.М. Провокатор Азеф. Рукопись).
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 123. Л. 67.
- ³⁰ Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С.301.
- ³¹ Зензинов В.М. Савинков // Новое русское слово. 1924. 17 нояб. С.2.
- ³² ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 532. Л. 30об.
- ³³ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 3. Д. 53. Л. 1об.—2.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 442. Л. 52об.
- ³⁵ Философов Д.В. Дневник // Звезда. 1992. № 3. С.152.
- ³⁶ Зензинов В.М. Савинков // Новое русское слово. 1924. 19 нояб. С.2.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 227. Л. 13.
- ³⁸ Зензинов В.М. Савинков // Новое русское слово. 1924. 19 нояб. С.2.
- ³⁹ Амфитеатров А.В. Два коня // За свободу. Варшава, 1924. 21 июля. № 192. С.3.
- ⁴⁰ Савинков Б.В. Террор и дело Азефа // Знамя труда. Париж, 1909. № 15. С.12.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 528. Л. 45.
- ⁴² Там же. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 133. Л. 85.
- ⁴³ Чернавский М.М. К характеристику Г.В.Плеханова // Историко-революционный бюллетень. № 2. М., 1922. С.22.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 545. Л. 1.

Л.Прайсман
(Иерусалим)

ФЕНОМЕН АЗЕФА

Хотя предреволюционную Россию, впрочем, как и послереволюционную, трудно было удивить агентами полиции и провокаторами всех рангов (по приблизительным оценкам, с конца 1870-х гг. по февраль 1917 г. число агентов департамента полиции (ДП) и местных учреждений политического сыска составило от 10 до 40 тыс. человек¹), случай Евно Азефа совершенно уникальный. Один из руководителей партии социалистов-революционеров и в то же время крупнейший агент ДП, человек, на которого возлагались главные надежды в деле борьбы с революцией, — такое совмещение является исключительным. Нам сейчас трудно даже представить, насколько высок был престиж Азефа в глазах широких слоев эсеров. Это хорошо показывает диалог между Б.В.Савинковым и В.Л.Бурцевым во время суда над последним.

«Савинков:

— Есть ли в истории русского революционного движения, где были Гершуни, Желябовы, Созоновы, и в освободительном движении других стран более блестящее имя, чем Азеф?

Бурцов:

— Я не знаю в русском революционном движении ни одного более блестящего имени, чем Азеф. Его имя и деятельность более блестящи, чем имена и деятельность Желябова, Созонова, Гершуни, но только при одном условии, если он честный революционер².

Даже при поверхностном знакомстве с историей русского революционного движения бросается в глаза, каким культом сентиментального поклонения, почти обожествления в глазах последователей были окружены имена его руководителей. Признать, что кумир всей партии — провокатор, было для эсеров совершенно немыслимо, как немыслимо представить, чтобы Г.А.Гершуни или А.И.Желябов были провокаторами. Один из эсеровских руководителей в показаниях партийной судебно-следственной комиссии по делу Азефа объяснял, почему для него невозможно было даже на секунду усомниться в Азефе, несмотря на все улики против него: «Это было все равно, как если бы кто-нибудь мне сказал, что Михаил Рафаилович (Гоц) — провокатор или Гершуни — провокатор»³.

Очень высок был престиж Азефа и в правительственном лагере. Через много лет после его разоблачения бывший начальник Петербургского ох-

ранного отделения А.В.Герасимов писал: «...если бы я не имел в это время (1906—1908 гг. — Л.П.) своим сотрудником такого человека, как Азеф <...>политической полиции, несмотря на все ее старания, почти наверное не удалось бы так успешно и так систематически расстраивать все предприятия террористов. А трудно представить, что случилось бы с Россией, если бы террористам удалось в 1906-07 годах совершить 2—3 удачных «центральных» террористических акта<...> Если бы в дни Первой Государственной думы был бы убит Столыпин, если бы удалось покушение на Государя, развитие России сорвалось бы гораздо раньше. Заслуги Азефа в деле борьбы против революционного террора — огромны»⁴.

И у той, и у другой стороны были убедительные основания так относиться к Азефу.

Рассмотрим вкратце основные этапы его революционной и полицейской карьеры. Будучи студентом Политехнического института в Карлсруэ, Азеф 4 апреля 1893 г. написал письмо в ДП с предложением своих услуг. Все годы учебы, сначала в Карлсруэ, а потом в Дармштадте, Азеф был добросовестным сотрудником ДП, вдумчивым и внимательным, прекрасно разбирающимся в революционной среде. Так, он обращал внимание своих полицейских начальников на тогда еще никому не известных молодых людей, которые в будущем станут видными революционерами: «Следует особое внимание обратить на Карповича<...> особое внимание нужно обратить Вам на Зензинова<...> Люксембург — редактор польской социалистической газеты»⁵. Полицейские начальники Азефа были очень довольны его донесениями. В 1896 г. на одном из писем Азефа чиновник ДП начертал: «Сообщения Азефа поражают своей точностью при полном отсутствии рассуждений».

В 1899 г. Азеф приехал в Москву и по заданию своего нового полицейского начальника С.В.Зубатова сблизился с руководством «Северного союза социалистов-революционеров» А.А.Аргуновым и М.Ф.Селюк, выведал все, что касалось деятельности Союза, всех его членов, и сообщил всю информацию Зубатову. В конце ноября 1901 г. Азеф с семьей выехал за границу. В этот период он — добросовестный сотрудник полиции, в ДП его ценят, и после ареста членов Союза ему определили невиданный для тайного сотрудника оклад в 500 рублей.

С конца 1901 г. после знакомства с Г.А.Гершуни Азеф стал скрывать часть информации, касавшейся последнего и возглавляемой им Боевой организации (БО). Тактика сообщений Азефа о Гершуни в ДП была довольно своеобразной. Он честно писал о руководящей роли Гершуни в переговорах об объединении партии, но старался или отрицать, или приуменьшить причастность Гершуни к террору. Так, будучи прекрасно осведомлен о роли Гершуни в убийстве Д.С.Сипягина, Азеф 4 июля 1902 г. писал заведующему заграничной агентурой ДП Л.А.Ратаеву: «Гершуни принадлежит к Боевой организации

партии социалистов-революционеров<...> Сам непосредственного участия не принимает, а его деятельность заключается только в разъездах, приобретении денег для Боевой организации и приискании людей, способных жертвовать собой, из молодежи»⁶. Из всех планов БО этого периода Азеф выдал полиции только абсолютно нереальный план покушения на В.К.Плеве путем нападения на его карету двух офицеров.

После ареста Гершуни в мае 1903 г. в Киеве БО возглавил, как было ранее решено на встрече М.Р.Гоца и Гершуни, Е.Азеф. По недостатку места я не буду подробно останавливаться на руководящей роли Азефа в организации убийств В.К.Плеве и великого князя Сергея Александровича. В этом нет особой необходимости, так как практически никто ни из современников, ни из историков в этом не сомневался (за исключением начальника Петербургского охранного отделения А.В.Герасимова⁷, а в наше время профессора Бостонского университета А.Гейфман⁸). Скажем только, что он сделал все, что было в его силах, для разработки плана убийства, подбора исполнителей, отправки боевиков в Россию, что он прикрывал их от полиции, выведывая у Л.А.Ратаева известные тому сведения о планах террористов, что он буквально силой заставил Б.В.Савинкова, потерявшего голову и бежавшего с боевиками из Петербурга, вернуться и начать все сначала. При этом Азеф подстраховывал себя в глазах полиции и снабжал ее обрывками информации о планах террористов, которые она никак не могла использовать. Он продолжал информировать ДП о других сторонах деятельности партии эсеров, выдавал планы конкурирующих групп террористов (в частности, группы С.Г.Клитчоглу), и устранил руками полиции своих недоброжелателей в партии Х.Левита и С.Н.Слетова (последнего он так хотел посадить, что сообщил о нем очень подробную информацию, чего обычно не делал).

Итак, с конца 1902 г. наступил второй этап в деятельности Азефа, когда тайный сотрудник начинает больше работать на революцию, чем на полицию. Почему это произошло?

После разоблачения Азефа на этот счет высказывались различные точки зрения. В.Л.Бурцев утверждал, что В.К.Плеве был убит по распоряжению П.И.Рачковского, который хотя и не занимал в это время никаких официальных постов, но якобы каким-то непостижимым образом руководил деятельностью Азефа. Позднее и сам Бурцев признал фантастичность этих утверждений⁹. Б.И.Николаевский считал, что основной причиной такого поведения были деньги: «В безотчетном распоряжении главы Боевой организации находилась касса последней, а через эту кассу проходили многие тысячи, и из этой кассы становилось возможным получать доходы более значительные, чем те 500 руб. в месяц, которые платила касса департамента»¹⁰. Через кассу БО и в самом деле проходили очень крупные суммы, которые находились в бесконтрольном распоряжении Азефа, а он

вообще очень любил деньги и ту красивую жизнь, которую они могли дать: рестораны, дорогих женщин, игорные дома. Любил он и откладывать большие суммы на будущее. Деньги сыграли определенную роль в том, что агент ДП стал убивать русских министров и великих князей. Какую-то роль сыграло и влияние Г.А.Гершуни, на что указывал Л.А.Ратаев¹¹. Но, с моей точки зрения, эти причины не были основными. Влияние Гершуни выражалось прежде всего в том, что Азеф старался его выгородить перед ДП, скрыть его настоящую роль. Между этим и организацией убийств сановников — дистанция огромного размера. Деньги, конечно, были для Азефа очень важны, но только ради них он не стал бы рисковать жизнью, организуя убийства В.К.Плеве и великого князя Сергея Александровича. Были, на мой взгляд, и более важные факторы, повлиявшие на Азефа. И одним из основных был еврейский вопрос.

Как большинство евреев-революционеров в России, состоявших в обще-российских политических партиях, Азеф был очень далек от еврейства. В воспоминаниях московского казенного раввина Я.Мазе, бывшего в 1901 г. соседом Азефа по даче в Малаховке, мы можем прочитать, как относился Азеф к иудаизму. Я.Мазе обратился к Азефу, получив письмо от его тестя, умолявшего уговорить Азефа сделать обрезание сыну. Азеф зло издевался над обычаями, традициями, религией своего народа: «Где это слыхано, чтобы взяли в 8 дней невинного младенца и сделали ему тяжелую операцию»¹². А когда Мазе возразил: «многие эксперты считают, что эта операция очень полезна и способствует избежанию заражения», то Азеф сказал: «Тоже мне, мудрость, почему бы не сделать несчастному еврейскому ребенку еще несколько операций. Почему бы и не отрезать ему и слепую кишку, которая известна своей склонностью к заражению, почему бы не вырезать и полипы и так далее, таким образом еврей будет прооперирован от начала до конца»¹³.

Но усилившаяся антисемитская политика русского правительства, особенно с приходом в 1902 г. В.К.Плеве на пост министра внутренних дел, раздражала его. Его возмутил кишиневский погром 1903 г. Л.А.Ратаев писал: «Оказывается, еще до отъезда из Петербурга Азеф беседовал на эту тему с Зубатовым. Последний мне передавал, что Азеф, говоря о погроме, трясясь от ярости и с ненавистью говорил о В.Плеве, которого он считал его главным виновником»¹⁴. В.М.Чернов считал, что антисемитизм Плеве был одной из главных причин, побудивших Азефа организовать его убийство: «Не тот ли факт, что Плеве — оплот антисемитизма, отец еврейских погромов, хоть отчасти движет им впоследствии, при настойчивой работе против него»¹⁵. Напомним, что вторая жертва Азефа, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, заявивший сразу после назначения на этот пост, что его цель «оградить Москву от евреев», и

выславший в 1891—1892 гг. 20 000 из 35 000 еврейского населения города, был таким же символом антисемитизма, как и Плеве.

Я.Мазе, узнав через много лет, кем был на самом деле его сосед по даче, писал: «Я не сомневаюсь, что он обманул правительство, на которое работал, только в том, что касается Сергея Александровича и Плеве. Это не случайно. Это месть со стороны еврея по отношению к большим ненавистникам еврейского народа<...> Не зря говорили наши мудрецы: "Мир его праху. Еврей, даже согрешив, остается евреем"»¹⁶. В измене Азефа своему полицейскому руководству определенную роль сыграло и то, что среди революционеров Азеф пользовался все большим уважением, а в полицейских кругах ему, как еврею, не однажды приходилось сносить презрительные насмешки. На это обстоятельство также указывал В.М.Чернов¹⁷. Другой фактор, сыгравший важную роль в поведении Азефа, — его политические взгляды. Я ни в коей степени не хочу идеализировать своего героя. Он был платным агентом ДП и шел на многое ради своих личных шкурных интересов, но, тем не менее, у него сложились собственные взгляды, политические убеждения, и они играли в его поведении определенную роль.

В первые месяцы пребывания за границей Азеф был настроен довольно сдержанно, выступал против крайних форм революционной борьбы и примыкал к умеренному марксистскому кружку. Став же агентом охранки, Азеф по ее поручению изображал из себя сторонника крайних, террористических форм борьбы. Какими же были на самом деле его взгляды и как они влияли на его поведение? А.В.Герасимов писал о нем: «По своим взглядам Азеф был умеренным человеком, не левее умеренного либерала. Он всегда резко, иногда даже с нескрываемым раздражением отзывался о насилистенных, революционных методах действия. Вначале я этим заявлением не вполне доверял. Но затем убедился, что они отвечают его действительным взглядам. Он был решительным противником революции и признавал только реформы, да и то проводимые с большой последовательностью. Почти с восхищением он относился к аграрному законодательству Столыпина и нередко говорил, что главное зло России в отсутствии у крестьян собственности»¹⁸.

Но может быть, Азеф хотел выглядеть человеком умеренных взглядов только в глазах своих полицейских руководителей? Пожалуй, самое любопытное заключается в том, что в беседах с товарищами по партии он с некоторой корректировкой высказывал те же самые взгляды. В.М.Чернов вспоминал: «По взглядам своим он занимал в ЦК крайне правую позицию, и его шутя нередко называли «кадетом с террором». Социальные проблемы он отодвигал в далекое будущее и в массовое движение, как в непосредственную революционную силу, совершенно не верил. Единственно реальной признавал в данный момент борьбу за политическую свободу, а единственным действенным средством, которым располагает революция, — террор»¹⁹. Наиболее по-

дробно он изложил свои взгляды на собрании у М.Р.Гоца в октябре 1905 г., когда после ознакомления с Манифестом 17 октября проживавшие в это время в Женеве эсеры собирались и решали, что делать дальше: «Толстый (Азеф) сделал удивившее многих заявление: он, в сущности, только попутчик партии, как только будет достигнута конституция, он будет последовательным легалистом и эволюционистом. Всякое революционное вмешательство в развитие стихии социальных требований масс он считает гибелью и на этой фазе движения оторвется от партии и порвет с нами. Дальше идти нам не по дороге»²⁰.

Интересно, что такая позиция — совершенно исключительная в эсеровской партии — не мешала Азефу в его партийной карьере. Часто при голосовании в ЦК он, при своих умеренных взглядах, оставался в меньшинстве, а иногда и в одиночестве. Казалось бы, агент полиции не должен выделяться своими взглядами в революционной среде, а если выделяется, то в сторону крайней, ортодоксальной революционности, но в этом случае мы наблюдаем совершенно обратную картину: «<...>он, однако, не пытался приблизить свои взгляды к партийной «равнодействующей», напротив, каждое новое событие было для него поводом упрямо утверждать, что он один против всех был прав»²¹.

Способствовала террористической деятельности Азефа и та популярность, которой он пользовался в партии и которая ему бесконечно импонировала. Влияла на него, страстного игрока, и та необыкновенно острая, увлекательная игра, которую он вел с ДП и с эсеровским ЦК и ставкой в которой были головы министров, великих князей, эсеровских боевиков, его собственная голова, судьба России, революции.

После Манифеста 17 октября Азеф поверил в успех революции и с маниакальной одержимостью носился с идеей взорвать здание Петербургского охранного отделения. Возвращаясь после собрания у М.Р.Гоца, он высказал эту мысль В.М.Чернову: «Единственное дело, которое бы имело смысл, — это взорвать на воздух все охранное отделение»²². Он продумал, как это можно осуществить: «Под видом кареты с арестованными ввезти во внутренний двор охранки несколько пудов динамита, так, чтобы и следов от деятельности всего этого мерзкого учреждения не осталось»²³. Азефу так сильно хотелось уничтожить все свидетельства и свидетелей своих связей с охранкой, что он, прекрасно ориентировавшийся в оттенках настроений своих собеседников и всегда умело подстраивавшийся под них, пожалуй, впервые в жизни попадал впросак. С.А.Басов-Верхоянцев рассказывал, как он в дни декабряского вооруженного восстания уговаривал Азефа и Савинкова помешать отправке лейб-гвардии Семеновского полка в Москву. Азеф отговаривался, заявляя, что эсеровские боевики в Петербурге, ничего не могут сделать:

«— Уж если на то пошло, надо взорвать Охранное отделение. Это было бы достойным ответом на посылку питерских войск в Москву.

В первый раз мне довелось видеть Азефа столь несообразительным. Схватило за живое.

— Да помилуйте, Иван Николаевич! При чем тут охранка. Сейчас надо во что бы то ни стало помочь Москве»²⁴.

Революция была разбита, но в России установился конституционный режим. 26 апреля 1906 г. министром внутренних дел стал П.А.Столыпин, деятельность которого Азеф оценивал очень высоко. Новым руководителем Азефа в охранке стал А.В.Герасимов, который относился к нему как к главному оружию в борьбе с революцией и с необыкновенной осторожностью обращался с сообщаемыми ему сведениями. С нашей точки зрения, с мая 1906 г. в деятельности Азефа начинается новый период. Он опять становится преданным сотрудником Петербургского охранного отделения и служит только одному хозяину — русскому правительству. Последний террористический акт, который он организовал, — это покушение на московского генерал-губернатора Ф.В.Дубасова 23 апреля 1906 г. Что бы ни писал Б.Савинков о том, что Азеф «накануне выступления не пришел на свидание к металщикам»²⁵ и что у В.Вноровского не было бомбы, и что бы ни утверждала А.Гейфман («Есть основания также считать, что, приехав в Москву непосредственно перед покушением, Азеф хотел сорвать замысел террористов»²⁶), можно только поражаться удивительной энергии Азефа при осуществлении этого теракта. Если Б.В.Савинков ничего не мог сделать с начала февраля 1906 г. по конец апреля, Азеф, приехав в Москву 22 апреля, 23-го организовал покушение. Он, предпочитавший обычно в момент осуществления терактов его боевиками находиться в других городах и даже странах, был не просто в Москве, а рядом с местом покушения — в кофейне, при булочной Филиппова, и там попал в полицейское оцепление. Он пошел на этот отчаянный риск несмотря на то, что один из его полицейских руководителей (П.И.Рачковский) относился к нему с крайней недоверчивостью и подозрительностью. Я не могу объяснить, почему Азеф принял такое активное участие в этом покушении. Это остается для меня загадкой.

С мая 1906 г. Азеф верой и правдой служил русским властям. Курс П.А.Столыпина его полностью устраивал, погромы прекратились, его престиж в руководстве партии был очень высок, деньги шли как от Герасимова (1000 руб. в месяц), так и из кассы БО. Благодаря совместной деятельности Азефа и Герасимова все усилия Боевой организации по осуществлению покушения на Столыпина были парализованы и она была распущена в октябре 1906 г. Азеф сообщил Герасимову, где находится штаб-квартира Центрального боевого отряда партии эсеров, что помогло арестовать Л.Зильберберга . В.Сулятицкого. Азеф подробно рассказал Герасимову о покушении на царя, готовившемся

новым руководством отряда во главе с Б.Никитенко: «Азеф закончил указанием имен и адресов новых руководителей террористической группы, занявших это место после ареста Зильберберга»²⁷. Благодаря указаниям Азефа был арестован глава Летучего боевого отряда Северной области партии социалистов-революционеров К.Трауберг²⁸. Азеф сообщил о плане взрыва Государственного совета и назвал нового руководителя отряда — Анну Распутину, в результате чего остатки отряда арестовали, а семь человек были повешены. Азеф держал Герасимова и в курсе планов воссозданной в начале 1908 г. БО — убить Николая II.

На одном неосуществленном покушении на Николая II мне хотелось бы остановиться подробнее: на плане убийства царя во время царского смотра крейсера «Рюрик», построенного на верфи в Глазго. В июле 1908 г. в ЦК партии эсеров поступила информация, что среди команды «Рюрика» действует организация эсеровского толка. В Глазго отправился сначала П.В.Карпович (помощник Азефа по руководству БО), затем Б.В.Савинков. Вслед за ними в Глазго прибыл Азеф. С помощью революционно настроенных матросов и члена партии эсеров корабельного инженера Костенко удалось установить, что, хотя боевик со стороны мог попасть на корабль в Глазго, но его можно было укрыть лишь в отсеке за головой руля, где ему пришлось бы находиться только «сидя на корточках и полулежа». Так «можно прожить с большим трудом несколько дней, о неделях нельзя и думать»²⁹. В конце концов два члена экипажа, Авдеев и Каптелович, согласились совершить цареубийство. Карпович дал им револьверы. Но во время смотра «Рюрика» царем 24 сентября 1908 г. ничего не произошло, хотя Авдеев подал царю бокал шампанского, когда тот попросил пить. Не было ни покушения, ни попытки его осуществить.

Это неосуществленное покушение помогло Азефу в защите от обвинений Бурцева и других больше, чем осуществленные им теракты. Когда Ю.Делевский (Я.Л.Юделевский) стал обвинять Азефа в провокации, то «Натансон <...> конфиденциально сообщил, что совсем недавно<...> должно было произойти покушение на царя, с ведома Азефа, конечно. Дело подготовлялось весьма успешно, и если акт не состоялся, то только потому, что один человек в последнюю минуту «сдрейфил». То, что покушение чуть не состоялось, но не состоялось в подобных условиях, было в глазах Натансона неопровергимым доказательством революционной честности Азефа»³⁰. Во время суда над Бурцевым в октябре 1908 г. главным аргументом в пользу Азефа было покушение на крейсере «Рюрик»: «Если бы Азеф, даже в последнюю минуту, захотел предотвратить это покушение, он из-за границы не смог бы это сделать даже по телефону»³¹.

С тем, что Азеф всерьез хотел осуществить на «Рюрике» убийство царя, были согласны авторы из различных лагерей: А.А.Аргунов, В.М.Чер-

нов, В.Л.Бурцев, Л.А.Ратаев, А.И.Спиридович. Но с нашей точки зрения, Азеф ни в коем случае не собирался убивать Николая II, хотя бы потому, что это было для него слишком опасно, его роль вскрылась бы во время следствия и русские власти нашли бы способ расправиться с убийцей царя. Но Азеф был уверен, что никакого покушения не будет. В самом подробном источнике о несостоявшемся покушении — «Воспоминаниях террориста» Б.В.Савинкова — есть одно важное свидетельство, которое все писавшие об этом деле почему-то полностью игнорировали: «Я был убежден, что он (Авдеев) не готов для террора и что царь на «Рюрике» не будет убит. Так же думали Карпович и Азеф»³².

У нас нет никаких оснований не верить Савинкову. Можно только добавить: если такой «знаток людей», всю жизнь в них ошибавшийся, был убежден, что Авдеев не будет стрелять, то Азеф, ни разу не ошибившийся ни в одном человеке при отборе в БО, был абсолютно уверен — этот Авдеев убить царя неспособен. Естественно, был определенный процент риска, но именно рисковать он любил больше всего на свете, прожив всю жизнь в такой обстановке. Итак, Азеф не сомневался, что Авдеев не выстрелит и, следовательно, в глазах властей это покушение не существует, но оно защитит его от обвинений в провокаторстве.

Колоссальные последствия имело разоблачение Азефа. Для многих эсеров оно означало крушение идеалов, системы ценностей. Чернов писал об этом: «К нам подкрадывался черный год ошеломляющего, позорного открытия»³³. По свидетельству В.М.Зензинова, «разоблачение Азефа для всего нашего поколения<...> было резкой гранью, отделившей одну часть нашей жизни от другой. Мы как бы потеряли право на наивность, каждый из нас теперь был вынужден пересмотреть свое отношение к людям, в особенности к самым близким»³⁴. Среди близких к Азефу людей произошло несколько самоубийств (Белла Лапина); вчерашние непримиримые террористы полностью отказались от участия в революционной деятельности (П.В.Карпович); руководителей партии обвиняли в самых фантастических преступлениях. Хорошо информированный заведующий заграничной агентурой ДП в Париже А.М.Гартинг передавал, какие слухи ходили в эмигрантских кругах о В.М.Чернове: «Чернов стоит на службе у правительства, когда проводился в Петербурге обыск в редакции «Мысль», Чернов успел, будто бы, скрыться, выскочив из окна, после чего отправился на свидание с каким-то крупным правительственным лицом<...> На каком-то свидании был замечен в форме пристава переодетый Чернов»³⁵. С моей точки зрения, шок, вызванный разоблачением Азефа, в партии социалистов-революционеров не прошел и к 1917 г. и в какой-то степени повлиял на раскол партии перед октябрьским переворотом.

Но разоблачение Азефа имело тяжелые последствия и для правительства. Газеты всего мира обвинили русское правительство в том, что все покушения последних лет проходили под руководством правительственные агентов. Это вело к падению престижа российского государства во всем мире. Но было и другое. Разоблачение Азефа, убийство А.А.Петровым начальника Петербургского охранного отделения полковника С.Г.Карпова 19 декабря 1909 г. и убийство агентом Киевского охранного отделения Д.Г.Богровым П.А.Столыпина привели руководителей Министерства внутренних дел России в какой-то мистический ужас перед тайными сотрудниками. Если организаторы политического сыска видели в используемых ими тайных сотрудниках самое надежное средство борьбы с революцией и с 1902 по 1908 г. число охранных отделений выросло с 3 до 31, то после убийства Столыпина ситуация изменилась.

Проводником новых тенденций стал назначенный в 1913 г. товарищем министра внутренних дел В.Ф.Джунковский. Он резко отрицательно отзывался об охранке: «Все эти районные и самостоятельные охранные отделения были только рассадником провокации; та небольшая польза, которую, быть может, они могли бы принести, совершенно затушевывалась тем колossalным вредом, который они сеяли в течение этих последних лет»³⁶. Циркуляром министра внутренних дел от 15 мая 1913 г. были ликвидированы восемь охранных отделений. Осенью 1913 г. такая же судьба постигла все остальные, за исключением Московского, Петербургского и Варшавского. Резко сократилось число тайных сотрудников, ярким свидетельством нового отношения к ним стала история лучшего агента ДП в рядах социал-демократов — председателя думской фракции большевиков в 3-й Думе Р.В.Малиновского, которого Джунковский заставил уйти из Думы, так как не мог допустить, чтобы «членом Думы было лицо, состоящее на службе в ДП»³⁷. Февральскую революцию ДП встретил практически без широкой сети секретной агентуры. Может быть, это одно из главных последствий дела Азефа.

Примечания

- ¹ Из истории политического сыска в России // Из глубины времен. СПб., 1992. С.61.
- ² Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. М., 1991. С.144.
- ³ Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа. Париж, 1911. С.65.
- ⁴ Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С.141—142.
- ⁵ Письма Азефа. М., 1994. С.55—70.
- ⁶ Там же. С.85.
- ⁷ Герасимов А.В. Указ.соч. С.137—138.

- ⁸ Гейфман А. Три легенды вокруг «Дела Азефа» // Николаевский Б.И. История одного предателя. М., 1991. С.339—340.
- ⁹ Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С.302.
- ¹⁰ Николаевский Б.И. Указ.соч. С.77—78.
- ¹¹ Ратаев Л. История предательства Евно Азефа // Провокатор. Л., 1991. С.153—154.
- ¹² Мазе Я. Воспоминания /Пер. с иврита авт. Т. 4. Тель-Авив, 1936. С.98.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Ратаев Л. Указ.соч. С.153.
- ¹⁵ Чернов В. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. С.181.
- ¹⁶ Мазе Я. Указ.соч. С.108.
- ¹⁷ Чернов В. Указ.соч. С.181.
- ¹⁸ Герасимов А.В. Указ.соч. С.144.
- ¹⁹ Чернов В. Указ.соч. С.177.
- ²⁰ Там же. С.228.
- ²¹ Там же. С.178.
- ²² Там же. С.230.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Басов-Верхоянцев С. Из давних встреч: Е.Азев // Новый мир. 1926. № 8/9. С.205.
- ²⁵ Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Ереван, 1990. С.355.
- ²⁶ Гейфман А. Указ.соч. С.343.
- ²⁷ Герасимов А.В. Указ.соч. С.103.
- ²⁸ Там же. С.118—119.
- ²⁹ Савинков Б.В. Указ.соч. С.311—313.
- ³⁰ Делевский Ю. Дело Азефа и семь повешенных // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1924. № 4. С.155.
- ³¹ Бурцев В. Азев и генерал Герасимов // Новый журнал. 1961. № 63. С.211.
- ³² Савинков Б.В. Указ.соч. С.315.
- ³³ Чернов В. Указ.соч. С.280.
- ³⁴ Зензинов В. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С.414.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 10. Л. 88.
- ³⁶ Из истории политического сыска в России. С.54.
- ³⁷ Дело провокатора Малиновского // Протоколы заседания революционного трибунала при ВЦИКе. М., 1992. С.189.

К.Н.Морозов
(Москва)

БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ в 1909—1911 гг. И ЗАГАДКИ «ДЕЛА ПЕТРОВА»

Разоблачение Е.Ф.Азефа вызвало в России и в эсеровской партии болевой шок. Первое следствие этого разоблачения для эсеров проявилось сразу же: возникла настоятельная необходимость распуска БО и отставки ЦК партии. В этой ситуации Б.В.Савинков заявил ЦК о своем желании создать боевую группу и возглавить ее¹. Идея моральной и политической реабилитации террора была горячо поддержана руководством партии.

В январе 1909 г. ЦК ПСР принял постановление о распуске БО ПСР и о создании «боевой группы, состоящей из членов ПСР под руководством Савинкова». ЦК признавал независимость группы в организационно-технических вопросах, брал на себя обязанности указывать группе «объект ее действия» и обеспечивать ее деньгами и людьми, а также разрешал ей именоваться БО ПСР в случае «исполнения ею ее задачи»².

Назначение Савинкова на пост руководителя новой БО явилось результатом сложной внутрипартийной ситуации. С одной стороны, Савинков имел в партии множество недругов и пользовался славой «революционного бретера» и «кавалергарда». К тому же только что появившийся «Конь бледный» создал ему репутацию оплевывателя революции, претендующего на роль «сверхчеловека». Несмотря на поддержку В.М.Черновым и Л.Э.Шишко этических исканий автора, в эмигрантских кругах раздавались голоса, требовавшие изгнания Савинкова из партии. Большинство членов ЦК, если верить словам Чернова, были невысокого мнения об организаторских способностях нового главы БО³.

С другой стороны, ЦК был ограничен в выборе людей, способных возглавить БО. П.В.Карпович сразу после разоблачения Азефа отошел от всех дел, а талантливого организатора масштабов Г.А.Гершуни, А.Д.Трауберга или В.В.Лебединцева у партии в тот момент просто не было. Зато появилась реальная опасность, что дело террора возьмет в свои руки оппозиционная ЦК группа «инициативного меньшинства» В.К.Агафонова и Я.Л.Юделевского, предлагавшая свою собственную идеиную и организационную схему террористической деятельности, абсолютно неприемлемую для руководства партии⁴.

При строительстве новой БО Савинков использовал те же жесткие централистские принципы, которые были заложены еще Азефом. Каждому кандидату в члены БО Савинков ставил два обязательных условия: первое — окончательное решение по любому вопросу принимается руководителем БО и подлежит беспрекословному выполнению; второе — руководитель БО вправе в любой момент исключить из группы любого члена без объяснения причин⁵.

Иерархическая структура БО и принцип беспрекословного подчинения руководителю послужили основным мотивом отказа от вступления в нее членов Военной организации ПСР, с руководителем которой Савинков вел переговоры⁶. Вообще кадровая проблема при формировании новой БО оказалась одной из самых жгучих и серьезно повлияла на дальнейший ход событий.

Уже весной 1909 г. по доносу филера заграничной охранки, сообщившего Савинкову о проникновении в БО трех человек, связанных с департаментом полиции, все они после следствия и партийного суда были удалены из БО⁷.

Весной 1909 г. и осенью 1910 г. были ложно заподозрены в провокации и застрелились Эсфири Лапина и Ян Бердо. Проблема провокации и шпиономании в БО — это тема отдельного разговора, поэтому отметим только, что не вызывает сомнений факт сотрудничества с охранкой Т.Цейтлин и И.П.Кирюхина, разоблаченного в сентябре 1910 г.⁸

Прямое обвинение в провокации по адресу Яна Бердо прозвучало вновь уже после революции из уст В.М.Зензинова и Е.Е.Колосова, глухо ссылавшихся на архивы. Тогда же подобное обвинение Колосов сделал по адресу Вацлава Коморского, удаленного из БО весной 1910 г. за недисциплинированность и застрелившегося год спустя⁹.

Целенаправленный поиск и анализ материалов департамента полиции заставляют усомниться в обоснованности подобных обвинений в их адрес.

Всего с начала 1909 г. по конец 1910 г. выставили свои кандидатуры в БО 36 человек. Из них 14 были отклонены из-за неспособности работать в специфических условиях центрального террора, восемь человек были приняты, а затем исключены из БО или ушли сами¹⁰.

Точных сведений о количестве и фамилиях боевиков нет: численность БО колебалась от 12 до 16 человек. К середине лета 1909 г. БО была сформирована в следующем составе: С.Н.Слетов, Е.И.Зильберберг (жена Савинкова), М.А.Прокофьев, В.О.Фабрикант, С.Н.Моисеенко, М.М.Чернавский, Л.А.Либерман, Ян Бердо, В.Коморский и еще двое неизвестных, вскоре отчисленных Савинковым.

Были принятые экстраординарные меры конспирации. Члены БО даже за границей имели чужие иностранные паспорта, жили колонией под прикрытием тщательно разработанной легенды. Их местонахождение знал в партии только один человек — И.И.Фондаминский, представитель БО в

Заграничной делегации ЦК ПСР. При малейшем намеке на слежку Савинков менял местонахождение, паспорта и легенду боевиков. Переездов из одной европейской страны в другую было, по-видимому, не менее семи. Для поездок боевиков в Россию разрабатывались сложные и хитроумные маршруты, делавшие практически невозможной слежку за ними. Была создана надежная система связи и явок, гарантировавшая сохранение тайны местопребывания БО и самого Савинкова¹¹.

На организацию и деятельность БО за все время ее существования из кассы ЦК ПСР было затрачено не менее 70 000 рублей. Кроме того, были и частные пожертвования, не проходившие через кассу ЦК, тем не менее члены БО порой испытывали серьезные затруднения с деньгами.

В конце ноября 1909 г., после обучения боевиков в динамитной школе и проведения всей подготовительной работы в России, в Петербург был отправлен отряд наблюдения. Он состоял из трех пар боевиков, ставших извозчиками, одного торговца в разнос и одного или двух координаторов при них. Извозчики должны были знакомиться с городом и по возможности собирать сведения о передвижениях лиц, намеченных в качестве возможных жертв покушения, — царя, великого князя Николая Николаевича и П.А.Столыпина. Встречи извозчиков друг с другом и с координаторами происходили в трактирах и на улице.

К концу февраля — началу марта 1910 г., когда уже была собрана необходимая информация, ожидался приезд Савинкова с группой металлистов, но он по непонятным для отряда причинам задерживался. Во время пребывания в Петербурге отряда наблюдателей во главе с Яном Бердо, который фактически был помощником главы БО, произошел случайный арест одного из боевиков — А.А.Либермана,¹² которого в административном порядке отправили в Сибирь, хотя, если верить словам начальника Петербургской охранки Н.Ф. фон Коттена, тот стал давать показания. Высылка объяснялась тем, что среди извозчиков находился сотрудник охранки И.П.Кирюхин, завербованный фон Коттеном еще в 1907 г.

По словам фон Коттена, все члены группы были взяты под наружное наблюдение и вся информация о них докладывалась министру внутренних дел П.А.Столыпину, товарищу министра внутренних дел П.Г.Курлову и директору департамента полиции Н.П.Зуеву. Ими было решено произвести аресты, когда в Петербург приедет сам Савинков с остальными членами БО¹³.

Однако в середине марта Савинков, по косвенным признакам заподозривший наличие в БО провокатора, в спешном порядке отозвал группу наблюдателей за границу. Курлов и фон Коттен позволили им уехать, так как боялись в случае арестов провалить Кирюхина¹⁴.

С весны 1910 г. БО окутала атмосфера взаимного недоверия и «шпиономании», имевшая своим результатом исключение из нее «без объяснения

причин» Яна Бердо¹⁵. Кирюхин же был разоблачен совершенно случайно лишь осенью¹⁶.

С апреля 1910 г. Савинков принял по согласованию с Фондаминским новый план покушения и пытался набрать в БО старых проверенных бойцов. Из письма Савинкова Фондаминскому видно, что кроме Донского, Смирнова, Ивановской, Якимовой, Климовой, Карповича, Фейта, Панкратова, Кругликова он никого другого в БО брать не хотел¹⁷. Но из девяти намеченных им кандидатов свое согласие на вступление в БО дала только Наталья Климова, являвшаяся, по свидетельству Чернавского, наряду с М.А.Прокофьевой и Савинковым, самой волевой и яркой личностью в БО.

Подробности нового плана неизвестны, но, как это видно из сметы БО, планировалась отправка в Россию и «устройство» там М.М.Чернавского, Савинкова и Моисеенко. Кроме того, один боевик должен был стать извозчиком, а остальные десять после экипировки также отправлялись в Россию¹⁸. Некоторые детали позволяют предположить, что речь шла об очень хитроумном плане, построенным по принципу ловушки. Судя по всему, Савинков решил отказаться от традиционных приемов ведения слежки и нападения, столь успешно практиковавшихся ранее Азефом. Также вопреки сложившейся традиции этот план осуществлялся совместно с Заграничной делегацией ЦК ПСР. Именно ее постановлением весной 1911 г. это дело было прекращено. Чернов в письменной форме выразил свое «особое мнение», протестуя против этого решения¹⁹.

С 1909 г. и до конца 1910 г. продолжалась работа инженера С.И.Бухало по созданию аэроплана, начатая еще по инициативе Азефа. Аппарат был уже смонтирован, но затем из-за отсутствия денег финансирование проекта остановилось²⁰. Рассматривался Савинковым и весьма любопытный проект подводной лодки, предназначавшейся для покушения на царя²¹.

Оценивая попытки использования подобных технических новинок в террористической деятельности, можно говорить об их несерьезности и непрактичности, но это не снимает вопроса о провокации, которая обрекала на неудачу любой террористический акт, совершаемый с помощью бомбы, револьвера или аэроплана.

Решение о распуске БО было принято руководством партии в марте-апреле 1911 г. Основной причиной его, помимо утраты доверия к организаторским способностям Савинкова и роста антитеррористических настроений в Заграничной делегации ЦК ПСР, на наш взгляд, явилось то, что все до единого боевики были «засвеченены» Кирюхиным и в России их ждали лишь аресты.

Тем не менее эсеры и в последующие годы предпринимали попытки воссоздания БО. Нам кое-что известно лишь о двух таких попытках: в 1912 г. и весной 1914 г. Наверняка были и другие, но все они блокирова-

лись финансовыми и кадровыми проблемами. Неудачей закончились и организаторские попытки группы «инициативного меньшинства», предпринимавшиеся в 1909—1910 гг.

Неудача БО под руководством Савинкова была обусловлена комплексом причин, каждая из которых дополняла и усугубляла другие. Эти причины сложно выстроить по степени их важности, они тесно переплетены, но все же важнейшими из них нам представляются следующие:

1. После революции 1905—1907 гг. в российском обществе (по крайней мере в тех его слоях, которые формировали общественное мнение) коренным образом изменилось отношение к революционному насилию, в том числе к террору.

2. После «дела Азефа» и «дела Петрова» общественное мнение (и даже в самой эсеровской партии) стало воспринимать террор как оборотную сторону провокации.

3. Высокая степень деморализации в революционных партиях, в том числе и в ПСР, разочарование в терроре, усиление в руководстве ПСР антитеррористических настроений, неверие в успех БО.

4. Неблагоприятные условия кадрового комплектования БО, несравнимые с предшествующими годами.

5. Наличие во всех революционных партиях большого числа провокаторов, что создавало предпосылки для их проникновения в БО.

6. Неверие в Савинкова как руководителя БО и его невысокий авторитет в различных кругах партийной эмиграции.

7. Финансовые трудности.

Впервые за все годы своего существования БО и ее руководитель пытались действовать в атмосфере очень слабой «партийной» поддержки и полного отсутствия «общественной». Не имея возможности подробно рассматривать проблему взаимоотношений Савинкова и Заграницкой делегации ЦК ПСР, отметим только, что вес и авторитет Савинкова в руководящих кругах партии был на порядок ниже, чем у Г.А.Гершуни и Е.Ф.Азефа. Это позволило руководству партии резко ограничить автономию БО, а в решающие моменты («дело Петрова», ликвидация «М-ского дела») просто принимать самостоятельные решения, игнорируя мнение Савинкова. Постоянное мелочное вмешательство со стороны руководства партии Савинков отмечал неоднократно, как, впрочем, и перебои в финансировании БО²². Савинков фактически не был «единым главой» БО, как об этом писал Чернов, и, естественно, часть ответственности за неудачи БО падает и на руководство партии.

Особое место в истории БО ПСР в 1909—1911 гг. занимает «дело Петрова», одно из самых грязных и запутанных дел «полицейско-революционной кухни». Попытки разобраться в нем, предпринятые 3-й Думой, позже —

Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, а затем историками, дали не много²³. Это дело, как и «дело Богрова», рождает, по меткому выражению Трусевича, «вихрь предположений», доказать любое из которых в силу ряда причин сегодня практически невозможно.

Анализ материалов этого дела убеждает, что в нем участвовали как минимум четыре стороны: сам А.А.Петров, эсеры с В.Л.Бурцевым, А.В.Герасимов с И.В.Добросоком и П.Г.Курлов с С.Г.Карповым. Каждая из сторон вела свою собственную, и довольно грязную, игру. Их свидетельства по ряду моментов откровенно лживы и опровергаются или немногими сохранившимися документами, или показаниями других сторон.

Александр Алексеевич Петров — народный учитель в Вятской губернии, а затем профессиональный революционер — имел за своими плечами несколько арестов и два побега из тюрьмы. В январе 1909 г. он был арестован под чужой фамилией в Саратове и месяцем позже дал согласие на сотрудничество с охранкой, поставив ряд условий. Начальник Саратовского жандармского управления П.К.Семигановский доложил об этом в департамент полиции, особо подчеркнув, что Петров дал устные правдивые показания о саратовских эсерах и местонахождении типографии Поволжского областного комитета ПСР²⁴.

Директор департамента полиции М.И.Трусевич категорически возражал против организации побега Петрова и требовал соблюдения установленного порядка: откровенных письменных показаний с подачей прошения о помиловании²⁵. Но Столыпин, Курлов и начальник Петербургской охранки Герасимов, крайне нуждавшиеся в перспективном сотруднике, способном внедриться в БО, предпочли действовать в обход закона.

Опуская подробности, отметим, что в мае 1909 г. был организован побег Петрова из саратовской психиатрической лечебницы. Прибыв в начале июня в Петербург, Петров встречался со своим новым руководителем — полковником Карповым, назначенным Курловым на пост начальника стационарной охранки вместо Герасимова. Получив 1000 рублей от Карпова, он также встречался с первым своим руководителем — Герасимовым, вручившим ему такую же сумму и познакомившим его с ротмистром Долговым, отправляемым за границу для связи с Петровым.

За границей Петров, согласно общепринятой версии, добровольно сознался в своей связи с охранкой некоторым эсерам и В.Л.Бурцеву. По рассказу Петрова, ставшему основой официальной партийной версии, повторенной затем Бурцевым, Савинковым, Б.В.Бартольдом и рядом историков, выходило, что он стал провокатором, чтобы бороться с охранкой ее же оружием.

Согласно постановлению IV Совета партии, Петрова, как и любого другого, вступившего в связь с охранкой, следовало немедленно исключить из ПСР и объявить провокатором, но вместо этого Фондаминский, Слетов

и Савинков скрыли эту историю от остальных руководителей партии. 23 августа они вместе с Петровым составили и подписали акт, где фиксировались обстоятельства дела и желание Петрова «устранить одного из руководителей политического сыска в России». От имени ЦК и БО ПСР это намерение оценивалось как единственно достойное и целесообразное для члена ПСР и предполагаемому покушению придавался статус «акта политического террора, совершенного с ведома и одобрения партии с.-р.»²⁶. Об этом должны были заявить эсеровская пресса и сам Петров в случае следствия и процесса. Объектом покушения был намечен Герасимов, был разработан план его убийства в Финляндии, в котором собирался принять участие сам Савинков.

Крайне важно, что в случае успеха покушения и бегства Петрова Савинков считал возможным не называть имени Петрова и не предавать огласке его историю. Несмотря на возражения руководства финских «активистов» и поддерживавшей их Заграничной делегации ЦК ПСР, в Финляндии была проведена вся подготовительная работа и делались попытки выманить туда Герасимова. Но в силу ряда обстоятельств план не был реализован.

Прибыв в Петербург в конце ноября, Петров добивался встречи с Герасимовым, встречался с Добросоком и своим непосредственным начальником Карповым, которому заявил, что Герасимов подговаривает его устроить покушение на Курлова и Карпова. Для проверки этого сообщения Карпов снял Петрову конспиративную квартиру, где должна была состояться встреча последнего с Герасимовым притайном присутствии ряда высших чинов департамента полиции. Столыпин и Зуев, не поверив утверждениям Петрова, высказались против присутствия на этой встрече²⁷.

В ночь на 9 декабря Петров взорвал Карпова на этой конспиративной квартире, затем пытался скрыться, но был схвачен. В беседах с вице-директором департамента полиции С.Е.Виссарионовым, а затем на суде Петров вновь настаивал на причастности к этому делу Герасимова. Предложение Виссарионова о проведении тщательного расследования было поддержано лишь заведующим Особым отделом департамента полиции Е.К.Климовичем, тогда как Курлов, прокурор Петербургской Судебной палаты Корсак и товарищ прокурора окружного суда Васильев категорически отвергли его²⁸. Скоротечный суд над Петровым состоялся 9 января, и через четыре дня его повесили.

Анализ обстоятельств и материалов «дела Петрова» заставляет, помимо старых версий выдвинуть и новые, еще не введенные в научный оборот.

Не вызывает сомнений факт предательства Петрова, выдавшего ряд подпольщиков начальнику Саратовского ГЖУ Семигановскому, а также факт вынужденности его признания эсерам, что подтверждается свидетельствами Фондаминского и показаниями самого Петрова Виссарионову неза-

долго до суда. Кроме того, Петров написал в августе письмо Герасимову, где говорил о возможности своего провала. Это письмо было передано Герасимовым Зуеву, который подтвердил этот факт в 1917 г.

Представляется, что эсеры и Бурцев просто использовали подвернувшийся случай для проведения столь необходимого им террористического акта. Почти все обоснования «революционной» версии опровергаются совокупностью фактов и свидетельств.

Роль Герасимова в этой истории неясна, существуют аргументы «за» и «против» версии о его причастности к гибели Карпова. Тем не менее целый ряд фактов не позволяет рассматривать обвинения Петрова в адрес Герасимова только как стремление во что бы то ни стало погубить его.

Сам Петров судорожно цеплялся за жизнь и пытался найти хоть какой-то выход из тупика, в который попал. Поэтому его поведение вполне укладывается в рамки нескольких версий, так как, спасая свою жизнь, он мог стать слугой нескольких хозяев, а кроме того, вел еще и свою собственную игру. Надо сказать, что изучение обстоятельств дела напрочь разрушает широко распространенную легенду о Петрове как о революционере-фанатике.

Особую роль в деле Петрова сыграл Курлов, курировавший его от начала до конца. Курлов принимал все ключевые решения и, по ряду свидетельств, фактически руководил этим делом. Именно он с согласия Столыпина отдал приказ об организации побега Петрова, именно он использовал на начальных стадиях его вербовки Герасимова, которого затем заменил Карповым, именно он, имея сведения о возможном провале Петрова, не принял мер для его проверки, что после скандала с Азефом представляется весьма странным. Его ноябрьские телеграммы из Ялты в департамент полиции производят впечатление искусно созданного алиби: в них говорилось о необходимости строго наблюдать за Петровым для недопущения его двойной игры и вмешательства в руководство им кого бы то ни было кроме Карпова²⁹.

На этом фоне особого внимания заслуживает весьма интересная история с билетами в Мариинский театр. В собственноручных показаниях Добросокова, данных им в декабре 1909 г. Виссарионову и А.Еремину, рассказывается, что Карпов 29 или 30 ноября взял с собой на свидание с Петровым Добросокова, заявив при этом, что делает это вопреки запрету. На свидании Карпов ответил согласием на просьбу Петрова о выдаче ему паспорта и билета в Мариинский театр, которые он обещал прислать через Добросокова, после чего он велел Добросокову оставить их с Петровым наедине.

Ночью Карпов заявил Добросокову, что брат его на свидания он больше не будет, так как на это есть распоряжение Курлова, а следующим утром дал ему три паспортные книжки. Вечером Карпов вручил Добросокову билет в театр.

«Но, — рассказывал Добросок, — в то же время я узнал, что в театре должен быть министр внутренних дел, я тогда заявил полковнику Карпову, что билет в театр Касьяну (одна из кличек Петрова. — К.М.) давать нельзя; так как, по словам Касьяна, он должен вести боевое дело на министра внутренних дел, то ему, мне кажется, не нужно знать в лицо министра. Полковник Карпов с этим доводом долго не соглашался, но потом согласился и сказал мне: я ему, Касьяну, скажу, что я, Добросок, ему не послал билета<...> Мною была отправлена только паспортная книжка, а билет — нет»³⁰.

На допросе у Виссарионова 10 декабря Петров говорил о полковнике Карпове: «<...> я понимал, что с этим человеком нельзя вести серьезных дел. И нерешительный он был, все ходил с кем-то совещаться и никогда не давал прямых ответов на мучившие меня вопросы. Бывало, спросишь его насчет приискания квартиры, а он дает вместо ответа театральный бесплатный билет»³¹.

Этот эпизод позволяет нам констатировать, что Карпов вольно или невольно чуть было не создал ситуацию, при которой секретный сотрудник, подозреваемый в «двойной игре», оказался бы в театре, где должен был быть и Столыпин. Менее чем два года спустя начальник Киевской охранки Н.Н.Кулябко создал подобную ситуацию, и Д.Г.Богров смертельно ранил Столыпина.

Сходство между Карповым и Кулябко усиливается, если учсть, что оба они получили свои весьма завидные посты из рук Курлова, прозябая до этого в провинции, и что оба они были, судя по всему, весьма непрофессиональны и ограничены. Можно предположить, что сочетание личной зависимости и профессиональной некомпетентности давало Курлову возможность манипулировать ими.

Петров был вооружен браунингом, который ему вручил в июне лично Герасимов, а также имел «адский жилет», переданный ему в Петербурге по приказу Савинкова все тем же Яном Бердо, полгода спустя заподозренным в провокаторстве.

Позиции Курлова в случае убийства Петровым Столыпина выглядели бы достаточно надежными, чтобы отвести как подозрения в его причастности к убийству, так и обвинения в преступной халатности. Роль Герасимова в вербовке Петрова, его встречи с ним летом и регулярная переписка через Доброскока, часть которой перлюстрировалась Карповым, браунинг и еще ряд деталей позволяли пустить следствие по ложному пути. От рассказа Доброскока остается ощущение, что Карпов взял его на встречу с Петровым только для того, чтобы Петров получил театральный билет из его рук, рук человека, полностью зависимого от Герасимова.

Как бы то ни было, Курлов, судя по всему, все равно воспользовался ситуацией и использовал показания Петрова против Герасимова для ком-

прометации Столыпина в глазах царя. Всеподданнейший доклад, составленный Виссарионовым и повторявший слова Петрова, сказанные им на суде, содержал следующую фразу: «<...> существует наряду с этим и другая группа, опирающаяся на неизвестную сильную руку. Исполнителем воли этой группы является генерал Герасимов и его ближайший помощник Добросок. Эта группа стремится завоевать себе право на розыск и идет к своей цели, не стесняясь никакими средствами и даже не останавливаясь перед убийствами»³².

Из показаний Петрова и прямого свидетельства Герасимова в 1917 г. совершенно очевидно, что под «сильной рукой» подразумевался Столыпин³³. По свидетельству Виссарионова, подлинник «всеподданнейшего доклада» Зуев передал Столыпину, но вручил ли последний его царю, Виссарионов сомневался.

Однако Курлов и сам имел право «всеподданнейших докладов» во время болезни Столыпина. Любопытно, что в январе 1910 г. Курлов «высочайшим соизволением» был «произведен за отличие в генерал-лейтенанты с утверждением в должности командира Отдельного корпуса жандармов и оставлением в должности товарища министра внутренних дел». В это же время Виссарионов получил орден и чин статского советника, тогда как Герасимов и Климович попали в опалу³⁴.

После смерти Столыпина основное подозрение пало на Курлова, но главный — карьеристский — мотив его поведения, по словам Трусевича, показался неубедительным, так как его карьера данным скандалом ставилась под удар³⁵. Но если гипотетически допустить, что показания Петрова не были подсказаны ему Карповым и Виссарионовым и не были выдуманы им самим, а являлись правдой, то Курлов, поверивший им, имел серьезный мотив опередить Столыпина, не дожидаясь новой попытки с его стороны. В любом случае Курлов мог рассчитывать на то, что царь сквозь пальцы посмотрит на убийство Столыпина, про которого после «дела Петрова» он мог сказать — «сам такой».

Предлагая версии по «делу Петрова», зачастую противоречащие друг другу, оговоримся, что, на наш взгляд, в той или иной степени возможна любая из них или их комбинация. Оценить степень истинности большинства из них представляется весьма трудной задачей, для решения которой требуется дальнейшая работа исследователей.

Примечания

¹ Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 1991. С.269—270.

² Там же. С.270; ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 326. А. 1.

³ Чернов В.М. Савинков в рядах ПСР // Воля России. Прага, 1924. № 14/15. С.159.

⁴ См.: Революционная мысль, 1908—1909. Париж. № 1/6.

- ⁵ Чернавский М. В Боевой организации // Каторга и ссылка. 1930. № 8/9. С.30.
- ⁶ Лебедев В. Конец Савинкова // Воля России. Прага, 1924. № 14/15. С.166.
- ⁷ ГАРФ. ДП ОО. Ф. 102. 1909. Д. 189. Л. 15—17, 65—69, 98; Ф. 5831. Оп. 1. Д. 42. Л. 4; Знамя труда. Париж, 1909. № 17. С.18.
- ⁸ См.: ГАРФ. ДП ОО. Ф. 102. 1909. Д. 189; Ф. 102. 1913. Д. 375.
- ⁹ Горбунов М. Савинков как мемуарист // Каторга и ссылка. 1928. № 41. С.169—170; Чернавский М. В Боевой организации. С.34.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 331. Л. 9.
- ¹¹ См.: ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 351; Чернавский М. В Боевой организации. С.39.
- ¹² ГАРФ. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 83. Л. 10.
- ¹³ Там же. ДП ОО. Ф. 102. 1913. Д. 375. Л. 1—306.
- ¹⁴ Там же. Л. 2—3.
- ¹⁵ Там же. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 340. Л. 1—206.
- ¹⁶ Там же. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 42. Л. 8.
- ¹⁷ Там же. Д. 43. Л. 31—3106.
- ¹⁸ Там же. Д. 43. Л. 32.
- ¹⁹ Там же. Д. 60. Л. 3.
- ²⁰ См.: Там же. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 38.
- ²¹ Там же. Д. 371. Л. 3—18; ДП ОО. Ф. 102. 1909. Д. 238. Л. 47.
- ²² Там же. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 351. Л. 53—54об., 99, 102—102об., 107.
- ²³ См.: Падение царского режима: Стеногр. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 3. Л., 1925.; Н.М. [Н.И.Ракитников] Дело Петрова // Знамя труда. 1910. № 25; К убийству полковника Карпова // Там же; Бурцев В.Л. Дело с.-р. А.А.Петрова // Иллюстрированная Россия. Париж, 1939. № 21; Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991; Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 1992 и др.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 6с/102. 1909. Д. 175. Л. 12об.—13, 16.
- ²⁵ Там же. Л. 13об.—15об.
- ²⁶ Там же. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 343. Л. 10—10об.
- ²⁷ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 514. Л. 57.
- ²⁸ Там же. Л. 37—37об.; Падение царского режима. Т. 3. С.481.
- ²⁹ Там же. Ф. 6с/102. 1909. Д. 175. Л. 50, 52—53, 55, 59.
- ³⁰ Там же. Ф. 6с/102. Оп. 1. Д. 458. Л. 16—17.
- ³¹ Там же. Л. 5об.
- ³² Там же. Л. 24—28.
- ³³ Там же. Л. 21об.—22; Падение царского режима. Т. 3. С.21.
- ³⁴ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 513. Л. 52—76об.
- ³⁵ Падение царского режима. Т. 3. С.230—232.

А.В.Сыпченко
(Самара)

НАРОДНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ И ТЕРРОР

В конце XIX в. в народничестве постепенно обозначились программные и тактические расхождения, что привело к появлению трех течений, оформившихся в начале XX в. в политические партии эсеров-максималистов, эсеров и народных социалистов. Партия народных социалистов была единственной партией народнического типа, исключившей из своей тактики политический террор.

Народные социалисты ведут свое начало от кружка публицистов, связанных с влиятельным легальным народническим журналом «Русское богатство», среди сотрудников которого были Н.К.Михайловский и В.Г.Короленко. С конца 90-х гг. XIX в. в журнале сотрудничали А.В.Пешехонов, Н.Ф.Анненский, В.А.Мякотин, С.Я.Елпатьевский — именно они в 1906 г. основали Народно-социалистическую партию (НСП).

Отношение народных социалистов к террору было не всегда однозначным и в своем развитии прошло ряд этапов. Кроме того, существовали и определенные нюансы во взглядах энесов по данному вопросу.

До образования Народно-социалистической партии некоторые будущие ее деятели не только признавали террор как способ революционной борьбы, но и лично были причастны к террористической деятельности. Революционный путь некоторые из них начинали в партии «Народная воля», созданной в 1879 г. Важным элементом революционной тактики народовольцы считали политический террор. Сторонниками террора были и будущие энесы, хотя характер их личного участия в партийной работе был различен. А.Погорелов (А.С.Сигов) и С.Я.Елпатьевский, оказывая всяческое содействие членам партии, почти целиком посвятили себя революционной пропаганде¹. В.Г.Богораз с 1885 г. входил в руководящий центр партии². 16 декабря 1883 г. Н.П.Стародворский лично привел в исполнение приговор «Народной воли» о казни жандармского подполковника Судейкина. Подробности этого убийства ужасающи. Тем не менее Н.П.Стародворский гордился им всю жизнь. Правда, в одном из прошений о помиловании, поданном из Шлиссельбургской крепости, он писал о чистосердечном раскаянии в содеянном преступлении. Действительно ли он раскаялся или просто пытался вырваться из заключения?.. Позднее, отбыв двадцатилетнее наказание в Шлиссельбургской крепости и вступив в партию народных

социалистов, Н.П.Стародворский пользовался в ее среде абсолютным доверием и огромным уважением как старый революционер и шлиссельбуржец (несмотря на подозрения в провокаторстве, которые впоследствии подтвердились)³.

Анализируя опыт народовольцев, либеральные народники, объединившиеся вокруг «Русского богатства», пришли к выводу, что одна революционная интеллигенция, даже применяя крайнее средство борьбы — террор, не может добиться политической свободы. Тактика журнала была направлена на объединение интеллигенции и либеральных кругов с целью конституционного преобразования страны. Руководство журнала поддерживало тесную связь с партией «Народное право» (первая половина 90-х гг. XIX в.), в которую, в частности, входили Н.Ф.Анненский и А.В.Пешехонов. Не имея четко выработанной тактики, эта партия обходила молчанием отношение к насильтственным методам борьбы, в том числе и террору⁴.

Оживление общественно-политической жизни России в конце XIX в. способствовало возрождению идей народовольцев и активизации деятельности народнических групп, образовавшихся из осколов «Народной воли». Видные представители либерального народничества А.В.Пешехонов и В.А.Мякотин сотрудничали с Северным союзом социалистов-революционеров, который считал пропаганду и агитацию подготовительными мерами социального переворота, а решительными — террор и массовую революционную борьбу. Они принимали участие и как авторы, и как редакторы в издаваемой «Союзом» газете «Революционная Россия». А.В.Пешехонов по просьбе Е.Ф.Азефа писал прокламации для «Союза» («К учащейся молодежи», «К рабочим», «К обществу»)⁵. Во втором номере «Революционной России», вышедшем в конце мая 1901 г., была опубликована статья А.В.Пешехонова «Выстрел Карповича», посвященная событиям 14 февраля 1901 г., когда исключенный из университета студент П.В.Карпович смертельно ранил министра просвещения Н.П.Боголепова. В статье не только высказывалось одобрение по поводу случившегося, но и звучал призыв к дальнейшей борьбе и террору. Заканчивалась статья цитатой из Некрасова, воспевшей борьбу во имя идеалов, несмотря на кровавые жертвы⁶.

После образования в 1902 г. партии эсеров, А.В.Пешехонов, не состоя в «обязательных» с ней отношениях, участвовал в ее заграничных и подпольных изданиях, а также был «причастен» к ее террористической деятельности⁷. Его квартира в Петербурге стала одним из опорных пунктов для Боевой организации партии эсеров, его адрес члены БО ПСР использовали (правда, лишь в крайнем случае) для установления связи друг с другом. Алексей Васильевич поддерживал отношения с руководителями Боевой организации Е.Ф.Азефом и Б.В.Савинковым⁸. К нему обращались и другие члены БО (А.Покотилов, И.П.Каляев, П.С.Ивановская, П.М.Рутен-

берг). По воспоминаниям Пешехонова, Азеф неоднократно дискутировал с ним по вопросу о терроре. Высказывая свое мнение о терроре, Пешехонов говорил, что считает этот «способ революционной борьбы — конечно, в строго ограниченных рамках — допустимым». Примечательно, что в сведениях, поданных Азефом в департамент полиции об А.В.Пешехонове, последний характеризовался как человек, «способный на личный акт», то есть способный принять личное участие в террористическом действии. Поддерживая отношения с членами БО, Пешехонов был в курсе боевой работы эсеров, в частности подготавливаемого покушения на В.К.Плеве. Видя в личности Плеве главное препятствие к общественным реформам, Пешехонов считал подготовку террористического акта против него вполне своевременной. Со слов Б.В.Савинкова, который часто бывал у него, Пешехонов знал всю систему внешнего наблюдения за Плеве, а также и о провале двух подготовленных покушений. Накануне убийства Плеве А.В.Пешехонов передал П.М.Рутенбергу по личной просьбе последнего деньги для членов БО, чтобы они после совершения теракта смогли выехать из Петербурга. Убийство Плеве произвело огромное впечатление на все слои русского общества. С горячим сочувствием оно было встречено публицистами «Русского богатства». Оценивая этот акт Боевой организации как чувствительный удар по абсолютизму, Пешехонов считал его одним из самых удачных в революционной борьбе⁹.

Симпатизировал террористическим средствам борьбы и В.А.Мякотин. Горячим противником террора и «якобинства» всегда являлся Н.Ф.Анненский. Его до глубины души возмущало утверждение, что ради общего блага можно не останавливаться перед жертвами. Неприемлема для него была и мысль о насильтственном захвате власти¹⁰. Своим благородствием, как вспоминал П.Н.Милюков, Н.Ф.Анненский выделялся даже в среде либеральных «освобожденцев»¹¹. По словам А.В.Пешехонова, он «далее всех из нас отстоял от партии с.-р. По моральному своему складу Н.Ф.Анненский с трудом мирился с некоторыми из методов, к каким вынуждена была прибегать партия с.-р.»¹²

Успех покушения на Плеве повысил популярность политического террора в российском обществе. Публицисты «Русского богатства», вслед за эсерами, придавали большое значение террору, возлагая на него огромную роль в подъеме общественных настроений и развитии массовой борьбы. В 1905 г. положение изменилось. С началом революции развернулось массовое движение, которое все более нарастало. В то же время аресты членов БО 29—30 марта нанесли по ней серьезный удар. Как отмечал Б.И.Николаевский, это был не только материальный и организационный, но и политический удар, так как БО в результате этих арестов сошла с арены политической борьбы в момент, когда ее присутствие там было особенно необходимо. Оружие центрального террора отказалось служить¹³.

Манифест 17 октября 1905 г. был воспринят представителями обоих течений в неонародничестве как начало конституционного развития России и породил у них надежды на возможность легальной деятельности. Эти обстоятельства привели к переоценке места и роли террора в развитии революционного движения. В ноябре 1905 г. газета «Сын Отечества», редакторами которой кроме В.М.Чернова были будущие лидеры НСП В.А.Мякотин и А.В.Пешехонов, определила свою задачу как необходимость создания широкой, построенной на демократических началах партии для организации народных трудовых масс. Одновременно инициаторы создания будущей НСП обратились в ЦК ПСР с официальным предложением образовать открытую, широко демократическую партию того же направления, что и партия эсеров, но с иным названием. По их мнению, с партией эсеров ассоциировались определенные преходящие тактические приемы борьбы, то есть политический террор, что могло явиться серьезным препятствием для создания и дальнейшего развития новой открытой партии. ЦК партии эсеров отложил рассмотрение вопроса об образовании новой партии до партийного съезда¹⁴.

На 1-м съезде ПСР (декабрь 1905 — январь 1906 г.) В.А.Мякотин, А.В.Пешехонов, Н.Ф.Анненский и солидарный с ними, но не вошедший затем в НСП П.Ф.Якубович поставили вопрос об образовании новой открытой партии. Суть их предложения сводилась к следующему. Только открытая партия, организованная на демократических началах, может создать новые формы общественной жизни, так как разрушительная работа может производиться небольшими группами, работа же созидающей должна вестись большими организованными массами. Надо сплотить массы, но этого нельзя достичь силами конспиративной организации. Поэтому необходимо заменить конспиративную «кружковщину» открытой, сильной и связанной с народом партией¹⁵. Будущие энесы надеялись посредством организации широких народных масс приостановить правительенную реакцию. С другой стороны, они не были уверены, что ввиду этой все усилившейся реакции вновь не придется вернуться к тем методам террористической борьбы, которые в прошлом давали немалые результаты. Выход из этого положения будущие лидеры НСП видели в том, чтобы сохранить боевые функции за старой организацией, которая должна была оставаться строго конспиративной, совершенно особой, самостоятельной партией, а параллельно с ней создать открытую партию, построенную на демократических началах — с подотчетностью и контролем.

В качестве одного из доводов образования новой партии приводилось и следующее: соединение различных функций (боевых, организационных, идеино-пропагандистских) в рамках одной партии создаст «полуконспиративность», а учитывая, что боевая деятельность партии всегда привлекала

внимание охранки, появлялась опасность, что провал организации боевой может привести к разгрому идейной организации, и наоборот, входящий в рамки последней агент или провокатор мог, соприкоснувшись с отделом боевым, провалить всю организацию¹⁶. Следует заметить, что основательность этих опасений впоследствии подтвердилась — «азефовщина» нанесла удар всей деятельности ПСР.

Как видим, будущие энесы не были принципиальными противниками террора, признавали его допустимость в определенных исторических условиях и выступали за сохранение в этих целях Боевой организации. Однако они полагали, что открытая политическая партия должна решить насущную задачу организации широких масс трудящихся путем мирной социалистической агитации. В этом взгляде была, конечно, своя логика. Здесь можно согласиться с Б.В.Савинковым в том, что Пешехонов, Мякотин и Анненский поняли противоречие в партийной тактике и пытались его устраниить, — террор и мирная социалистическая агитация в пределах одной партии неизбежно мешали бы друг другу¹⁷.

Большинством голосов 1-й съезд ПСР высказался против предложения о создании открытой партии, считая этот шаг преждевременным, а применение террора необходимым вплоть до полного завоевания политических свобод¹⁸. Пешехонов, Мякотин и Анненский покинули съезд, но не отказались от идеи создания открытой социалистической партии. По их инициативе в 1906 г. была образована Народно-социалистическая партия, ключевая формула программы которой гласила: «Восстановить права человеческой личности и обеспечить интересы трудового народа».

Лидеры народных социалистов отвергали марксистскую идею скачка из одной общественно-экономической формации в другую. В их концепции революция мыслилась как целый эволюционный период, характеризующийся множеством изменений во всех сферах жизни общества, как комплекс преобразований, которые неизбежно должны привести к изменению существующего социального строя. Согласно взглядам энесов, отражавшим настроения значительной части русской интеллигенции, элементы социализма должны внедряться в капиталистический строй, проникая в идеологические, политические, экономические сферы общества постепенно, не допуская резкой ломки социального строя. Такая ломка, по их мнению, могла оттолкнуть от социализма многих его сторонников и повлечь за собой экономический и политический хаос. Результатом социалистической эволюции, полагали энесы, должно стать народовластие — прямое участие народа в законотворчестве и управлении. Основной лозунг партии энесов гласил: «Все для народа, все через народ»¹⁹.

Из программы и тех задач, которые перед собой ставила партия, вытекала и форма ее организации как открытой социалистической партии²⁰.

Логическим звеном политической концепции энесов являлось и предпочтение мирной тактики революционной. Они считали, что борьба за программные цели должна вестись как парламентскими, так и внепарламентскими средствами. Однако НСП, являясь партией открытой, не могла практиковать таких тактических приемов, осуществление которых «технически невозможно в условиях открытого существования партии»²¹. Насильственные средства борьбы, в том числе террор и вооруженное восстание, рассматривались народными социалистами как крайние и нежелательные, как «печальная возможность», но не «роковая необходимость»²². Радикальные средства борьбы исключались энесами из арсенала партии. Это вызывало критику со стороны эсеров, которые, как показывают агентурные сведения департамента полиции, называли народных социалистов «червяком с гнойной раны» за то, что они своей идеей пассивного сопротивления деморализуют человека, в то время как террор, отвечая на силу силой, воспитывает в нем сознание права и индивидуальность²³.

Однако организационное размежевание энесов и эсеров, допускаемые ими порой резкости в адрес друг друга не означали полного прекращения отношений между ними. Эсеры писали о себе и об энесах как об одном лагере народников²⁴. Народные социалисты, со своей стороны, отмечали, что «не только конечный пункт, но и весь путь» у эсеров и энесов «общий», расхождения у них только в предлагаемом темпе движения²⁵. Не были принципиально непримиримыми и их позиции в отношении террора. Исключив политический террор из тактики своей партии, энесы, тем не менее, оправдывали его как акт мести. Народно-социалистическая фракция во 2-й Государственной думе выступила за обсуждение предложения правых о выражении Думой порицания политическим убийствам и террору. Однако мотивом энесов к рассмотрению этого предложения явилось не стремление вынести порицание террористическим актам, а желание выяснить причины их совершения. Рассматривая политический террор как «систему устрашающих действий, имеющих целью добиться от противника чего-либо определенного и устрашаемому противнику известного», народные социалисты указывали, что террористические акты вызваны правительственные репрессиями, нежеланием правительства решать насущные проблемы и, следовательно, ответственность за них несет правительство. В связи с этим энесы голосовали вместе с левой частью Думы против вынесения порицания политическим убийствам и террору²⁶.

Народно-социалистическая фракция 2-й Государственной думы отсутствовала на заседании 7 мая 1907 г. во время обсуждения запроса по поводу слухов о раскрытии заговора, целью которого было покушение на жизнь государя²⁷. Более того, один из лидеров энесов, В.А.Мякотин, будучи вызван в качестве свидетеля-эксперта на суд по делу Б.Н.Никитенко—

Б.С.Синявского, обвинявшихся в подготовке цареубийства, стремился доказать непричастность партии эсеров к заговору и утверждал, что дело о цареубийстве если не создано, то во всяком случае раздуто Петербургским охранным отделением. Экспертиза В.А.Мякотина произвела большое впечатление на членов суда²⁸.

После поражения революции 1905—1907 гг., после разоблачения Е.Ф.Азефа (1908) и убийства П.А.Столыпина (1911) отношение энесов к террору изменилось.

В основе теории народных социалистов лежали идеи гуманизма, ценности каждой человеческой личности. Поэтому насилие, проявленное с обеих сторон в период первой русской революции, еще больше отпугнуло энесов от использования радикальных средств, еще более обострило в их восприятии проблему соотнесенности терроризма и морали. В связи с этим все чаще звучат среди народных социалистов идеи о неоправданности кровавых жертв, о соотношении жертв и результатов терактов, о моральном ужасе и бессмыслиности террора, о недопустимости насильственных методов. На Совещании членов Организационного комитета и представителей Московской и Петербургской групп НСП, состоявшемся 6—8 февраля 1909 г. в Петербурге, террор был исключен из арсенала возможных средств борьбы²⁹. Принимая лишь цивилизованные, демократические формы политического противостояния, народные социалисты пришли к полному отрицанию террора³⁰.

Эта позиция отражала и общественное мнение России, для которого после поражения революции 1905—1907 гг. и разоблачения «азефовщины» было характерно неприятие террора.

После дела Азефа и убийства П.А.Столыпина в представлениях народных социалистов о терроре появился новый нюанс. Причины террора и провокации энесы видели в той политической системе, которая существовала в стране. Следовательно, и ответственность за эти явления они возлагали на власть, поддерживавшую общественно-политическую систему. Осуждая провокаторство Азефа, энесы отмечали, что «у этого Иуды в квадрате» был надежный защитник в лице П.А.Столыпина, которому были представлены неопровергнутые доказательства участия Азефа в убийствах министра внутренних дел Плеве и великого князя Сергея Александровича. Однако Столыпин не запретил департаменту полиции пользоваться услугами «сотрудников». Народные социалисты при этом обращали внимание общественности на то, что Столыпин защищал тем самым не только Азефа, но и всю систему «сотрудничества» и «предательства», — защищал не только словами, но и репрессиями. Отмечая, что не Столыпин начал создавать эту систему, энесы подчеркивали, что именно при нем она сделалась истинным обиталищем государственной власти³¹. «Охранка подавила, заполонила почти все отрас-

ли государственного ведения. Не только сыск, но и прямая провокация стали нормальным необходимым делом³². Убийство Столыпина народные социалисты не считали террористическим актом, так как Д.Г.Богров, по их мнению, не имел намерения кого-либо устрашить и добиться чего-либо, что является сущностью политического террора, — он просто совершил убийство. Столыпин, указывали энесы, стал жертвой той системы, которую сам развел. В связи с этим они отмечали опасность охранной гипертрофии не только для страны, но и для власти, предупреждали об угрозе нового прилива ожесточения³³.

Важнейший вывод проведенного народными социалистами исследования о связи террора с государственной властью получил особое звучание после октябрьской революции 1917 г., когда террор стал основным средством управления государством.

Последовательными противниками террора и «якобинства» оставались народные социалисты и в эмиграции³⁴. К сожалению, на родине их голос был услышан нескоро. В связи с этим хотелось бы напомнить слова С.П.Мельгунова, что «недостоин наименования великого тот народ, среди которого не возбуждает противодействия насилие<...> Мы знаем, что против насилия активно восстает всегда везде лишь меньшинство. Таков, к сожалению, закон человеческой природы, далекой от совершенства»³⁵.

Подводя итог, следует отметить определенную эволюцию отношения народных социалистов к террору. Первоначально непосредственные предшественники энесов (группа публицистов-неонародников, сформировавшаяся вокруг журнала «Русское богатство») вслед за эсерами придавали террору важное значение в подъеме общественного настроения и развитии массовой борьбы. Симпатизируя террористическим средствам борьбы, они оказывали определенное содействие БО ПСР. В период первой русской революции народные социалисты сочувственно относились к террору как к допустимому средству борьбы против той правительственной системы, которую он был порожден, однако исключали его из собственного арсенала. Предпочтение мирной тактики — логическое звено их концепции. После поражения революции 1905—1907 гг., разоблачения «азефовщины» и убийства П.А.Столыпина энесы пришли к полному отрицанию террора как допустимого средства политической борьбы. В основе этой позиции лежали идеи гуманизма, нравственности и морали, ставшие важнейшими компонентами социально-политической концепции народных социалистов.

Примечания

¹ Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. Т.3.Вып. 2. М., 1934. С.1320; Погорелов А. Избранное. Молотов, 1953. С.3.

² Деятели революционного движения в России. Т. 3. Вып. 1. М., 1933. С.351—355.

- ³ Бурцев В. В погоне за провокаторами. М., 1991. С.163—208; Лонге Ж., Зильберг Г. Террористы и охранка. М., 1991. С.17—19.
- ⁴ Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. С.32—33.
- ⁵ Пешехонов А.В. Мои отношения с Азефом // На чужой стороне. 1921. № 5. С.51.
- ⁶ Пешехонов А.В. Выстрел Карповича // Революционная Россия. 1901. № 2.
- ⁷ Пешехонов А.В. Мои отношения с Азефом // На чужой стороне. 1921. № 5. С.58.
- ⁸ Там же; Пешехонова А.Ф. Былое, 1949—1955 // ОР РГБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 64. Л. 9.
- ⁹ Пешехонов А.В. Мои отношения с Азефом // На чужой стороне. 1921. № 5. С.51—69.
- ¹⁰ Анненская А. Из прошлых лет: Воспоминания о Н.Ф.Анненском // Русское богатство. 1913. № 1. С.55.
- ¹¹ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. Нью-Йорк, 1955. С.338.
- ¹² Пешехонов А.В. Почему мы тогда ушли // Русское богатство. 1917. № 11/12. С.328.
- ¹³ Николаевский Б. История одного предателя. М., 1991. С.104, 117—118.
- ¹⁴ Сигъ А. О народно-социалистической партии. Пг.; М., 1917. С.14.
- ¹⁵ Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. СПб., 1906. С.37—38.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Савинков Б. Воспоминания террориста. М., 1991. С.140—141.
- ¹⁸ Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. С.49—50, 235.
- ¹⁹ Трудовая народно-социалистическая партия: Проект программы и организации // Народно-социалистическое обозрение. Сб. 1. СПб., 1906. С.1—15.
- ²⁰ Известия Народно-социалистической партии. 1909. 15 февр. № 3(8). С.1; Гурьев А.А. Открытое существование // Народно-социалистическое обозрение. Сб. 10. СПб., 1906. С.1—10; Мякотин В.А. О тактике народно-социалистической партии // Там же. Сб. 9. 1906. С.5—16.
- ²¹ Мякотин В. О Н.-С. партии // Там же. Сб. 1. С.7; Резолюции, принятые первым съездом Н.-С. партии // Там же. Сб.8. 1906. С.84.
- ²² Пешехонов А.В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1906. № 7. С.178—179.
- ²³ ГАРФ.Ф. 102. ДП ОО. Д. 112. 1910. Л. 9об.
- ²⁴ За народ. 1907. № 1 (апр.). С.13.
- ²⁵ Пешехонов А.В. В чем наше расхождение: Письмо В.М.Чернову // Народно-социалистическое обозрение. Сб. 6. СПб., 1906. С.16—17.
- ²⁶ Государственная дума: Второй созыв: Стенографический отчет. 1907 г. Сессия вторая. Т. 2. СПб., 1907. С.605—606, 609; Петрищев А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1911. № 9. С.223.

- ²⁷ Государственная дума: Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв, 1907 г. Заседания 1—53. СПб., 1907. С.223.
- ²⁸ Герасимов А.В. На левзии с террористами. М., 1991. С.105—106.
- ²⁹ К докладу об открытости партии: К совещанию 6—8 февр. 1909 г. в СПб. между членами ОК и представителями Московской и Петербургской групп Н.-С. партии // ГАРФ. Ф. 4653. Д. 61. Л. 1об.
- ³⁰ Пешехонов А.В. Отличия от существующих социалистических партий // ГАРФ. Ф. 4653. Д. 62. Л. 2об.; Пешехонова А.Ф. Былое // РО ГРБ. Ф. 225. 1911. № 10. С.115—141.
- ³¹ Мякотин В.А. Революция и провокация // Русское богатство. 1909. № 3. С.162—179; Пешехонов А.В. За уходящей волной // Там же. 1911. № 9. С.166—171; Пешехонов А.В. Не добром помянут // Там же. № 10. С.115—141.
- ³² Петрищев А. Указ. соч. С.164.
- ³³ Там же. С.163—165.
- ³⁴ Мельгунов С.П. Суд истории над интеллигенцией: К делу «Тактического центра» // На чужой стороне. Берлин, 1924; Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Вып. 2. Ч.3. Париж, 1964. С.30, 38, 48, 58, 85 и др; Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения. Нью-Йорк, 1991.
- ³⁵ Мельгунов С.П. Героизм белой борьбы // Борьба за Россию. Париж, 1926. № 2. С.2.

И.А.Кипров
(Смоленск)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР В ПРОВИНЦИИ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ ВИДНЫХ ТЕРРОРИСТОВ НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

(На материалах Смоленской губернии)

Основу этого сообщения составил конкретно-исторический материал, содержащий большое число уникальных документов, которые позволяют исследовать основные тенденции роста и развития террористических настроений в провинции, а также выявить характерные особенности, присущие Смоленскому краю. Привлечение материала Смоленщины не случайно. Здесь с конца 1902 до конца марта 1903 г. при участии семи интеллигентов, впоследствии ставших видными социалистами-революционерами, М.С.Биценко и А.А.Биценко, М.И.Швейцера, Е.А.Костюшко-Валюжанич и Н.А.Костюшко-Валюжанич, Г.А.Ривкина и Е.М.Ратнера, был создан Смоленский комитет ПСР, а затем на его базе развернута партийно-организационная работа, результатом которой стало создание к июлю—августу 1904 г. Северо-Западной областной организации ПСР с центром в Смоленске¹. Смоленскими работниками в 1903 г. были созданы партийные комитеты в Витебске и Брянске.

Кроме того, сами социалисты-революционеры считали Северо-Западную организацию не только колыбелью террористических настроений в ПСР, но и родоначальницей теоретического и практического максимализма².

Появлению и проявлению террористических настроений на Смоленщине способствовала деятельность неонароднических кружков и групп во второй половине 80-х гг. XIX в. Наиболее радикальной была группа, созданная в 1888 г. П.Г.Заичневским во время его наездов в Смоленск из Орла³.

Последователь Заичневского С.П.Середа выдвинул идею покушения на царя, причем не столько для его убийства, а скорее для того, чтобы «наделать шуму». «Шум» этот представлялся полезнее самого убийства, ибо способствовал бы пробуждению общества от спячки⁴.

Этот план, равно как и планы устройства типографии и нелегальной библиотеки, созыва съезда революционеров, не осуществлен из-за отсутствия средств и провала организаций в Курске, Орле и Смоленске⁵.

Другой, не менее характерный эпизод относится к концу 1900 — началу 1901 г., когда бывший студент Рижского политехнического института М.Ф.Си-

нявский создал группу в Смоленске, действовавшую до декабря 1901 г. под именем «Смоленского комитета террористическо-революционной партии»⁶.

В Заключении Московской судебной палаты по делу этого комитета сохранилась опись вещественных доказательств, среди которых четыре копии прокламаций, изданных группой М.Ф.Синявского. В одной из них, обращенной к рабочим Смоленска и Ярцевской фабрики (Духовщинский уезд), звучит призыв: «Не жалея никаких жертв, сплотиться в одну дружную семью и вступить в жаркую открытую борьбу с общим врагом — самодержавием. Открытая борьба и террор необходимы уже потому, что всякий должен сознавать, что мирным путем ничего нельзя добиться». Далее автор воззвания ссылался на героические примеры деятеля партии «Народная воля» П.В.Карповича. Нечто аналогичное происходило с конца 1900 г. по лето 1902 г. в Рославле. Там действовал кружок М.А.Ривкина (родного брата Г.А.Ривкина), в который входили исключенные из университетов студенты, городские рабочие и местная интеллигенция. Членами «Группы Рославльских интеллигентов» были П.Д.Турчанинов (Лев Черный), будущий теоретик анархизма, а также его братья: С.Д.Турчанинов, ставший впоследствии руководителем местной социал-демократической группы, и Р.Д.Турчанинов — лидер Рославльской группы ПСР. В письме П.Д.Турчанинова к черниговским товарищам, написанном в тюрьме, говорилось: «Разрозненный местный террор вообще не может быть полезен; для того чтобы террор имел успех, он должен быть систематическим <...> Только систематический террор способен уничтожить самодержавие, последовательно казня виновных». Далее автор письма ставит вопрос, что нравственнее: сидеть сложа руки и смотреть, как палачи издеваются над невинными жертвами, томя их по тюрьмам, или поднять оружие в защиту угнетенных против угнетателей. «Мне кажется, что сидеть при таком положении дела не только безнравственно, но и прямо-таки подло». В том же письме П.Д.Турчанинов наметил план постановки террористических кружков во всех губернских городах, определил цели террора, среди которых: наступательная, освободительная, судебная, защитительная, реформаторская. Кроме этих целей автор указывает и на необходимость сбора денег, «хотя я одобряю и грабеж церквей и казначейств». По мнению Турчанинова, террористы должны возможно меньше себя компрометировать, даже стараться быть вне подозрения. Группы боевиков следует комплектовать из семи человек, разделенных на «оседлых» и «бродячих» террористов. В качестве устава будущей организации Турчанинов предлагает принять устав «Общества времен года»⁷.

В проекте программы, составленной Центральной группой организации пролетариев-революционеров, говорилось: «На помощь массам приходят террористы, уничтожающие передаточные центры правительства, начальников, усердных губернаторов<...> Исторические условия, давшие русскому само-

державию такие силы, выдвинули перед русскими революционерами необходимость прибегать к политическому террору. Своевременный организованный революционный террор восполняет относительную слабость революции, является застрельщиком революции, авангардом народных масс, лишает правительство лучших его слуг, крупных представителей и опоры. Соединенные нападения масс и террористической организации расшатывают здание самодержавия»⁸.

Единственной «террористической акцией» в Смоленске с 1900 по 1905 г. было избиение в декабре 1901 г. в Солдатской слободе жандармского унтер-офицера И.Кузьменкова. Участники нападения — члены Смоленского комитета террористическо-революционной партии М.Ф.Синявский, С.К.Дроздов и В.А.Александров (Царьков) — были арестованы. Выходка активистов поставила на грань провала всю организацию⁹.

Таким образом, во-первых, период с конца 80-х г. XIX в. до 1905 г. характеризуется явной беспочвенностью террористических настроений как в целом по России, так, в частности, и в провинции. Во-вторых, не представляется возможным связать террор и террористические настроения с деятельностью какой-либо одной партии, партийной группы или организации. Судя по приведенным выше примерам, носителями террористических идей в провинции выступали и социалисты-революционеры, и социал-демократы (группа С.Д.Турчанинова), и будущие большевики (С.П.Середа), и будущие анархисты (П.Д.Турчанинов). Можно утверждать, что вплоть до покушения на Д.С.Сипягина (апрель 1902 г.) и даже после убийства В.К.Плеве (июль 1904 г.) террористические настроения были свойственны всем провинциальнym леворадикальным организациям. Повальное увлечение террором среди провинциальных партийных организаций, особенно среди пролетариата, вовсе не случайно. Это характерная черта и следствие затянувшегося по времени процесса дифференциации общей леворадикальной массы по партиям, что предполагает выполнение партийных директив, соблюдение дисциплины и партийных программных принципов. Можно сказать, что строгое соблюдение партийных принципов в провинции так и не утвердились.

Начало первой революции на Смоленщине было отмечено 1 января 1905 г. террористической акцией. В дом губернатора Смоленска была брошена бомба, разрушившая часть первого этажа. Из доклада начальника местного жандармского управления, направленного в департамент полиции в день покушения, узнаем, что акция эта была предпринята исключительно в целях устрашения местной администрации, так как всем горожанам, в том числе и покушавшимся, было известно, что во время рождественских праздников губернатора нет в городе¹⁰.

Наибольшее число террористических акций в Смоленске было совершено в 1906 г. Так, 2 января 1906 г. членами местной боевой дружины убит

в собственной лавке на Покровской горе староста черносотенного Общества хоругвеносцев купец А.А.Котов. Под руководством М.Ф.Синявского и С.Н.Кузнецова 17 марта 1906 г. был убит руководитель массовых расправ над крестьянами помощник начальника Смоленского губернского жандармского управления подполковник М.К.Гладышев. 2 июля 1906 г. совершено покушение на председателя местной партии «Свобода и порядок» губернского предводителя дворянства князя В.М.Урусова. Правда, князь при этом не пострадал. 21 октября 1906 г. в Рославле был смертельно ранен полицейский надзиратель И.Клитин¹¹. Социалисты-революционеры-максималисты занимались лишь экспроприациями и к 1908—1909 гг. выродились в обычновенных грабителей¹².

Членами Смоленского комитета ПСР в 1907—1908 гг. были совершены также покушения на агентов местного охранного отделения. Так, 28 сентября 1907 г. на Покровской горе К.Носарь убил провокатора, рабочего-типографщика (К.Леонова). Вечером 8 сентября 1908 г. в центре города — в саду Блонье — несколькими выстрелами в голову был убит провокатор семинарист Н.С.Воронков. Такие расправы, как правило, влекли за собой массовые аресты, от чего страдала вся организация ПСР¹³.

В 1905—1907 гг. в подготовке и проведении террористических акций участвовали многие члены Смоленской организации ПСР. В составе Боевой организации ПСР действовал Е.М.Цивин, сын рославльского купца-предпринимателя, студент Цюрихского политехнического института, участвовавший в покушении на уфимского губернатора Н.М.Богдановича. Вместе с членом Рославльской группы ПСР В.В.Чекальдиным (Чеколдин) Е.М.Цивин участвовал в организации Тверской группы ПСР. Непосредственным исполнителем покушения на тверского губернатора Слепцова был В.В.Чекальдин, впоследствии проходивший в суде и казненный под именем Ив.Бугачева. Покушение в Минске на губернатора П.Г.Курлова 14 января 1906 г. совершено смолянином И.П.Пулиховым. 9 декабря 1906 г. в Твери убил графа Игнатьева выпускник смоленского реального училища Сергей Ильинский. Работой Петербургского боевого отряда ПСР в 1903—1905 гг. руководил сын смоленского купца-банкира М.И.Швейцер, одним из членов отряда был сын смоленского врача Б.В.Подвицкий (Запольский)¹⁴.

Новые материалы о С.В.Балмашеве, обнаруженные в местных архивах, позволяют значительно дополнить его портрет. Появление С.В.Балмашева на Смоленщине относится к январю 1901 г., когда он в числе восьми киевских студентов, отданных по постановлению 11 января 1901 г. в солдаты, появился в 1-м пехотном Невском полку, расквартированном в Рославле.

«Как сейчас помню этот день, — говорится в начале воспоминаний анонимного автора, — когда я увидел его¹⁵...» Среди кавказцев он резко выделялся своей наружностью — особой бледностью и общим болезнен-

ным видом¹⁶...» Слова его вливались в сердце. Я не скажу, чтобы он говорил красно, не назову его оратором, но скажу, что каждое слово западало в сердце. Чувствовалось, что слова его не расходятся с делом и что он никогда не постращится смело взглянуть в глаза смерти»¹⁷.

Н.И.Алешина-Амираджиби в своих воспоминаниях о Балмашеве отмечала: «Он говорил очень мало, отвечал кратко, но замечательно ясно и точно. Видно было, что он что-то недоговаривает, во что-то не хочет посвящать никого. Как оказалось потом, им тогда уже был задуман впоследствии совершенный им террористический акт убийства царского министра Сипягина»¹⁸.

Что касается биографий М.И.Швейцера и Г.А.Ривкина, то хочется отметить лишь несколькими штрихами их вхождение в ПСР и переход к террористической работе.

М.И.Швейцеру, родившемуся в семье богатого купца-банкира, судьба, казалось, уготовила блестящее будущее, чему способствовали усердие в учебе и разносторонние познания в области математики, физики, химии. Однако уже в гимназические годы он попал под влияние революционной пропаганды, распространявшейся в те годы в полулегальных гимназических группах и кружках. Еще более серьезное влияние на его взгляды оказали годы учебы в Московском университете (1899—1902), где он вошел в состав студенческого Исполнительного комитета, готовившего выступления 9 февраля 1902 г. 27 января 1902 г. на одной из сходок Швейцер был арестован, в ходе обыска у него обнаружили нелегальную социал-демократическую литературу¹⁹.

Его мать, Б.Э.Швейцер, в прошении на имя министра внутренних дел кн. П.Д.Святополка-Мирского просила выдать сына на поруки ввиду тяжелого состояния здоровья его отца. Сам же Швейцер 16 марта 1902 г., будучи под стражей в полицейском доме Якиманской части, подал прошение о помиловании, где между всем прочим отметил, что решением Особого совещания от 7 марта 1902 г. он приговорен к ссылке под надзор полиции в Иркутскую губернию. «Выросший и воспитанный сызмала в семье своих родителей, проникнутых чувством полной верноподданности Престолу и твердого повинования закону и властям, я до последнего времени неукоснительно следовал этому святому долгу²⁰...» Принося сим свое чистосердечное и полное раскаяние во всех прегрешениях и скорбя до глубины души обо всем случившемся и явившемся плодом исключительно юношеского легкомыслия, осмеливаюсь²¹...» просить о всемилостивейшем помиловании меня²²...» позволить мне закончить образование и вернуться в семью родителей стариков, стать до конца своей жизни истинно честным верноподданным гражданином²³...» прошу верить моему обещанию²⁴...» из-за сострадания к моим родителям старикам и ко мне²⁵.

Однако московский генерал-губернатор при рассмотрении прошения настоял на высылке Швейцера, а на представлении министра внутренних

дел от 11 мая 1902 г. слово «еврей» дважды подчеркнуто. После того как прошение Швейцера было отклонено, а судя по всему, написано оно было вполне искренне, он был выслан в с. Нохтуйск Олекминского округа Якутской губернии. Сблизившись, по-видимому, с ссыльнопоселенцами, Швейцер вступает там в ПСР. Через месяц, 11 июля 1902 г., он пишет на имя министра внутренних дел прошение совершенно иного рода: «Имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство означенное прошение мое (поданное 16 марта 1902 г. — И.К.), оставить без последствий и считать уничтоженным настоящим прошением»¹⁹.

17 марта 1903 г. он вернулся в Смоленск и вплоть до отъезда 4 октября 1903 г. за границу активно участвовал в организации Смоленского комитета ПСР. Именно так правительство взращивало революционеров²⁰.

Яркую характеристику личности Швейцера дал в своих воспоминаниях Н.С.Тютчев: «Это был человек долга прежде всего, не увлекающийся и осмотрительный в своих словах и поступках <...> Я вполне согласен с характеристикой Швейцера, данной Б.В.Савинковым; прибавлю только, что, к несчастью, так рано погибший, дорогой для дела и близкий ему, Леопольд (М.И.Швейцер. — И.К.) по своему типу напоминал мне семидесятника»²¹.

Григорий Абрамович Ривкин родился 1 января 1877 г. в местечке Лиозно Оршанского уезда Могилевской губернии, в семье врача-дантисста. В 1878 г. семья Ривкиных переехала в г. Смоленск, где восьмилетний Григорий воспитывался в пансионате, а затем учился в Смоленском реальном училище. В «реалке» он впервые познакомился с нелегальной литературой, но активного участия в местных ученических кружках не принимал. После окончания училища в 1896 г. Ривкин уехал за границу, осенью того же года в Париже поступил на факультет химии Сорбонны. По окончании университета в 1899 г. он поступил на электротехнический факультет Марсельского университета, а окончив его, вернулся в Париж и работал инженером-химиком в одной из лабораторий Сорбонны.

В партию социалистов-революционеров Ривкин вступил лишь после возвращения в Россию осенью 1902 г. Первые сведения о его работе в качестве организатора, занимавшегося технической стороной подготовки террористических акций, относят к концу 1904 — началу 1905 г. Два ареста в Москве, один из которых произошел 5 октября 1903 г., а другой — 29 января 1904 г., в значительной мере повлияли на его взгляды.

Во второй половине октября 1905 г. на собраниях рабочих Прохоровской мануфактуры Ривкин призывал рабочих к вооруженному выступлению. В декабре 1905 г. он активно участвовал в вооруженном восстании, наладил в захваченной дружинниками химической лаборатории Прохоровской мануфактуры производство взрывчатых веществ и бомб, которые пошли в ход на Пресненских баррикадах²².

После разгрома декабрьского вооруженного восстания в Москве Ривкин был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Все эти события коренным образом повлияли на его взгляды. Именно в Бутырках весной 1906 г. он написал свою знаменитую брошюру «Прямо к цели», поставившую автора в ряды теоретиков социалистов-революционеров-максималистов²³.

В биографиях М.И.Швейцера и Г.А.Ривкина прослеживаются общие черты зарождения и развития террористических идей, характерных для целого поколения российской молодежи. Примечательно, что М.И.Швейцер и Г.А.Ривкин приходят в террор не с гимназической скамьи, что было свойственно молодежи в период революции 1905—1907 гг., когда гимназист Ф.А.Ривкин (брать Г.А.Ривкина) вступил в Боевую организацию пятнадцатилетним юношей, а в семнадцать лет участвовал в подготовке и проведении покушения на П.А.Стольпина в августе 1906 г. на Аптекарском острове.

Для Швейцера и Ривкина приход к террору был обусловлен не только внешними обстоятельствами (репрессивной политикой правительства, нарастанием революционного кризиса и т.п.), но и личными мотивами, которые отчасти просматриваются в приведенных нами фактах.

Представленный конкретно-исторический материал позволяет утверждать, что в период с 80—90-х гг. XIX в. и вплоть до 1905 г. возникновение и развитие террористических идей характерно для большинства революционных групп и организаций. Эти настроения отличали всех революционеров — без различия их партийности. Особенно сильны они были в Северо-Западном регионе России. Для времени революции 1905—1907 гг. следует различать террор, проводившийся под руководством партийных комитетов ПСР (в основном это покушения на жизнь чинов местной власти), и начавшийся с лета—осени 1906 г. террор социалистов-революционеров-максималистов (экспроприации, грабеж частных лиц, бандитизм), лишившийся к 1908 г. какой-либо партийной и политической окраски.

Рост числа террористических акций как на Смоленщине, так и в Северо-Западной области в целом пришелся на конец 1905 — начало 1906 г. Большинство из них были подготовлены, организованы и проведены под контролем и с санкции местных партийных комитетов. Для исполнения «приговора» выдвигались, как правило, два-три или более членов Боевой дружины или Летучего боевого отряда ПСР. Так, для расправы с купцом А.А.Котовым, судя по документам и рассказам очевидцев, опубликованным в местной прессе, прибыла группа из восьми человек, четверо из которых совершили убийство.

При попытках проанализировать взгляды революционеров (в том числе и террористов) следует учитывать, что для многих из них участие в революции и терроре составляло основу жизни и смысл существования.

Примечания

- ¹ Доклад М.С.Биценко о партийной работе в Северо-Западной области, по Смоленскому району в том числе (февраль 1907 г.) // Международный институт социальной истории (МИСИ), г.Амстердам. Архив ПСР. Д. 384; ГАСО. Ф. 1289. Оп. 2. Св.10. Д. 49; Кипров И. Бабушка русской революции и поп-революционер, или Истоки российского терроризма // Край Смоленский. 1993. № 7/8.
- ² Кое-что о «максималистах»: Письмо из Смоленска // Партийные известия. 1907. 12 апр. № 8. С.3—5.
- ³ Откровенные показания Н.А.Добротворского // Былое. 1910. № 9/10. С.80.
- ⁴ Там же. С.80—81.
- ⁵ Там же. С.82; ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 4495, 4496, 4497, 4498.
- ⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 8, Д. 266, 274.
- ⁷ Там же. Ф. 1742, Оп. 1. Д. 36809. Л. 391; ЦГА г. Москвы. Ф. 148. Оп. 313. Д. 378. Л. 26—31.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДП.00.1902. Д. 1051. Л. 29—30.
- ⁹ ЦГА г.Москвы. Ф. 131. Оп. 66. Д. 163. Л. 1—1об.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 2. Св.13. Д. 81, Л. 1; ГАРФ. Ф. 102. ДП.00.1903. Д. 2300. Ч.43. Л. 1—3об.
- ¹¹ ГАСО. Ф. 1289 Оп. 2. Св.12. Д. 71, Л. 65а; ГАРФ, Ф. 102. ДП.00.1906. Д. 2315. Ч.50, Л. 1—5; Кашинцев А. К убийству А.А.Котова // Смоленские новости. 1906 3 янв. № 15; С-кий. По поводу убийства Гладышева // Там же. 22 марта. № 18; Доклады подполковника М.К.Гладышева в Департамент полиции. Убийство Гладышева: Из отчета о совершении покушения и убийства Гладышева (октябрь 1906 г.) // МИСИ, г.Амстердам. Архив ПСР. Д. 384.
- ¹² Кипров И., Илькевич Н. Дело Бориса Владимировича Подвицкого, или Смоленская террористическая группа Объединенного бюро ПСР, 1937—1938 гг. // Край Смоленский. 1994. № 7/8.
- ¹³ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 2. Св.19. Д. 183. Л. 1—31. В исторической литературе о провокаторской деятельности К.И.Леонова не было ранее сведений, провокаторство приписывалось рабочему В.К.Леонову, что является ошибкой; Там же. Ф. 1289. Оп. 2. Св.23. Д. 228. В убийстве семинариста Н.С.Воронкова участвовали члены Смоленского комитета ПСР А.Г.Гуревич, И.Г.Пляшкевич, К.А.Пашин. После убийства все были схвачены, что повлекло за собой массовые аресты членов организации, работа которой была парализована.
- ¹⁴ К убийству графа Игнатьева // Наш край. 1906. 19 дек. № 40.С.2; Документы Боевой Организации ПСР (1903—1908 гг.). Листовки Б.О.ПСР (1902—1906 гг.). Газетные вырезки по террору (1902—1911 гг.). Газетные вырезки по экспроприациям (1906—1910 гг.) // МИСИ, г.Амстердам. Архив ПСР. Д. 738, 1170, 1171, 1177; ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1902. Д. 1278; за 1903 — Д. 1577; за 1904 — 3-е д-во. Д. 297.
- ¹⁵ ЦДНИСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 81. Л. 3; Д. 117. Л. 133—134, 137—339об.
- ¹⁶ Ивановская П.С. В боевой организации. М., 1929; ЦДНИСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 117. Л. 137—139об.; Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. С.257.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. 3-е д-во. 1904. Оп. 102. Д. 297. Л. 1—10.
- ¹⁸ Там же. Л. 11—12.
- ¹⁹ Там же. Л. 16—24.
- ²⁰ ГАСО. Ф. 1289. Оп. 2. Св.17. Д. 133. Л. 363.
- ²¹ Тютчев Н.С. В ссылке и другие воспоминания. Ч.2. М., 1925. С.128—132. Характеристика М.И.Швейцера дана Савинковым в следующих изданиях: Савинков Б.В. Максимилиан Швейцер // Былое. 1908. № 8. С.3—5; Савинков Б.В. Воспоминания / Сост. И.М.Пушкирева. М., 1990. С.406.
- ²² Савинков Б.В. Воспоминания. С.160—161; Энциклопедический Словарь бр. Гранат. Т. 40. Ст.83—84; Ваховская [Бонч-Осмоловская] В.И. Жизнь революционерки: Воспоминания. М., 1928. С.21.
- ²³ Прямо к цели. СПб., 1906.

А.В.Дубовик, А.Вл.Дубовик
(Днепропетровск)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «ГРУППЫ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИХ РАБОЧИХ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ» В 1905—1906 ГГ.

Первое проявление анархического движения в Екатеринославе относится к 1904 г., когда в городе появилась махаевская «группа рабочего заговора», носившая название «Партия борьбы с мелкой собственностью и всякой властью». Группа эта просуществовала всего два месяца и в августе того же года была разгромлена¹. Деятельность махаевцев свелась к серии краж, пропагандой они практически не занимались. Во всяком случае, когда в мае 1905 г. в Екатеринослав прибыл член белостокской «Интернациональной группы Борьба» рабочий Фишель Штейнберг («Самуил»)², он обнаружил, что рабочие массы совершенно не знали об их (анархистов. — А.Д. и А.Д.) существовании. Тем не менее происходившие в это время революционные события подготовили рабочих к восприятию бескомпромиссной программы анархистов. В июне из Белостока приехали два пропагандиста, начавшие регулярно (два раза в неделю) проводить в заводском поселке Амур массовки, на которых присутствовало по 100—200 человек, в том числе рабочие из Екатеринослава, а также из других заводских поселков (Кайдаки, Чечеловка, Нижнеднепровск). Вскоре рабочие из Амурской организации ПСР объявили себя анархистами, к ним присоединились некоторые рабочие и ремесленники из города — бывшие с.-р. и, отчасти, с.-д. Так было положено начало «Группе екатеринославских рабочих анархистов-коммунистов», которая поначалу занималась исключительно пропагандистской деятельностью, причем в довольно тяжелых условиях: без денег, литературы, типографии.

Осенью 1905 г. администрация крупнейших амурских заводов, «Эзау» и машиностроительного, в ответ на стачку объявила локаут, было уволено около тысячи рабочих. Анархисты не остались в стороне: 4 октября в квартиру директора машиностроительного завода Германна была брошена бомба. Покушение оказалось во всех отношениях удачным — кроме убитого на месте Германна, в доме никого не было, террорист остался нераскрытым. На следующий день группа выпустила «Извещение», а еще через несколько дней — листовки «Ко всем рабочим» и «К рабочим машиностроительного завода», встреченные рабочими, по свидетельству «Екатеринославского анархиста», с большой симпатией. Директор завода «Эзау» Пинслин, на которого также

готовилось покушение, принял меры предосторожности, но все же через полгода был ранен также в результате взрыва бомбы.

В январе 1906 г. на конференции «безмотивников» в Кишиневе была создана «Русская террористическая летучая группа анархистов», состоявшая из наиболее видных террористов нескольких городов западных и южных губерний, наметивших осуществление ряда крупных покушений в России и за границей. «Летучая группа», остро нуждавшаяся в деньгах, отправилась в Екатеринослав для добывания средств.

В результате с конца января началась эпидемия экспроприаций, отнявшая все силы группы; массовки, соответственно, прекратились. Обычно практиковалась рассылка так называемых мандатов (требование денег, заверенное печатью «Группы анархистов-коммунистов»). Получив «мандат», жертва предпочитала выдать требуемые небольшие суммы, так как отказ мог обернуться крупным ущербом: например, в посудный магазин Вайсмана была брошена бомба (посетителям и служащим дали несколько секунд, чтобы выбежать перед взрывом), и убыток составил несколько тысяч рублей³. Бывали случаи, когда требуемой по «мандату» суммы сразу получить не удавалось: например, 27 февраля в контору одного из небольших амурских заводов явился экспроприатор, напомнивший о «мандате» на 500 рублей. В кассе оказалось только 256, и анархист потребовал, чтобы к его следующему приходу были приготовлены недостающие деньги и 25 рублей штрафа (!). Требование его было выполнено, а в полицию хозяин обратился только спустя несколько недель⁴.

Но нередко совершались и открытые нападения. Так, в 1907 г. двадцатилетняя Анна Дранова была осуждена к каторжным работам за принадлежность к анархистам-коммунистам и «разбойное нападение на казенную винную лавку и похищение из нее 377 руб. 3 коп.» 14 февраля 1906 г.⁵ Как правило, захваченные таким образом суммы были значительно меньше: 2 марта при ограблении аптеки Розенберга взято 40 рублей, 29 марта при налете на аптеку Левого — 32 рубля⁶. Для предотвращения экспроприаций на всех перекрестках города были выставлены солдатские патрули, но результатов эта мера не принесла.

Сейчас невозможно определить, сколько экспроприаций было совершено группой в этот период: не все акты становились известными полиции, а часть налетов, совершенных от имени анархистов, не имела к ним отношения. «Екатеринославский анархист» приводит несколько таких фактов, ставших известными группе, сообщая, что анархисты иногда заступались за ограбленных мелких ремесленников и лавочников. В одном случае дело дошло даже до перестрелки между анархистом, случайно оказавшимся свидетелем ограбления, и группой экспроприаторов (как выяснилось — безработными социал-демократами).

В начале февраля анархист Олик Чернецкий ранил мастера Каменского завода и бросил две бомбы в Каменский полицейский участок. С этого момента террористическая деятельность группы возобновилась. Следующее покушение было совершено спонтанно: 2 марта рабочий Вячеслав Виноградов увидел на улице прапорщика Каистрова, который избивал солдата, не отдавшего честь. Виноградов выстрелил в офицера, ранил его, но был арестован и 10 марта 1906 г. приговорен к пятнадцати годам каторги⁷.

Не имея денег, оружия, типографии, малочисленная группа оказалась в тяжелом положении. В апреле группа получила партию револьверов и не только возобновила экспроприации, но и организовала новые кружки в Нижне-Днепровске. В это время к группе примкнули видные впоследствии террористы — Павел Гольдман и Семен Трубицин, которые ранили в Нижне-Днепровске жандармского вахмистра Коваленко и шпиона Суслова.

18 апреля совершена очередная крупная экспроприация — захвачено 6500 рублей у сборщика монополий в окрестностях города. Часть захваченных денег (мелкие монеты) была тут же раздана местным крестьянам, на остальные в мае была организована типография.

Не прекратила группа и террористическую деятельность, что очень скоро отразилось на массовой работе. 27 апреля Олик Чернецкий в одиночку напал в Каменске на трех городовых, «прославившихся» пытками анархистов, убил одного и тяжело ранил двух других. Через день он едва не был арестован на конспиративной квартире во время случайного обзыва, но успел скрыться, тяжело ранив помощника пристава и командира казачьей сотни.

3 мая Гольдман, Трубицин и Зубарь узнали, что в полночь через Нижне-Днепровск пройдет «министерский поезд», и отправились к железной дороге с намерением взорвать его. (В действительности, судя по телеграмме ЕГЖУ в департамент полиции⁸, проехать должна была комиссия во главе с начальником дороги.) «Министр» опаздывал, и террористы решили бросить бомбы в вагон первого класса показавшегося курьерского поезда, так как «в нем ездят не рабочие, а одна буржуазия». Зубарь бросил бомбу, но поезд не остановился. Жертв среди пассажиров, к счастью, не было, путь также остался в исправности — урон от взрыва выразился лишь в повреждении одной из стен вагона. При взрыве Гольдман получил ранение в ногу и вынужден был лечь в больницу, где его и арестовали в конце мая. Эта акция в духе «безмотивного террора» вызвала большой резонанс в обществе (по свидетельству «Екатеринославского анархиста», проект взрыва вагона первого класса незадолго до этого обсуждался группой и был отвергнут почти всеми ее членами).

Следующее крупное боевое предприятие группа осуществила 11 мая. Зубарь и оставшийся неизвестным анархист установили две бомбы с часовым механизмом около казачьих казарм на Амуре. Первая бомба была

небольшой и становилась в расчете на то, что после ее взрыва казаки выбегут на улицу искать террористов. Однако казаки, услыхав взрыв, напротив, спрятались в казармах, и когда через пять минут взорвалась вторая, восьмикилограммовая бомба, пострадавших не оказалось, была лишь разнесена в щепки ограда казарм.

После этих взрывов власти, и без того встревоженные усилившейся активностью анархистов, приняли ответные меры и обрушили на заводской поселок Амур жестокие репрессии.

В то же время не прекращались и боевые акции: если январь — апрель 1906 г. были «эрой экспроприации», то май — август стали «эрой террора». За это лето были убиты: организатор охранного отделения на Амуре Мальченко, начальник стражников Морозов, три околоточных надзирателя и свыше десяти городовых и стражников; убито и ранено двенадцать предателей и доносчиков (впрочем, некоторые из них таковыми не являлись). Среди актов «экономического террора» выделяются убийства начальника тяги Федорова и мастера нижне-днепровских железнодорожных мастерских Пчельникова, жестоко преследовавших забастовщиков, а также покушения на упомянутого выше директора завода «Эзау» Пинслина и владельца пекарни кадета Козловского. Характерны обстоятельства покушения на Федорова (грозившего на собраниях рабочих, что «мясо стачечников будет валяться на улицах»): днем в центре Амура к нему подошел один из террористов, сказал, что его семья голодает, и попросил «хоть какой-нибудь работы». Федоров отказал и тут же был убит двумя стоявшими рядом анархистами. Подобная «театрализация» покушений отмечалась в середине 1906 г. в Екатеринославе и других городах губернии (Бахмут, Юзовка и др.). Почти все свои террористические акты группа сопровождала выпуском листков, в которых сообщала о произведенном покушении и грозила смертью «директорам заводов, мастерам, полицейским и шпионам».

За лето отмечено также десять случаев разоружения стражников и городовых в поселках Чечеловка и Амур.

Состояние властей к августу было близко к панике: губернатор Екатеринослава 5 августа сообщал директору департамента полиции: «Агентура среди анархо-террористов ничтожна, внешнее наблюдение в предместьях города и на Амуре отсутствует, можно рассчитывать на целый ряд покушений и убийств, предотвратить которые полиция не может»⁹. Рабочее население Екатеринослава относилось к анархистам с большим сочувствием; «Екатеринославский анархист» привел популярное среди рабочих летом 1906 г. высказывание: «Социал-демократы столько лет работают, все ничего сделать не могут; анархисты только что появились, а уже столько сделали», — имея в виду результаты экономического и антиполицейского

террора. Показательны обстоятельства экспроприации 17 августа в лесопильне Копылова: нападение на несших портфель с деньгами сторожей совершено днем, во дворе предприятия, полном работников, но никто из них не попытался помешать нападению, а прибывшим вскоре полицейским рабочие заявили, что лиц и одежды анархистов не разглядели¹⁰. «Екатеринославский анархист» сообщает даже, что в августе во время перестрелки с полицией при удачных выстрелах анархистов жители рабочей окраины аплодировали.

В результате чинь полиции массово стали покидать службу, а те, что остались в рабочих поселках, бездействовали. Так, когда в одном из домов на Амуре в конце июля случайно взорвалась хранившаяся там бомба, составление протокола и обыск произвели только 5 августа после прибытия из города полиции под охраной сорока казаков.

Утром 5 августа восемь членов группы во главе с Семеном Трубицким явились в земскую больницу, где на лечении находился арестованный за попытку взрыва «министерского поезда» Павел Гольдман, обезоружили охранявшего его городового и увезли Гольдмана¹¹. Через несколько часов дом, в котором его поместили, окружила полиция. По версии «Екатеринославского анархиста», Гольдман, отстреливаясь, убил двух стражников; губернатор же в телеграмме в департамент полиции утверждал, что один из стражников получил тяжелое ранение из-за неосторожного обращения с оружием¹². Оба источника сходятся в том, что Гольдман, видя безвыходность положения, застрелился. Анархисты заподозрили в его выдаче некую Козлову и 12 августа ее убили. Однако, судя по все той же телеграмме губернатора в департамент полиции, дом, в котором находился анархист, указал отвозивший его извозчик, оперативно обнаруженный в ходе следствия¹³.

В сентябре, узнанный полицией, был убит прямо на улице, без суда и следствия, основатель группы Фишель Штейнберг. В октябре анархисты убили двух городовых, а в начале ноября погибли еще три члена группы. Янек Гайнский, Яков Коноплев, Олик Чернецкий и Эдек Черепинский возвращались в город с револьверами, но без патронов. Неожиданно на пристани начался обыск; последним оставшимся патроном террористы ранили стражника, в возникшей суматохе Черепинский скрылся, но трое остальных были арестованы и 11 ноября расстреляны¹⁴.

В эти же дни были приговорены к смертной казни за экспроприацию 18 апреля пять рабочих, из которых, по утверждению «Екатеринославского анархиста», был только один анархист — Степан Таможников. Члены революционных партий были взволнованы приговором, по инициативе рабочих — членов ПСР для освобождения осужденных была составлена группа из двадцати эсеров, максималистов и анархистов. 13 ноября эта сборная дружина напала на конвой, сопровождавший осужденных к месту

казни. Пять конвоиров были убиты, из нападавших легко ранен один, арестанты бежали. (На следующий день Таможников был обнаружен полицией, и 10 февраля 1907 г. его повесили.)

Прологом к новой кампании террора, захлестнувшего город в 1907 г., стал взрыв 23 декабря полицейского участка в рабочем поселке Амур, в результате которого погибли три казачьих офицера и околоточный надзиратель. Взрыв организовал только что приехавший из Средней Азии Петр Аршинов («Марин»). Он же восстановил типографию, в которой в самом конце декабря было отпечатано 6000 экземпляров листовки «Павел Гольдман».

К январю 1907 г. «Группа екатеринославских рабочих анархистов-коммунистов» как единая организация фактически прекратила существование в результате описанных выше провалов.

Примечания

¹ Лидер группы махаевцев К.Эрделевский позже стал одним из лидеров одесских «безмотивников» и выступил организатором печально знаменитого взрыва в кофейне Либмана в декабре 1905 г.

² А не «Самдил» — эта ошибка кочует по работам отечественных историков.

³ Вестник Юга. 1906. 26 февраля.

⁴ Государственный архив Днепропетровской области (ГАДО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 473. Л. 87.

⁵ Там же. Ф. 113. Оп. 1. Д. 75/76. Л. 11.

⁶ Там же. Ф. 11. Оп. 1. Д. 473. Л. 91, 93.

⁷ См.: Очерк // Буревестник. 1907. № 6/7; Современная летопись // Былое. 1906. № 4. Виноградов (он же — Степан Клиенко) бежал с каторги в 1907 г. и длительное время находился на нелегальном положении в России. Весной 1911 г. с помощью Дмитрия Богрова он эмигрировал в США (См.: Показания Д.Богрова // Столыпин: Жизнь и смерть за царя. М., 1991).

⁸ ГАДО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 467. Ч.1. Л. 229.

⁹ Там же. Д. 532. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 54.

¹¹ Там же. Л. 16.

¹² Там же. Л. 31.

¹³ Там же.

¹⁴ Очерк // Вестник Юга. 1906. 13 февраля.

Н.Д.Постников
(Москва)

ТЕРРОР ПОЛЬСКИХ ПАРТИЙ ПРОТИВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ в 1905—1907 гг.

К концу XIX — началу XX в. бурное развитие экономики Королевства Польского вызывало все больший отток аграрного населения в город. Крестьяне приносили с собой свои обычаи, менталитет, видение мира, в том числе и ненависть ко всем угнетателям. Именно простой народ, столетиями угнетаемый господами, накопил тот огромный запас ненависти к угнетателям, которым со временем Великой французской революции пользовались революционеры. Озлобленный народ искал, на ком выместить свою злобу, поэтому террор возник как давление снизу, а в Польше наложился еще и на национальную ненависть к иностранцам, которые уничтожили государственность Польши.

Еще со времен 1-й польской рабочей партии «Пролетариат» польские революционеры рассматривали террор как возможное средство достижения цели. Поколения польских революционеров, прошедших через суровый опыт царских ссылок и тюрем, сформировали в революционном и национальном движении жажду мщения, но месть совершилась не для личного удовлетворения, а из чистой преданности идеи. Эта жажда мщения накладывалась на национальные чувства поляков, испытывавших стойкую ненависть к русским, питаемую страхом за свое будущее как нации. К ненависти и страху прибавлялось пренебрежение, ощущение превосходства — основанные на уверенности в культурной «низшести» русского народа по сравнению с культурной «высшостью» польского, своеобразная смесь шовинизма, мегаломании и русофобии. Такое отношение к русским было связано в большой степени с восприятием себя как части западнохристианской цивилизации, в то время как Россия представлялась полякам полуварварской страной с устойчивыми традициями деспотизма.

Действительно, политическая система царизма, озабоченного своей безопасностью, действовала во внутренней политике по методу запрета и сыска, не стремилась к реорганизации и модернизации в условиях политических реалий начала XX в. Политика, проводимая царизмом в Королевстве Польском, была выражением русского национализма. Русификация, как основа русской национальной политики в Королевстве Польском, способствовала возникновению защитной реакции — различных форм польского

национализма (от консервативного до радикального толка). Попытка российского правительства уничтожить национальную самобытность поляков основывалась не только на русификации общественной жизни, но и на дискриминационном законодательстве. Фактически в Польше XIX — начала XX в. как бы схлестнулись два национализма — русский и польский. Именно такие взаимоотношения между двумя нациями стали фоном для политического террора польских партий против представителей русской администрации. Накануне революции 1905—1907 гг. в Королевстве Польском складывалась ситуация, когда поляки как нация уже не могли мириться с существовавшим положением, а отсутствие даже попыток реформ со стороны российского правительства вело в конце концов к очередному национальному взрыву при малейшем толчке. При этом захватить лидерство в национальном движении стремились различные партии. К началу революции 1905—1907 гг. в Королевстве Польском действовали следующие национальные польские партии: ППС, НДП (в составе Национальной Лиги), СДКПиЛ, ППС-«Пролетариат», из них только НДП была буржуазной партией, а все остальные связывали будущее Польши с социализмом. Но если социалистические партии и НДП по-разному видели будущее социальное устройство Польши, то в одном они были единодушны — польская государственность должна быть восстановлена.

До начала революции 1905—1907 гг. только ППС-«Пролетариат» ввела в свою программу террор в качестве тактического средства борьбы с царизмом «как единственный способ для достижения государственного переворота». С началом революции и остальные польские политические партии начали создавать свои боевые организации. Структура боевых организаций в различных партиях была примерно одинаковой: руководству партии подчинялся боевой отдел, который руководил губернскими боевыми организациями, а они, в свою очередь, подразделялись на «десятки» или «пятерки». Деятельность боевых организаций была строго законспирирована. Боевиками становились рабочие, крестьяне, выходцы из среды мелкой буржуазии и интеллигенции. Но, вне зависимости от социального происхождения, боевики были самым активным элементом в партиях. В боевых группах была установлена строгая дисциплина, обучение велось по военному образцу. Боевиков обучали военному делу, правилам разведки, топографии и многому другому.

Для ППС и ППС-«Пролетариата» террор был средством для разжигания революции в Королевстве Польском. Руководством этих партий боевые дружины рассматривались как зародыш боевой армии, призванной развязать войну, которая «нанесет последний удар при помощи организованного массового движения пролетариата». СДКПиЛ до 1905 г. отрицала террор, но с началом революции приняла его как «тактическое» средство.

Социал-демократы создали Боевую организацию с целью защиты рабочего класса от произвола царских властей и боевиков НРС. В структуре НДП не было боевой организации, но в созданном ею Национальном рабочем союзе (НРС) существовал Боевой союз, одной из целей которого была борьба с русской администрацией. В уставе НРС значилось, что Боевой союз создан «для действительной борьбы с правительством посредством отправления правосудия над членами правительства за учиненные ими насилия». Принося присягу, вступавший в Боевой союз держал в правой руке распятие, а в левой — опущенный вниз револьвер. Текст присяги, в частности, гласил: «<...>несмотря на обстоятельства пролить кровь не только изменника, но всякого, кто бы ни был преградой на пути к счастью моего Отечества». Кроме Боевого союза НРС, НДП были созданы другие организации террористов, но они вскоре распались. Это Союз мести польской нации, образованный в 1905 г., и Союз Белого Орла, созданный во второй половине 1906 г.

Самый боеспособный и многочисленный Боевой отдел был у ППС. На его долю в 1905—1907 гг. пришлось 70,2% всех боевых акций, совершенных в Королевстве Польском. В то же время боевики НДП приняли участие в 214 боевых акциях (в десять раз меньше, чем проведено боевиками ППС). При мерно столько же боевых акций совершили другие боевые организации политических партий, действовавших на территории Королевства Польского. Теперь хотелось бы подробнее остановиться на деятельности Боевой организации ППС. На 7-м съезде ППС, проходившем в марте 1905 г. в Варшаве, было подтверждено, что террор является средством разжигания революции, и при няты документы, выдвигавшие на первое место террор против русской администрации. Цель этого террора — «парализация функционирования правовых государственных учреждений», тактика — возможно более массовый и широкий характер выступлений. Более определенно цель террора была сформулирована в статье «Террористическая борьба», помещенной в июньском номере газеты «Работник» (орган ППС) за 1905 год: «<...>для нас является вполне очевидным, что террор сам по себе не низложит правительства. Мы также не верим, чтобы даже целому ряду покушений удалось принудить правительство к значительным уступкам. Покушения наши имеют одну лишь цель: давать немедленный отпор гнусным насилиям со стороны царских живодеров, таким образом, чтобы они знали, что их действия не проходят даром. В этом духе мы будем продолжать вести непрерывную террористическую борьбу до минуты революции, когда мы учиним поголовную расправу над нашими врагами и тиранами». Другими словами, цель террора — создать атмосферу страха в среде русской администрации и, одновременно, иллюзию безнаказанности, героизма и жертвенности во имя народного дела — в среде революционеров.

Первоначально боевики ППС проводили террористические акты против представителей русской администрации выборочно — только против тех чинов жандармерии, полиции, армии и гражданских учреждений, которые рьяно проводили в жизнь царскую политику русификации Польши. Начиная с осени 1906 г., когда в условиях военного положения в Королевстве Польском усилились репрессии против революционеров и деятелей национально-освободительного движения, Боевая организация ППС в ответ стала проводить тотальные террористические акты с целью не только парализовать деятельность русской администрации, но и ослабить давление полиции на структуры ППС.

Боевые организации польских партий практиковали различные виды террористических актов. На теракт обычно отправлялись несколько боевиков, членов одной «пятерки». На улице они подходили к жертве, расстреливали в упор и скрывались с места происшествия. В телеграмме от 6 сентября 1906 г. в МВД из Варшавы описывается как раз такой тип террористического акта: «Сейчас Кашинской улице неизвестными убит шестью выстрелами голову полковник З Гвардейской Артиллерийской бригады Николаев».

Другой широко использовавшийся тип террористического акта — бросание бомб в государственные учреждения (в основном в полицейские участки, караульные помещения воинских частей и земских стражников). Бомбу бросал один из членов «пятерки», другие обеспечивали прикрытие. Такой теракт был совершен, например, в Жирардове, где бомбой, брошенной в караульное помещение, были ранены шестеро из одиннадцати находившихся там земских стражников. В завязавшейся перестрелке бросивший бомбу террорист был убит, трое из группы прикрытия также погибли, при этом по подоспевшим на помощь казакам был открыт огонь из некоторых близлежащих домов. В бою были убиты еще трое террористов. Из этого описания видно, что группа прикрытия прикрывала непосредственно самого бомбиста, а ее прикрывали другие боевики. Совершали террористические акты боевики и при большом скоплении народа. Изучив маршрут движения жертвы, в удобный момент они стреляли из толпы. Так, 4 сентября 1906 г. в Варшаве на Александровской площади из толпы собравшихся возле костела верующих боевики открыли огонь из револьверов в проезжающего мимо председателя военно-окружного суда генерала Дорошевича, который был легко ранен. Нападавшим удалось скрыться.

Террористические акты последнего типа напоминали скорее партизанскую войну: отряд боевиков устраивал засаду на маршруте движения войскового патруля и открывал огонь. Так было совершено нападение боевиков на патруль из шести человек в посаде Жихлин Варшавской губернии. В результате теракта один солдат погиб, двое получили ранения.

К концу 1906 г. начинает меняться социальный состав боевиков. Если раньше люди становились боевиками по политическим мотивам, то к этому

времени в боевые организации польских партий стало проникать все больше полууголовных элементов, использующих оружие в своих уголовных целях. Столкновения боевиков НРС с социалистами напоминали гражданскую войну, что вызвало недовольство в общественном мнении, а нападения боевиков на простых обывателей еще более усугубило негативное к ним отношение. Один из таких возмутительных случаев описан в заметке, напечатанной в газете «Новое время» от 19 октября 1906 г.: «Варшава... В пивную лавку Венсельбума на Фабричной улице явились трое молодых людей... и потребовали себе пива. Затем один из них выстрелил в 16-летнюю дочь хозяина, ранив ее в бедро».

Исследователям удалось установить численность боевиков в период революции 1905—1907 гг. Самой большой была Боевая организация ППС — в ней насчитывалось 7631 человек. В боевых организациях, подчиненных НДП, и прежде всего в НРС, состояло свыше 1000 боевиков. В СДКПиЛ их численность колебалась в пределах 1000—1500 человек. Гораздо малочисленнее была Боевая организация ППС-«Пролетариата».

Царские правоохранительные органы боролись против боевых организаций, пользуясь услугами своей агентуры. Документы департамента полиции изобилуют материалами об арестах боевиков. К арестованным после уголовного расследования и судебного разбирательства применялись суровые наказания — длительное тюремное заключение, каторга, смертная казнь. Таким образом в 1907 г. усилиями полиции практически были ликвидированы боевые организации СДКПиЛ и ППС-«Пролетариата».

Оставшиеся на свободе боевики НРС совершали террористические акты практически только против социалистов. Активно продолжала действовать лишь Боевая организация ППС, хотя и ее ряды понесли серьезные потери: из 7631 боевика, которые действовали в период революции 1905—1907 гг., полиция арестовала 5489 — то есть 62,6%.

Именно Боевая организация стала одной из главных причин раскола ППС. На 9-м съезде, проходившем в ноябре 1906 г., ППС разделилась на две части: ППС-левицу и ППС-революционную фракцию. Боевая организация партии со всеми структурами перешла к ППС-революционной фракции. Ее руководитель Юзеф Пилсудский рассматривал боевую организацию как основу будущей польской армии, с помощью которой можно будет поднять восстание в Королевстве Польском. Его военная концепция получила развитие в школе стрелков — военной организации, созданной с ведома официальной Вены в Галиции. К этому времени Юзеф Пилсудский окончательно отошел от социализма (а в какой-то степени и от национализма), ставя перед собой одну задачу — создание независимой Польши. Вот что он сказал по этому поводу своему старому товарищу по социалистическому движению: «Пусть другие играют, расточая комплименты, в

социализм, полонизм, или во что-нибудь еще, во что им нравится. Я же задыхаюсь в этой атмосфере общественного сортира. Я хочу силы, физической силы, чтобы использовать приемы, неприемлемые для гуманистов. Я поклялся воплотить это в жизнь или умереть».

Таким образом, самая многочисленная, мобильная и дееспособная боевая организация ППС стала основой военизированной организации, возглавил которую ренегат революционного лагеря, человек с репутацией радикала, превратившегося в шовиниста.

Теперь обратимся к статистике. Всего за время революции 1905—1907 гг. на территории Королевства Польского было совершено 3166 боевых акций (в 1905 г. — 1441, в 1906 г. — 1090, в 1907 г. — 635). Террористические акты и вооруженные нападения были совершены в 1108 населенных пунктах. Число убитых в результате террористических актов и умерших от ран воинских чинов, жандармов, полицейских за 1905 г. и за четыре первых месяца 1906 г. составило 127 человек, раненых — 207 человек. Боевиками партий действовавших на территории Королевства Польского было совершено 443 экспроприации и разбойных нападения на государственные и частные учреждения (захвачено — 600 143 рубля). Полиция изъяла 34 бомбы, 413 винтовок, 1244 пистолета, более 26 000 патронов.

В среде русской администрации воцарилась атмосфера страха. В заключение хотелось бы сказать, что террор этот нравственно калечил не только самих исполнителей террористических актов — боевиков, но опосредованно и польское общество, снимая моральные ограничения и смешав нравственные оценки в самом польском обществе. Убийство террористами человека (представителя русской администрации) в большинстве своем одобрительно встречалось в польском обществе, так как в убийстве чиновника, офицера, полицейского поляки подсознательно видели уничтожение врага, что придавало им некоторую уверенность в противостоянии государственной машине подавления. Этот мотив в свое время отмечал Энгельс в письме к Марксу: «Террор — это главным образом ненужные жестокости, совершаемые испуганными людьми ради собственного успокоения».

Список основной литературы и источников

Погодин А.Л. Главные течения польской политической мысли, 1863—1907 гг. СПб., 6-г.

Общественное движение на польских землях: Основные идеинные течения и политические партии в 1864—1914 гг. /Отв.ред. А.М.Орехов. М., 1988.

Pajak J. Organizacje bojowe partii politycznych w Królestwie Polskim, 1904—1911. Warszawa, 1985.

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 254. Д. 7; Ф. 102. 1910. Д. 49.

С.А.Степанов
(Москва)

ЧЕРНОСОТЕННЫЙ ТЕРРОР 1905—1907 гг.

Черносотенный террор начала XX в. представляет собой весьма своеобразную страницу отечественной истории. Это своеобразие заключается в декларированных целях террористических актов. Если революционеры-террористы надеялись направленными ударами расшатать и свергнуть самодержавие, то черносотенцы с помощью террора пытались его защитить. И в том и в другом случае методы террора были почти идентичны. Мало чем отличалось и идеальное обоснование террора, что позволяет говорить о порочной логике террористов — вне зависимости от их политических взглядов.

Любой революционер-террорист, независимо от национальности, страны пребывания и даже эпохи, ответил бы, что террор порожден несправедливым общественным устройством и что, стреляя из браунинга или подкладывая адскую машину, он и его единомышленники всего лишь осуществляют свое законное право отвечать насилием на насилие со стороны антинародного феодального (капиталистического, империалистического) режима. В свою очередь, революционный террор вызывает ответную реакцию охранителей, причем выражается это не только в ужесточении законодательства и усилении репрессивных мер, но и в стремлении отплатить злодеям-террористам той же монетой.

В России первый опыт охранительного террора относится к периоду народовольческого подполья. Чтобы получить представление о психологической подоплеке этого явления достаточно обратиться к широко известным воспоминаниям С.Ю.Витте. Молодой и преуспевающий железнодорожный деятель, чьи взгляды никак нельзя было назвать ретроградными, 1 марта 1881 г. узнает в театре об убийстве Государя. В гневе и ярости он мчится домой и пишет письмо, в котором «чувство преобладало над разумом» и которое попало на стол новому императору. Витте предложил бороться с «анархистами» их же оружием — «Следовательно, нужно составить такое сообщество из людей безусловно порядочных, которые всякий раз, когда со стороны анархистов делается какое-нибудь покушение или подготовка к покушению на государя, отвечали бы в отношении анархистов тем же самым, т.е. так же предательски и изменнически их убивали бы». «Я писал, — вспоминал Витте, — что это есть единственное средство

борьбы с ними, и думал, что это отвадило бы многих от постоянной охоты на наших государей»¹.

Как известно, деятельность созданной вскоре «Священной дружины» не имела серьезного значения. Однако недолгая история этой организации свидетельствует о том, что охранительный террор возникает тогда, когда официальная власть демонстрирует неспособность справиться с антправительственным движением при помощи имеющихся в ее распоряжении средств и методов. В кризисный для самодержавия период появились добровольные помощники из «Священной дружины». И точно так же четверть века спустя на помощь самодержавию пришли черносотенные союзы.

Осенью 1905 г., когда в России уже бушевала внутренняя смута, на арену политической борьбы с заметным отставанием от демократических и радикальных партий вышли черносотенцы. С одной стороны, возникновение черной сотни явилось типичной реакцией консервативной части общества на революционные события и было предпринято если не по инициативе, то с одобрения и при поддержке правящих кругов. Черносотенцы были сторонниками неограниченной самодержавной монархии, сословного строя, единой и неделимой России. С другой стороны, в программах и практической деятельности этих крайне правых организаций проявились тенденции, характерные, скорее, для последующей эпохи. Черносотенцы старались воздействовать на массовое сознание, широко использовали социальную демагогию, делали ставку на воинствующий национализм и антисемитизм. Все это позволило некоторым исследователям поставить вопрос о близости черносотенства и фашистской идеологии и даже (впрочем, без достаточных оснований) называть черносотенцев предшественниками итальянских фашистов и немецких национал-социалистов.

Черная сотня представляла собой конгломерат слабо связанных между собой союзов, обществ и братств. Крупнейшей из черносотенных партий был «Союз русского народа», учрежденный в ноябре 1905 г. в Петербурге. Примечательно, что «Союз», имевший все признаки политической партии (программу, устав, руководящие органы, сеть местных организаций и т.п.), категорически отрицал свой партийный характер, выдавая себя за общенородное объединение, и в широком смысле слова отождествлял себя со всей русской нацией. При такой трактовке принадлежность к «Союзу» являлась не добровольным выбором, а священной обязанностью каждого верноподданного, членство же в любой другой политической организации приравнивалось к государственной измене.

«Союз русского народа» делал ставку на национальный вопрос. Поскольку ни одна из общероссийских политических партий либерально-демократического направления не связывала себя исключительно с русским населением, черносотенцы быстро заполнили пустовавшую нишу, объявив

о своей монополии на патриотизм, призвали защищать русский народ от «инородческой опасности». Черносотенные союзы, как заявляли сами крайне правые, были ориентированы прежде всего на «простой, черный, рабочий люд». Им удалось привлечь под свои знамена больше членов, чем всем политическим партиям России вместе взятым. Комплексный анализ источников позволяет установить, что в момент наивысшего расцвета черносотенства, приходящегося на 1907—1908 гг., в рядах монархических организаций состояло более 400 000 членов. Оборотной стороной массового членства была рыхлость и аморфность черносотенных организаций. Большинство членов монархических союзов числились в них только номинально.

В программных документах черносотенных союзов говорилось, что монархисты будут добиваться своих целей исключительно законными способами на основе христианской любви к ближнему и милосердия. На деле черносотенцы были весьма далеки от терпимости и всепрощения. Среди крайне правых культивировался дух возмездия, и на первых полосах их газет постоянно печатались списки людей, павших жертвами «безбожного грабительски-освободительного движения». По словам очевидцев, руководители «Союза русского народа» только и толковали, что об убийствах.

Черная сотня заслужила печальную репутацию погромами 1905 г. Справедливости ради следует отметить, что вспышки массового насилия произошли еще до образования «Союза русского народа», хотя многие будущие его члены принимали в погромах активное участие. В последующий период орудием черносотенного террора стали боевые дружины «Союза русского народа» и других крайне правых организаций. Несмотря на то, что уставные документы «патриотических» союзов не предусматривали создания вооруженных группировок, боевые дружины черносотенцев практически легально действовали в Архангельске, Астрахани, Вологде, Гомеле, Екатеринославе, Киеве, Кишиневе, Москве, Одессе, Петербурге, Тифлисе, Ярославле. При некоторых отделах, по словам самих черносотенцев, дружин не было, а было по несколько десятков «патриотов», вооруженных палками и финскими ножами, — что фактически означало то же самое.

Несомненно, крайне правые пытались учиться у своих врагов и копировать подпольные террористические организации революционеров. Однако это был карикатурный опыт подражания, так как черносотенные союзы ни по своей организованности и дисциплине, ни по составу участников не походили на антиправительственные партии. Не существовало каких-либо общих принципов создания боевых дружин, и каждый из отделов «Союза русского народа» действовал по своему усмотрению. В Одессе пытались следовать казачьим обычаям. Боевая дружина, которую иногда называли «Белой гвардией», подразделялась на шесть «сотен», каждая из которых, в свою очередь, имела самостоятельное название (например «Злобная

сотня» и т.п.). Дружинниками руководили «наказной атаман», «есаулы», «десяtnики». Все они взяли себе патриотические псевдонимы: Ермак, Минин, Платов и т.п.

Вопреки распространенному мнению социальный состав крайне правых союзов был чрезвычайно разнообразен и наряду с крестьянами, ремесленниками, заводскими рабочими в монархических союзах были представлены интеллигенция и учащаяся молодежь. Деклассированные элементы составляли незначительную часть членов крайне правых союзов. Однако эта картина резко меняется при взгляде на состав боевых черносотенных дружин. Если в Петербурге районные боевые дружины — Невская, Путинская — отчасти пополнялись рабочими местных предприятий, то дружины при Главном совете состояла из обитателей городского дна. Уголовные элементы задавали тон и в одесской «Белой гвардии». И хотя численность дружинников была несопоставима с численностью членов монархических союзов, в общественном мнении образ черносотенца ассоциировался именно с ними.

В соответствии с контингентом складывались и порядки внутри боевых дружин. Прием в дружины обставлялся в духе дешевой оперетки: боевики кровью подписывали обязательства верой и правдой служить самодержавию. Однако за всю историю черносотенного террора не было отмечено примеров самопожертвования и бескорыстия: дружинники служили за плату и нередко угрозами добивались ее повышения. Слабая дисциплина и плохая конспирация довершили картину.

На вооружении дружинников находилось в основном легкое стрелковое и холодное оружие. Черносотенцы хранили и взрывчатые вещества, но их попытки использовать бомбы заканчивались неизменной неудачей. Транспортировка оружия осуществлялась из Финляндии, но основным источником вооружения были армейские и полицейские арсеналы. Имеются документы, свидетельствующие о передаче с разрешения властей устаревшего оружия черносотенным дружинам «для самообороны». Легкостью, с которой «союзники» приобретали оружие, иной раз пользовались их противники. Так, эсеры в Одессе записывались в члены «Союза русского народа» и получали «при содействии настоящих союзников оружие по удешевленной цене, которое и распространяли среди своих единомышленников»².

Факт доступа черносотенцев к государственным арсеналам приоткрывает завесу над специфическими отношениями черносотенных боевых дружин и политической полиции. Власти считали вооруженные группы «патриотов» своей опорой и в отдельных случаях использовали их для поддержания порядка на улицах и на бастовавших предприятиях. Особенно наглядно проявилась эта близость в Одессе. С одобрения военных властей и «Русского общества пароходства и торговли» одесский отдел «Союза русского

народа» взял на себя разгрузку судов. «В порту, — свидетельствовали наблюдатели, — черносотенцев около 200 человек обученной, вооруженной револьверами боевой дружины. Невозможны никакие забастовки, никакой протест. Боевики охраняют штрайкбрехеров».

Еще чаще прибегали к помощи черносотенцев охранные отделения и жандармские управление. Контакты крайне правых с представителями политического розыска были общеизвестными. Среди черносотенцев были секретные сотрудники охранных отделений, в свою очередь, крайне правые имели добровольных осведомителей в полицейских органах. Так, петербургское «Общество активной борьбы с революцией» располагало собственной агентурной сетью, и в августе 1906 г. его руководители предупреждали охрану П.А.Столыпина о готовящемся в скором времени покушении на премьер-министра.

Вместе с тем было бы упрощением считать боевые дружины крайне правых филиалами политического сыска. Черносотенцы преследовали собственные цели, что зачастую приводило к противоречиям с полицией. Так, в апреле 1906 г. с Кавказа в департамент полиции докладывали, что черносотенцы в Тифлисе «сами начали производить различные следственные действия, обыскивая и задерживая по своему усмотрению, вне всякого контроля полицейских и жандармских чинов»³. Обуздать произвол черносотенцев пытались и одесские гражданские власти.

Черносотенные дружины несли серьезные потери в ожесточенных столкновениях с боевыми группами эсеров и социал-демократов. В январе 1906 г. Петербургский комитет РСДРП поручил боевому центру Невского района ликвидировать черносотенную дружину, базировавшуюся в трактире «Тверь». В результате взрыва, осуществленного большевиками, погибли два человека, одиннадцать были ранены. Весной 1906 г. продолжались стычки на петербургских предприятиях, в результате которых черносотенцы были вытеснены с большинства заводов, кроме Путиловского. В следующем, 1907 г. в стычках с революционерами погибли 24 монархиста.

Парадоксально, что несмотря на всю ожесточенность борьбы с эсеровскими и большевистскими боевиками, черносотенцы избрали объектами индивидуального террора представителей совсем других политических течений. Член Главного совета «Союза русского народа» П.Ф.Булацель однажды заявил на заседании совета, что революционные выступления будут продолжаться до тех пор, «пока правые не будут отвечать на убийства убийствами, как, например, Грузенберга, Винавера, Милюкова, Столыпина и Щегловитова, находя, что Столыпин и Щегловитов главные виновники и потворщики»⁴. И хотя Булацель выражал крайне экстремистские взгляды, черносотенцы действительно числили в списках потенциальных жертв руководителей кадетской партии.

Известно, что нападению черносотенцев подвергся лидер кадетов П.Н.Милюков. Но наиболее нашумевшими террористическими актами черносотенцев были убийства двух членов ЦК кадетской партии — М.Я.Герценштейна и Г.Б.Иоллоса. Обе жертвы олицетворяли для черносотенцев ненавистного врага: они были либералами, бывшими депутатами мятежной Государственной думы и евреями. Профессор Герценштейн вызвал особенный гнев крайне правых своими выступлениями по аграрному вопросу. 18 июля 1906 г. он был убит в курортном местечке Териоки. Убийство совершила боевая дружина при Главном совете «Союза русского народа».

Не меньший резонанс вызвало покушение на экс-премьера Витте. Любопытно, что Витте, в свое время ратовавший за террористические методы борьбы с революционерами, сам стал объектом охоты со стороны крайне правых террористов. По своеобразной логике черносотенцев, именно Витте был одним из тайных вождей российской революции. При покушении на экс-премьера черносотенцы полностью изменили тактику. Было решено осуществить террористический акт чужими руками. Организацией покушения занимался черносотенец А.Е.Казанцев, которому удалось ввести в заблуждение двух молодых людей — В.Д.Федорова и А.С.Степанова, считавших, что они выполняют задание эсеров-максималистов. 29 января 1907 г. они подложили мощные бомбы в дом Витте, однако взрыва не произошло.

14 марта 1907 г. Федоров по распоряжению Казанцева убил Иоллоса, так же считая, что действует по приказу революционеров. Однако в мае 1907 г. во время подготовки второго покушения на Витте Федоров, заподозривший обман, убил Казанцева. Более того, разоблачения Федорова стали известными всей России.

За несколько месяцев до этого, благодаря самостоятельному расследованию, проведенному юристами кадетской ориентации, стали известны обстоятельства убийства Герценштейна. Кивинеппский уездный суд начал рассмотрение дела об убийстве Герценштейна, а Витте потребовал от властей провести расследование в отношении председателя Главного совета «Союза русского народа» А.И.Дубровина. Власти сделали все возможное, чтобы остановить скандальные разоблачения. Министерство юстиции отказалось выдать финляндским судебным органам членов Главного совета «Союза русского народа», а двое осужденных судом — А.Половнев и Н.М.Юскевич-Красовский — в декабре 1909 г. были помилованы царем. Не смог дать ход своему делу и Витте. Вопрос о причастности руководства «Союза русского народа» к покушению на Витте остался открытым. Гораздо более явственно прослеживается причастность к этому покушению секретных агентов политической полиции, однако Министерство внутренних дел и лично Столыпин участие сотрудников тайной полиции категорически отрицали.

Двойное разоблачение террористической деятельности крайне правых сорвало их планы, направленные на ликвидацию лидеров либеральных партий. И хотя руководство «Союза русского народа» с помощью властей сумело избежать судебного преследования, скандальные разоблаченияоказались на репутации крайне правых самым негативным образом. Террористические акты оказались для черносотенцев весьма неэффективным методом борьбы.

Примечания

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. Таллинн, 1994. С.133.

² ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1908. Д. 9. Ч. 72. Л. 35.

³ Там же. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 1255. Ч. 27. Л. 8.

⁴ Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 599. Л. 6.

Ф.М.Лурье
(Санкт-Петербург)

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР: ЧТО ЭТО?*

Истоки индивидуального политического террора, потрясшего Россию в конце XIX—начале XX в., скрываются в глубинах нашей истории. Первоначально его использовали соперники, претендовавшие на власть. С зарождением освободительного движения террор превратился в одно из главнейших средств борьбы с самодержавием (и тоже за власть).

Создавая полицейско-бюрократическое государство, Петр I, сам того не желая, одновременно открыл доступ в Россию свободолюбивой европейской культуре. Уже во второй половине XVIII в. просвещенным русским дворянам пришлось начать борьбу за элементарные права, которые в европейских государствах давно стали обыденными. Западные монархии заменились республиками или ограничивались конституциями, а российский трон проявлял все возрастающую агрессивность в отношении лиц, стремившихся к политическим и экономическим преобразованиям.

Стеснение свобод, данных человеку природой, приводит к попыткам обойти закон, порождает недовольство властями. Но любое проявление недовольства каралось наравне с призывами к насильственному изменению «установленного Законами Основными образа правления». Можно ли наказывать за различие во взглядах, за неодинаковый ход мыслей? Одни воспринимают действия других как пагубные, другие те же действия считают благом. В политическом процессе подсудимый и его обвинитель могут со временем поменяться местами. Время столь мощно влияет на наши представления, что вчерашние реакционеры сегодня видятся нам полезнее левых радикалов. Правоту в политическом споре определяет история, лишь она расставляет все по своим местам. Чем дальше мы уходим от свершившегося события, тем точнее можем его оценить. Разумеется, вышесказанное не относится к пропаганде национальной розни, насилиственного свер-

* Публицистически заостренная статья Ф.М.Лурье (переработанное автором выступление на «круглом столе», организованном в рамках конференции) в целом несколько выпадает из общего фактологического направления работ, представленных в сборнике. Хотя взгляд автора на проблему террора (и революционное движение в целом) кажется нам во многом упрощенным, однако именно такой взгляд широко распространен в наши дни, и по этой причине мы сочли важным опубликовать работу Лурье.

жения законного правительства и вообще к любым проявлениям насилия, не санкционированным судебными властями.

Недовольство существующим государственным устройством побуждает к теоретическим разработкам иных политических и экономических систем, а запрет их пропаганды — к конспирации, губительной своей закрытостью. Знакомство слабо образованных молодых людей с социалистическими учениями при отсутствии открытой научной критики уводит их в миры несбыточных грез, увлекает утопиями, кажущимися им вполне реальными. В середине XIX в. и позже многие полагали, что эти учения, воплощенные в жизнь, пренепременно избавят человечество от рабства и нищеты. Радикально настроенная часть русского общества не сомневалась в том, что народы, населяющие Россию, с нетерпением ожидают сигнала, по которому тут же поднимутся против царя и помещиков, чиновников и фабрикантов. Анализ программных документов «Земли и воли», «Народной воли», других революционных сообществ приводит к мысли о полном непонимании проповедуемых ими идей и фанатической вере в реальность их осуществления. Они не пожелали даже предположить, что народ вовсе не собирается восставать ради непонятных ему призывов. Убедившись на собственном опыте в консерватизме крестьян и провале «подготовления революции в России на коренных социалистических началах», народники обратились к индивидуальному политическому террору. Они увидели в нем «осуществление революции в настоящем» (Н.А.Морозов). Террор есть компенсация, попытка реванша за провал «хождения в народ», за неудачи с кружками самообразования, воскресными школами, мелкими конспиративными обществами.

В.И.Засулич 24 января 1878 г. стреляла в столичного градоначальника Ф.Ф.Трепова, допустившего в своих действиях вопиющий произвол. Под напором общественного мнения суд присяжных оправдал террористку, а собравшаяся на улице толпа помогла ей скрыться от полиции. Полгода спустя С.М.Кравчинский среди бела дня заколол кинжалом шефа жандармов Н.В.Мезенцова и благополучно бежал за пределы империи. Быть может, и Трепов, и Мезенцов заслуживали жесточайшего наказания, но подобные вопросы решаются в процессе судебного разбирательства. Кто дал право Л.Ф.Мирскому стрелять в главноуправляющего III Отделением А.Р.Дрентельна? Троє молодых людей — Н.А.Морозов, А.Д.Михайлов и Л.Ф.Мирский — после минутного обсуждения решили распорядиться жизнью боевого генерала. Позже Мирский предал товарища по заключению только для того, чтобы облегчить себе условия пребывания в тюрьме.

«Расцвет» политического террора пришелся на конец царствования Александра II. По инициативе монарха в 1860-е гг. начались прогрессивные преобразования, что породило недовольство и консерваторов, противив-

шихся любым социальным и политическим переменам, и революционеров*, не желавших державе благополучия из рук императора, и либералов, разочарованных темпами реформ, принимавших осмотрительность властей за нерешительность. Реформы не только привели к существеннейшим положительным переменам, но и взрастили невиданное ранее число жаждавших скорейших революционных перемен.

Доверчивая молодежь 1860-х гг., рвавшаяся самоотверженно служить своему народу, не имея опыта и знаний, ловила каждое слово М.А.Бакунина и других революционеров старшего поколения. Возбужденные их пропагандой, разъяренные медлительностью, свойственной Александру II, они метались в поисках объектов приложения своих сил. Им предлагали бросать учебу и идти в народ, — они покидали университеты и селились в деревнях, их призывали убивать, — они научились изготавливать и бросать бомбы.

Была ли в этом вина властей? Бессспорно. Вместо того чтобы разрешить студентам устраивать кассы взаимопомощи, библиотеки, кухмистерские и клубы, где без опасений репрессий можно было бы обсуждать любые политические и экономические проблемы, правительство запретило все, что могло способствовать развитию в молодых людях истинного патриотизма, умения самостоятельно мыслить и анализировать. То, что давно вошло в традицию европейских университетов, российские власти старательно искореняли, не ведая, что тем самым подталкивают студенчество в объятия революционеров и выбивают почву из-под своих же ног. Если бы не чрезмерные правительственные запреты, запреты любой оппозиции, революционеров было бы меньше, да и повадки были бы иными. У несогласных с властями отсутствовал выбор, им оставили всего один путь, путь в конспирацию, а она чаще всего формировалась революционное сообщество. Революционеры (как, впрочем, и оппозиционеры) противятся реформам, исходящим не от них, особенно когда преобразования могут дать положительный результат. Одно из основных качеств революционера — стремление к тому, чтобы в его родном отечестве жилось как можно хуже (чем хуже — тем лучше). Тогда есть шансы на успех революции. Поэтому народовольцы с такой яростью нападали на царя-реформатора Александра II, травили его, как зверя. Общественное мнение превратило В.И.Засулич и С.М.Кравчинского в героев, у них отыскалось множество усердных последователей.

* Здесь и далее речь идет не о рядовых революционерах, а о их вождях. Мораль лидера революционной партии отличается от морали ее рядового члена, искренне убежденного в святости цели, за которую он готов пожертвовать собой. Очень часто циничные вожди умышленно вводили в заблуждение доверчивых соратников и, будучи уверены, что во имя «высших» целей вправе так поступать, не колеблясь рисковали чужими жизнями. Многие из них густо наследили в истории чужой человеческой кровью.

Имена многих народников, и среди них первых террористов, освящены чистотой помыслов и бескорыстием. Это люди-легенды. Они видятся нам с одухотворенными лицами, они притягивают нас и очаровывают, что мешает объективно оценить их поступки. Мудрый яснополянский старец сказал бывшим шлиссельбуржцам, посетившим его после освобождения, что восхищен их верой и мученичеством, но не дай Бог, если они когда-нибудь придут к власти — наступят времена куда худшие, чем царствование Николая II.

Многим поколениям народники служили эталоном фанатической преданности великой утопической идеи, однако и они внесли свой вклад в зарождение большевизма, торжество вседозволенности в российском революционном движении.

После взрыва 1 марта 1881 г. на Екатерининском канале наступило длительное затишье: Александр III проявил власть, а Г.П.Судейкин и С.П.Дегаев — споровку. Новый всплеск политического террора пришелся на самое начало XX в. Он характеризуется постепенным ростом числа убийств и экспроприаций, а также «мельчанием» жертв — от монарха и министров до околоточных надзирателей и рядовых жандармов, порою случайно подвернувшихся. Политический террор превратился в нечто схожее с бытовым бандитизмом, и многие эти понятия отождествляли. Сложилась обстановка, способствовавшая укреплению революционных сообществ и расшатыванию государственных устоев. На терроре воспитывались поколения, к нему привыкли, проявили терпимость, позволили пустить глубокие корни, превратили в повседневность. Террор вытеснил основную заповедь христианской религии — «Не убий». Не всегда бомбы бросали атеисты. В XX в. рука об руку с террором шли предательство и политическая провокация. Они затмевали все благородное, что было свойственно рядовым эсерам, о которых хочется сказать почти те же слова, что и о народниках.

С позиций сегодняшнего дня, когда хорошо известны результаты деятельности всех российских революционных партий, мы обязаны причислить индивидуальный политический террор к уголовно наказуемым действиям. Какие бы соблазнительно-привлекательные цели ни преследовали террористы, любой террор есть самосуд и не может быть оправдан благими намерениями. Совершивший уголовное преступление должен понести наказание только от рук правосудия, даже если оно несовершенно. Самосуд ничем оправдан быть не может.

Террор — один из элементов вседозволенности, в то время как в борьбе за светлые цели следует использовать только соответствующие им средства. Цель не оправдывает средства, цель определяет средства. Негодные средства деформируют цель, делают ее неузнаваемой. Уж в этом-то нам дали убедиться. По средствам можно судить о цели. Если применяются

такие средства, как индивидуальный политический террор, под предлогом, что другими средствами поставленная цель достигнута быть не может, нужна ли такая цель? Уголовники не в состоянии создать справедливое государственное устройство, даже если вдруг искренне этого захотят. И национально-освободительные движения должны обходиться без террора.

Войны, кровная месть, стремление освободить заложников не оправдывают применение политического террора, будь то убийство М.С.Урицкого, С.В.Петлюры и им подобных. Закон должен обеспечивать неотвратимость наказания, все противозаконное следует квалифицировать как преступление. Во время второй мировой войны над английскими деревнями пролетал немецкий самолет, и летчик хладнокровно расстреливал из пулемета мирное население. Удачным выстрелом из ружья его сбил меткий крестьянин. Высота была невелика, скорость небольшая, летчик остался жив. Сбежавшиеся выволокли его из кабины и избили. Учинивших самосуд судили, оправдательный приговор им вынесен не был. Такова правовая оценка свершившегося.

Могут ли встретиться случаи индивидуального политического террора, когда его применение допустимо? Нет. Мы не в силах предугадать и гарантировать ход событий. Например, убийство Павла I, — благо ли оно для России? Как развивались бы взаимоотношения европейских государств с Россией под скипетром Павла, какой была бы Отечественная война 1812 г.? Соблазнительно рассмотреть случай, когда политический террор допустим, но такого случая нет. Полковник Штауфенберг и другие участники заговора предполагали, что после убийства Гитлера 20 июня 1944 г. союзники быстро договорятся с Германией о подписании мирного соглашения. Кончится бойня, Фатерланд возродится, проигравших, кроме кучки фашистов, не будет. С позиций обывателя желание Штауфенберга уничтожить ненавистное чудовище вполне понятно и вызывает сочувствие. Но предположим другое развитие событий: со смертью Гитлера Германия ввергается в хаос, союзники наперегонки оккупируют страну и состязаются в мародерстве. Для немцев, подчеркиваю, для немцев подобный ход событий был бы существенно трагичнее свершившегося. Да и только ли для немцев? А если предположить возможность столкновения союзников? Договоренность между ними о взаимодействии предусматривала другой сценарий, но политикам свойственно пренебрегать прежними договоренностями.

Нетрудно сочинить несколько правдоподобных вариантов возможного развития несвершившегося, но это область фантастов и людей искусства. От нас же требуется другое — не забывать, что нигде, никто и никогда не вправе провозглашать, по какому варианту будут развиваться реальные события.

Итак, индивидуальный политический террор второй половины XIX—начала XX в.* возник в результате преступно-ошибочных воздействий российских властей на радикально настроенных молодых людей. С позиций сегодняшнего дня он должен рассматриваться как уголовно наказуемое преступление, его применение никакими целями оправдано быть не может. В начале XX в. Россию охватила эпидемия политического террора. Вплоть до февральской революции она с разной интенсивностью распространялась по территории империи. Число погибших с обеих сторон приблизилось к двадцати тысячам. Если бы не было такого разгула индивидуального политического террора, если бы он не превратился в нечто привычное, возможно, не произошло бы того, что случилось после октября 1917 г.

А.И.Колпакиди
(Санкт-Петербург)

ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ К ТЕРРОРУ

(Из истории участия латышей в антибольшевистском движении)

Участие латышей в революции и гражданской войне широко освещено в литературе. Однако пишут, как правило, о красных латышских стрелках, чекистах, комиссарах и почти никогда — о латышах-контрреволюционерах, яростных противниках нового режима, прибегавших к самым крайним методам борьбы с ним. О группе латышских офицеров, которая на протяжении полугода составляла ядро наиболее крупной и опасной организации антибольшевистского подполья, и о стремительной эволюции от легальных методов борьбы к террору, которую она проделала, я и хочу рассказать.

Группа начала складываться летом 1917 г. среди офицеров латышских стрелковых полков, входивших в состав 12-й армии Северного фронта. К этому времени стало ясно, что большевистские агитаторы нашли в лице латышских стрелков благодатную почву. Уже на 2-м съезде депутатов латышских стрелковых полков в Риге (май 1917 г.) они получили свыше половины мест в его исполнкоме (ИСКОЛАСТРЕЛе). С целью противодействия этой тенденции группа латышских офицеров во главе с командирами 1-й Латышской стрелковой бригады и 1-го Латышского стрелкового полка полковниками К.И.Гоппером и Ф.А.Бредисом решила воспользоваться развернувшимся с мая 1917 г. по инициативе подполковников В.К.Манакина и М.А.Муравьева движением по созданию так называемых ударных частей («батальонов смерти»). В июне 1917 г. Гоппер и Бредис выступили с предложением создать подобные формирования по всему Северному фронту. Проект, разработанный Бредисом, предусматривал образование боеспособного ядра из «ударников» в количестве 570 офицеров и 1500 солдат.

С 25 июня началось формирование ударных частей в латышских полках. Однако большевики вовремя разгадали таившуюся в «ударниках» потенциальную опасность и развернули бешеную кампанию против них, не останавливаясь и перед физической расправой (5—6 июля и 12 августа в Риге). В результате на всем Северном фронте было создано лишь семь «ударных батальонов», состоявших преимущественно из русских солдат-сибиряков.

Потерпев неудачу с «ударниками», К.И.Гоппер и Ф.А.Бредис в июле 1917 г. выступили с инициативой создания латышской военной земляческой

* Террор, осуществлявшийся различными революционными сообществами, был различен и по природе, и по поставленным перед террористами задачам. Но эти вопросы здесь не рассматриваются.

организации — «Национального союза латышских воинов». Хотя и эта затея не имела большого успеха, филиалы союза — «латышские клубы» — позднее использовались группой Гоппера. Параллельно союз активно участвовал во всех избирательных кампаниях того времени, каждый раз терпя поражение от своих левых оппонентов. Очевидно, именно в это время группа присоединилась к «Республиканскому центру», получившему известность как одна из главных политических опор корниловщины. «Республиканский центр» возник в Петрограде в мае 1917 г. на базе «Общества Бессарабской железной дороги», возглавляя его директор правления «Общества» инженер-путеец К.В.Николаевский. При «Республиканском центре» быстро сформировался законспирированный военный отдел, который связал между собой целый ряд военных «союзов» и «лиг», в том числе и «Комитет ударных батальонов»¹.

Помимо генерала Л.Г.Корнилова с «Республиканским центром» были тесно связаны и такие решительные люди, как вице-адмирал А.В.Колчак, атаман А.И.Дутов, полковник П.Р.Бермонт-Авалов и уже упоминавшийся «ударник» полковник М.А.Муравьев. Программа центра предусматривала объединение всех «здоровых» сил общества вокруг «твердой власти», способной разгромить «анархию» (т.е. большевиков) и довести войну до победного конца.

О связи группы Гоппера—Бредиса с «Республиканским центром» свидетельствует ряд фактов. Во-первых, Б.В.Савинков в своих воспоминаниях «Борьба с большевиками» постоянно именует их «республиканцами». Во-вторых, в самом «центре» активную роль играли «ударники». В-третьих, группа Гоппера—Бредиса была замешана в выступлении генерала Корнилова.

После провала корниловщины Гоппер и Бредис на некоторое время отошли в тень. Однако уже в октябре-ноябре они приняли активное участие в попытке предотвратить октябрьский переворот в Петрограде. 27 октября в городе Валке (здесь находился штаб 12-й армии и ИСКОСОЛ — армейский комитет, в котором, в отличие от ИСКОЛАСТРЕЛА, большевики не имели явного большинства) образуется Комитет спасения Родины и Революции. Он попытался направить несколько частей в Петроград, а затем — в Гатчину на помощь А.Ф.Керенскому. Однако красные латышские полки блокировали, а 7 ноября захватили Валку и разогнали Комитет. Вероятно, именно в этот период (если не раньше) группа Гоппера—Бредиса установила контакт с Савинковым, который прибыл на Северный фронт из Гатчины в поисках подкреплений. Другого «гатчинца», будущего лидера Боевой организации (группы, дружины) ПСР Г.И.Семенова (Васильева), они знали и раньше. Этот рижский боевик-анархист после февраля 1917 г. примкнул к эсерам и, будучи солдатом инженерного полка, стал членом армейского комитета 12-й армии.

В ноябре 1917 г. Гоппер с одобрения командования Северного фронта организовал массовое дезертирство офицеров латышских полков и с ними перебрался в Петроград. К 13 декабря 1917 г. здесь собралось до 120 офицеров-латышей, которые должны были возглавить вооруженное выступление полков, стоявших на стороне Учредительного собрания. Как известно, из-за нерешительности эсеров выступление не состоялось. В начале января 1918 г. часть группы во главе с Гоппером и Бредисом переехала в Москву, оставшиеся в Петрограде сгруппировались вокруг «Латышского клуба», а прочие разбрелись кто на Дон к генералу М.В.Алексееву, кто в Латвию. В Москве 40—60 наиболее решительных офицеров развернули активную подпольную деятельность. Гоппер и Бредис быстро установили связь с группами русских офицеров и уже в феврале объединили пять-семь из них в единую офицерскую организацию, насчитывавшую до 800 человек. В это время в Москву с Дона в качестве представителя генерала Алексеева приехал Савинков². Латыши предложили Савинкову возглавить созданную ими организацию, получившую название «Союз защиты Родины и Свободы» (СЗРС)³.

Хотя существует довольно обширная литература о СЗРС⁴, нельзя не обратить внимания на значительные разнотечения, существующие в определении численности организации, персонального состава и функций ее штаба, планировавшихся и осуществленных ею акций. Это связано с тем, что, несмотря на многочисленные аресты (только в мае 1918 г. в Москве было арестовано более 100 человек, затем последовали аресты в августе 1918 г.), организация так до конца и не была раскрыта. Кроме того, происходили постоянные изменения в составе штаба СЗРС и в его планах. Точно известно, что в состав штаба входили: командующий вооруженными силами генерал-лейтенант В.В.Рычков (монархист), начальники штаба полковники К.И.Гоппер и сменивший его в середине апреля А.П.Перхуров (монархист), начальник отдела разведки и контрразведки полковник Ф.А.Бредис, начальник иногороднего отдела военврач Д.С.Григорьев (член плехановской группы «Единство», тесно связанный с латышами по Северному фронту), начальник отдела внешних сношений А.А.Дикгоф-Деренталь (эсер), начальник конспиративного отдела В.В.Никитина (социал-демократка), начальник отдела снабжения капитан К.П.Рубис и начальник террористического отдела поручик Пирогов (эсер). Вероятно, в штабе было восемь отделов: мобилизационный, оперативный, разведки и контрразведки, террористический, иногородний, конспиративный, агитационный, снабжения. Кроме того, существовали ответственные за пехотные, кавалерийские, артиллерийские, инженерные и резервные формирования — соответственно капитан А.А.Пинкус, ротмистр А.А.Виленкин (он же казначай СЗРС, председатель Союза евреев-воинов и юрисконсульт английского представительства), капитан К.Жуковский, подполковники Никольский и Н.П.Сахаров⁵. В организацию входило

до 5500 человек, действовавших в Москве, Казани, Ярославле, Рыбинске, Муроме, Рязани, Челябинске и других городах. Строился Союз по принципу кадровой армии, каждый офицер имел определенную должность⁶. Все члены СЗРС получали жалование (средства давали чехи и французы). Новички принимались по рекомендации. Идеологическая организация продолжала традиции «Республиканского центра», оставаясь в целом на позиции «непредрешенчества». Важнейшая роль в ее деятельности отводилась отделу разведки и контрразведки. В нем кроме руководителя полковника Ф.А.Бредиса огромным авторитетом пользовался бывший его сослуживец А.И.Эрдман, руководивший агентурной работой. Эрдман изменил свою внешность и под видом вернувшегося из эмиграции вожака анархистов Бирзе сумел взять под контроль большинство захваченных Московской федерацией анархических групп (МФАГ) особняков и квартир, где разместил (также под видом анархистов) своих людей, оружие, провел между ними полевую телефонную связь и т.п.⁷ Рекомендованный военкомом Москвы Я.Пече, он вошел в доверие к Ф.Э.Дзержинскому и другим руководителям ВЧК, сумел внедриться в Военный контроль Оперативного отдела Наркомвоенмора (т.е. в военную контрразведку). Если вспомнить, что в ВЧК и в Военконтроле было много латышей из ИСКОЛАСТРЕла и ИСКОСОла, можно легко догадаться, как ему это удалось.⁸

Влияние Эрдмана в Военконтроле было столь велико, что во всех публикациях по истории ВЧК и контрразведки его называют начальником этого органа, что неверно⁹. Этот пост занимали сначала эстонец М.Тракман, а затем латыш В.Штейнхарт. Используя свое положение, Эрдман выяснил адреса и режим работы видных большевистских руководителей (в виде их ареста или террора), компрометировал их, внедрял своих людей в государственные учреждения, милицию, ВЧК, армию, использовал документы и шифры Военконтроля для работы СЗРС, добывал информацию о планах немцев и прогерманских организаций в России. Последнее обстоятельство обеспечило финансирование союза со стороны Антанты и чехов. Наиболее важным результатом деятельности Эрдмана было стравливание большевиков с их политическими союзниками. Его бывший соратник по «ударным батальонам» и «Республиканскому центру» полковник М.Муравьев, разгромивший мятеж Керенского—Краснова и усмиривший гайдамаков на Украине, был в апреле 1918 г. назначен командующим Кавказской армией (т.е. мог раздавить Алексеева, Корнилова, Деникина и др.). Однако по доносу Эрдмана Муравьев был арестован Дзержинским, более месяца провел на Лубянке, а после реабилитации и назначения командующим Восточным фронтом (опять же по наущению Эрдмана) поднял мятеж¹⁰.

Такую же изезуитскую тактику применил Эрдман в отношении руководства левых эсеров, особенно чекистов — заместителя председателя ВЧК

В.А.Александровича и Я.Г.Блюмкина, возглавлявшего в ВЧК отдел по борьбе со шпионажем, т.е. политическую контрразведку¹¹. Запугивая их немецкой опасностью и инфильтрацией немецкой агентуры в большевистские верхи, обещая им поддержку анархистов и «левых» коммунистов (также являвшихся одним из объектов обработки¹²), Эрдман сыграл важную роль в решении левых эсеров пойти на июльскую авантюру.

К сожалению, гораздо меньше известно о террористическом отделе СЗРС. Он был создан в апреле 1918 г. и подчинялся непосредственно Савинкову. Мы даже не можем точно сказать, возглавлял ли поручик Пирогов непосредственно сам отдел или находившийся при отделе «отряд особого назначения» из десяти-двадцати человек. Отдел участвовал «во всякого рода бандитских налетах, вылазках и грабежах»¹³. Его члены установили слежку за В.И.Лениным с целью его убийства (этой операцией руководил лично Савинков)¹⁴, планировали в ноябре 1918 г. предпринять газовую атаку на Съезд Советов, и одновременно силами «ударников» совершать нападения на различные учреждения¹⁵, намеревались взорвать поезд с членами советского правительства (в момент их предполагавшегося бегства от немцев из Москвы), для чего заминировали мост на Нижегородской железной дороге¹⁶. Прибегали они и к индивидуальному террору, ими был убит член Союза в Ярославле поручик Соловьев, пытавшийся предотвратить готовившийся мятеж.

Однако наибольший интерес представляет роль СЗРС в той серии терактов конца июня — августа 1918 г. (всего по газетным материалам — до 50), которые прокатились по Центральной России, и, конечно, в первую очередь, в покушениях на В.И.Ленина, М.С.Урицкого и В.Володарского. Существует точка зрения, что за этими покушениями стояли не правые эсеры, а организация Савинкова, и что именно по его указаниям, а не по директивам ЦК ПСР действовал уже упоминавшийся лидер Боевой организации эсеров Г.И.Семенов (Васильев)¹⁷. В связи с этим интересна фигура некоего полковника Ткаченко, который, являясь заместителем председателя так называемой Алексеевской военной организации («Орден романовцев») и ее представителем в «Объединенной офицерской организации», в то же время, наряду с полковником Ф.Махиным, возглавлял штаб военной организации ПСР¹⁸. И именно этот полковник Ткаченко упоминается в показаниях арестованного Ф.А.Бредиса, приведенных в «Красной книге ВЧК», причем упоминается там в числе пяти связанных с Бредисом подпольщиков — членов СЗРС и его сослуживцев по латышскому полку — «Бирзе» (Эрдманом), Пинкусом, Рубисом и Кевешаном¹⁹. Это позволяет предположить, что «Объединенная офицерская организация», якобы разгромленная чекистами в августе 1918 г. (тогда же, когда были арестованы «Бирзе», Бредис и другие), — это то самое объединение, которое было

создано в январе 1918 г. Гоппером и компанией, и что деятельность ее была тесно переплетена с деятельностью Военной организации ПСР²⁰. А если учесть, что Боевая организация эсеров фактически являлась частью Военной организации (формально — Боевым отделом Военной комиссии ЦК), что Г.И.Семенов (Васильев) и Л.В.Коноплева — ее руководители — были членами Военной комиссии, а Л.И.Канегиссер возглавлял Выборгскую районную организацию Военной организации, то предположение об ответственности именно СЗРС, а не ЦК ПСР за летние теракты выглядит вполне вероятным. Этой же точки зрения придерживались и сами чекисты вплоть до процесса над эсерами 1922 г.

Не менее загадочны и связи СЗРС с анархистами. Как известно, получив из разных источников сведения о том, что МФАГ готовит «второй Октябрь», чекисты в ночь на 12 апреля 1918 г. провели массовую акцию по разгрому анархистов. Среди арестованных (около 450 человек) добрую четверть составили, как ни странно, латыши (арестовывали их тоже латыши), якобы в большинстве своем члены анархо-террористической группы «Лиесма» («Пламя»). Откуда они в таком количестве появились в Москве — совершенно непонятно. Крошечная группа с таким названием в самом деле функционировала во время революции 1905—1907 гг., а затем в эмиграции — в Англии, США и Швейцарии. Скорее всего, это были люди «Бирзе». После апрельских арестов о латышах-анархистах ничего не было слышно, как вдруг летом 1919 г. они вновь объявились в Москве, прибыв якобы с Украины, из штаба Н.И.Махно. В столице они действовали в составе знаменитой группы «анархистов подполья» (прославившейся взрывом в Леонтьевском переулке), причем играли в ней решающую роль²¹. Совершив в июле—августе того же года в Москве три «экса» и захватив 2 млн рублей, латыши вновь исчезли, прихватив с собой большую часть денег — якобы на то, чтобы «ставить» организацию в Латвии.

Когда впоследствии была разгромлена группа «анархистов подполья», всплыли весьма странные связи в Красной Армии. Так, на одной из явок был найден телефон конспиративной квартиры Военконтроля (к тому времени преобразованного в Особый отдел ВЧК), в результате был арестован начальник разведки 12-й армии, бывший офицер Ф.Ф.Финдейзен (Соколович) — недавний сотрудник Военконтроля и ВЧК. Кроме него были арестованы и находились под следствием несколько предполагаемых анархистов, занимавших командные должности в 12-й армии и 46-й дивизии. Сложная обстановка того времени не позволила чекистам довести дело до конца, и можно лишь гадать, кем были эти люди в действительности.

Также до конца не ясно участие СЗРС в заговорщических планах Р.Локкарта и С.Рейли. Известно, что чекисты Я.Буйкис и Я.Спрогис (кстати, выступавший под именем «Бредис») вошли в доверие к заговорщикам

через Петроградский Латышский клуб²². Кроме того, как пишет в своих «Очерках истории ВЧК» П.Г.Софинов, «арест Бредиса (имеется в виду настоящий Ф.А.Бредис. — А.К.) сильно встревожил Локкарта. Он поручил своему агенту Сескису организовать побег»²³. С Локкартом был тесно связан член штаба СЗРС А.Виленкин, о чем пишет в мемуарах сам Р.Локкарт. Как видим, в деле СЗРС еще остаются «белые пятна». Тем не менее некоторые выводы сделать можно. Во-первых, на примере этой группы видно, что переход к террору происходил после того, как другие формы борьбы себя исчерпали, а надежды на поддержку «здравых сил общества» оказались иллюзорными. Во-вторых, те методы, к которым прибегала «белая» контрреволюция — террор, провокации, шпионаж, клевета и т.п., — являлись зеркальным отражением методов красных революционеров и зачастую провоцировали расправы со стороны последних.

В целом результаты деятельности членов СЗРС оказались противоположными их намерениям. Так, внедрение в Военконтроль привело к ликвидации последнего и резкому усилению ВЧК, которая, образовав Особый отдел, взяла под контроль армию. Провокация в среде левых эсеров и анархистов привела к установлению однопартийной диктатуры большевиков. Провокация среди «левых коммунистов» — к ужесточению внутрипартийного режима в ВКП(б). Запугивание всех и вся немецкой угрозой — к реальному усилению немецкого влияния. Белый террор и восстания — к ответному массовому красному террору. В этом фантасмагорическом переплетении интриг трудно определить, кто кого провоцировал, «вел», запутывал, использовал — чекисты белых или наоборот. Все это дает богатый материал для размышлений на тему, кто же виноват в создании тоталитарной системы в СССР.

Примечания

- ¹ ГАРФ. О «Республиканском центре». Рукопись (аноним.). Коллекция; Иоффе Г.Э. «Белое дело»: Генерал Корнилов. М., 1989. С.52—54.
- ² Иоффе Г.Э. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С.49.
- ³ Верные долгу. Ярославль, 1986. С.67; Клименко В.А. Борьба с контрреволюцией в Москве, 1917—1920. М., 1978. С.89—93.
- ⁴ РЦХИДНИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 18. Л. 37, 38.
- ⁵ Савинков Б.В. Борьба с большевиками // Литература русского зарубежья. Т. 1. Кн.2. М., 1990. С.163; РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 8. С.12.
- ⁶ РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 8. С.10.
- ⁷ Клименко В.А. Указ. соч. С.158—159; РЦХИДНИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 18. Л. 38а, 42.
- ⁸ Военные контрразведчики. М., 1978. С.30.
- ⁹ Красная книга ВЧК. Т. 1. М., 1990. С.120; Долгополов Ю.Б. Война без линии фронта. М., 1981. С.59; Софинов П.Г. Очерки истории ВЧК. М., 1960. С.63, 126—127.

- ¹⁰ Софинов П.Г. Указ. соч. с. 78—79; РЦХИДНИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 16. Л. 2, 2об.; Д. 18. Л. 39.
- ¹¹ РЦХИДНИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 18. Л. 39а.
- ¹² Там же. Л. 39, 46.
- ¹³ Клименко В.А. Указ. соч. С.92.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ РЦХИДНИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 18. Л. 42а, 43.
- ¹⁶ Красная книга ВЧК. Т. 1. С.53—54.
- ¹⁷ Известия. 1922. 20 июля; Правда. 1922. 20 июля; Революционная Россия. 1922. № 21/22. С.17—18.
- ¹⁸ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 35. Д. 79. Л. 48; Там же. Оп. 112. Д. 4. Л. 5; Клименко В.А. Указ. соч. С.136.
- ¹⁹ Красная книга ВЧК. Т. 1. С.114.
- ²⁰ Клименко В.А. Указ. соч. С.137.
- ²¹ Красная книга ВЧК. Т. 1. С.366—367.
- ²² Кравченко В. Под именем Шмидхена. М., 1970. С.64.
- ²³ Софинов П.Г. Указ. соч. С.63.

Я.В.Леонтьев
(Москва)

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЛЕВОЭСЕРОВСКОГО ТЕРРОРА

Обзор всех источников по заявленной теме занял бы достаточно много места. Поэтому мы остановимся лишь на обзоре источников, относящихся к так называемым центральным актам и их исполнителям.

Из печатных источников, ставших за последнее время доступными широкому кругу исследователей, необходимо в первую очередь указать на второе издание «Красной книги ВЧК» под научной редакцией проф. А.С.Велидова и републикацию воспоминаний И.К.Каховской¹. Из опубликованных источников, впервые введенных в научный оборот, следует назвать брошюру Б.Леонова «Последняя авантюра Якова Блюмкина», составленную на основании следственного дела 1929 г., и тезисы выступлений Я.Г.Блюмкина и В.А.Карелина на Исторической секции Дома печати (членами которой они состояли) в записи Б.П.Козьмина². Нельзя не обратить внимания на крайне низкий археографический уровень публикации Б.Леонова, осуществленной без текстологического и фактического комментария, содержащей множество опечаток и ошибок в написании географических названий и фамилий.

Напомним основную фактографическую канву левоэсеровского терроризма. По свидетельству Г.Кежемского (псевдоним Г.Б.Смолянского), инициативная группа Боевой организации при ЦК ПЛСР сложилась к началу марта 1918 г.³ По словам И.К.Каховской, БО «сконструировалась вначале из трех человек» и «туда вошли тов.Смолянский, занимавший в то время ответственный советский пост; тов.Борис Донской, кронштадтский матрос, пользовавшийся доверием в глазах товарищней, большой любовью и уважением, и я»⁴. После того как II съезд ПЛСР (апрель 1918 г.) санкционировал применение «интернационального» террора, ЦК наметил «центральные фигуры». «Граф Мирбах в Москве и фельдмаршал Эйхгорн в Киеве, — пишет Каховская, — вот две фигуры, которые приковали к себе внимание всех трудящихся России, которые становились естественными объектами нападения <...>»⁵ По ее свидетельству, только «в силу случайного стечения обстоятельств» теракт против Мирбаха предшествовал теракту против Эйхгорна. В первый состав центральной «боевки» (весна—июль 1918 г.) вошли Б.М.Донской, И.К.Каховская и Г.Б.Смолянский от Московской БО

и 4 «украинских товарища», «предназначавшихся, главным образом, для покушения на гетмана Скоропадского», которое левые эсеры хотели соединить с терактом против Эйхгорна. По словам Я.Г.Блюмкина, исполнителем теракта против В.Мирбаха первоначально был назначен «талантливый юноша, историк и лингвист» В.Шеварев. Автор кандидатской диссертации «Проблемы насилия и террора в октябрьской революции и гражданской войне: левоэсеровская альтернатива» А.М.Рыбаков на основании материалов бывшего Центрального архива КГБ выяснил, что существовал также план похищения Мирбаха. От имени мифической монархической организации сотрудники ВЧК — левые эсеры М.А.Богданов и Е.Н.Мальм должны были войти к нему в доверие, и, в случае разрыва дипломатических отношений с Германией, на них возлагалось похищение графа. (В дальнейшем Богданов и Мальм играли видную роль в левоэсеровском подполье и в сентябре 1919 г. осуществили теракт против провокатора Петрова в Казани.)

Кандидатуры Я.Г.Блюмкина и Н.А.Андреева в качестве исполнителей покушения на Мирбаха были утверждены на заседании ЦК ПЛСР 4 июля 1918 г.⁶ Общее руководство было возложено на М.А.Спирионову, И.А.Майорова и Л.Б.Голубовского. Изготовление бомб для теракта взял на себя начальник боевой дружины ЦК ПЛСР профессиональный химик Я.М.Фишман. Револьвер Блюмкин получил от М.А.Доброхотова. Непосредственно перед покушением он и Андреев заехали в гостиницу «Националь» и там получили бомбы у П.П.Прошьяна. По всей видимости, в план покушения были посвящены В.А.Карелин и Б.Д.Камков. При передаче бомб в номере Прошьяна присутствовала также А.А.Биценко. О других организаторах и исполнителях теракта 6 июля на сегодня сведений нет.

В июне 1918 г. боевая группа Каховской, снаряженная взрывчатыми веществами, оружием, деньгами и паспортным бюро, обосновалась в Киеве. Покушение на Эйхгорна было дополнительно санкционировано Всеукраинским комитетом ПЛСР, находившимся в Одессе. Из украинцев в группе в качестве техника принимал участие И.Ф.Бондарчук. Связной группы была сначала М.Залужная. Позже связным стал член Всеукраинского комитета Е.П.Терлецкий. После нескольких недель наблюдения за П.П.Скоропадским и Г.Эйхгорном 30 июля последний был убит Б.М.Донским при помощи ручной бомбы. Террориста и привезшего его извозчика сразу же арестовали. 10 августа Донской был казнен. Извозчик покончил жизнь самоубийством.

День похорон Эйхгорна был назначен на 1 августа. Оставшиеся на свободе террористы хотели совершить покушение на Скоропадского в момент его выхода из лютеранской церкви после панихиды, но неожиданный арест Бондарчука и Каховской сорвал их план.

Основным источником информации о покушении на графа Мирбаха остаются материалы Следственной комиссии при ВЦИК по делу о «мяте-

же» левых эсеров, частично опубликованные в «Красной книге ВЧК». Между прочим, в показаниях Я.Г.Блюмкина Киевской губернской ЧК (апрель 1919) говорится в связи с его пребыванием на нелегальном положении после 6 июля: «Я жил в окрестностях Петрограда очень замкнуто⁷... занимаясь исключительно литературной работой, собиранием материала об июльских событиях и писанием о них книги⁷. Осенью 1918 г. в Петрограде также находились члены ЦК ПЛСР Л.Б.Голубовский и Д.А.Черепанов. В письме к известному левонародническому критику и публицисту Иванову-Разумнику от 28 января 1919 г. М.А.Богданов по поручению И.З.Штейнберга просил переслать в Москву «материалы, оставленные Г[олубовск]им о днях 6—7 июля⁸. Не исключено, что речь здесь идет о материалах, подготовленных совместно Блюмкиным и Голубовским. Однако о местонахождении этих документов в настоящий момент ничего не известно.

29 марта 1921 г. Я.Г.Блюмкин выступил с докладом «Из воспоминаний террориста» на Исторической секции Дома печати (далее ИСДП). Полный текст его выступления пока не обнаружен. После него, на том же или на следующем заседании ИСДП, с докладом «Из воспоминаний революционера» выступил В.А.Карелин, текст его выступления сохранился не только в записи Б.П.Козьмина, но и в стенограмме. В частности, Карелин дал любопытное психологическое обоснование мотивов поведения левых эсеров в ситуации 6 июля: «...дело в том, что в то время в рядах лев[ых] С.-Р. было настроение, которое М.А.Спирионова... очень хорошо характеризует одним словом «голгофизм» — своеобразное жертвенное настроение принести себя в жертву на алтарь революции, когда идут на самопожертвование самые энергичные пламенные группы, которые заражены чисто интеллигентской психологией, рассуждая так, что если себя принести в жертву, то как у Чехова через 200—300 лет расцветет прекрасный сад⁹.

Крайне интересен также ответ Карелина на вопрос Козьмина о том, почему в «Бюллетене № 1» ЦК ПЛСР от 6 июля указывалось на присылку из Германии в распоряжение Мирбаха «известного русского провокатора Азефа». Докладчик отвечал: «Основывалось это на агентурных доносах, которые были у нас установлены, потому-то нам пришлось установить шпионаж. Об Азефе получались довольно неопределенные сведения, но одно выяснено, что Азеф где-то поблизости или в Германии действует. Во всяком случае, нашу Боевую организацию одно время сильно занимал вопрос о поимке Азефа, и было дано такое задание Боевой организации, чтобы его непременно изловить, пленить и привезти в помещение ЦК¹⁰. По сведениям Б.И.Николаевского, Азеф действительно в 1918 г. «устроился на службу по вольному найму в один из отделов германского министерства иностранных дел¹¹. Какую именно работу он там выполнял, историку установить не удалось. Видимо, левые эсеры не подозревали о том, что 24 апреля 1918 г. Азеф скончался.

Карелин еще утверждал, что «недели за две до убийства Мирбаха в помещении ЦК левых с.-р. в Леонтьевском переулке¹²» были найдены две бомбы. За ответственными работниками партии производилась упорная слежка¹². Левые эсеры сочли это делом рук немцев, и, таким образом, организованный ими теракт могли считать по-своему превентивной мерой.

Советский исследователь А.М.Спирин в работе о «мятеже» 6—7 июля ссылается на считающиеся ныне утерянными воспоминания С.Д.Мстиславского «Из Кремлевского дневника». Мстиславский свидетельствовал о посыпке в Петроград двух террористов для убийства германского консула¹³. Того не оказалось на месте, боевики были задержаны и отправлены в Москву. Есть основания предполагать, что этими неудачливыми террористами могли быть уже упоминавшиеся М.А.Богданов и Е.Н.Мальм. Из других не использовавшихся ранее в специальной научной литературе источников о покушении на Мирбаха можно указать на рассказ Блюмкина, приведенный в мемуарах В.Сержа¹⁴. 30 января 1922 г. Я.Г.Блюмкин сделал доклад в ИСДП на тему «Боевые предприятия левых с.-р. в зоне немецкой оккупации на Украине в 1918 г.». Тезисы его были напечатаны в том же 1922 г.¹⁵ Из них видно, что во второй состав центральной «боевки» (ноябрь 1918 — январь 1919) входили: сам Блюмкин, Г.Б.Смолянский, Н.А.Андреев, В.Шеварев, известные в прошлом максималисты Н.А.Терентьева (в 1918 г. член ПЛСР и ВЦИК), М.Д.Закгейм, Л.Шмидт, Н.Максимова. Задачами БО в тот период были подготовка покушения на П.П.Скоропадского и освобождение из тюрьмы И.К.Каховской и И.Ф.Бондарчука. По словам Блюмкина, «непосредственное выполнение убийства было возложено на Андреева. Однако после долгих и мучительных колебаний Андреев от выполнения возложенной на него задачи отказался, мотивируя свой отказ бессмыслицей убийства человека, ничтожного в политическом отношении и являющейся лишь ширмой, за которой скрывались немецкие оккупационные власти»¹⁶. После этого Андреева заменил Шеварев, а покушение назначено было на 26 ноября, когда гетман должен был присутствовать на похоронах офицеров, убитых повстанцами. Но из-за неисправности бомб покушение не состоялось.

Н.А.Терентьевой удалось установить контакт с сидевшей в Лукьяновской тюрьме в ожидании исполнения вынесенного ей смертного приговора Каховской. По-видимому, Каховская передала Терентьевой свои тюремные тетради, содержащие ее дневник и черновики писем. Впоследствии копии этих тетрадей были переданы на хранение в ЦГАЛИ. «Тюремные тетради» Каховской представляют из себя превосходный, богато насыщенный «психологизмами» источник по левоэсеровскому террору, до сих пор еще не введенный в научный оборот. В частности, в одном из писем к матери она определяла мотивы своей террористической деятельности: «Мамочка, се-

годня уже окончательно прощай¹⁸...> Мамочка, я поехала сюда, потому что после Брестского мира я не могла работать там. У меня жизнь как бы переломилась надвое. Я больше не могла по-прежнему, после поездки в Донецкий бассейн особенно. Там говорили рабочим: «Если немцы придут — мы не уйдем от вас, будем бороться и погибать с вами»¹⁹...> Вообще после Брестского мира я уже была обречена, и не здесь, так в другом месте погибла бы¹⁸... и это так естественно, что мы гибнем в 1-х рядах. Не все же других звать и агитировать. Виноваты революция и огонь, который горит внутри и не дает покоя»¹⁷. В письме к Терентьевой, участнице взрыва дачи П.А.Столыпина на Аптекарском острове, Каховская с высшей степенью откровенности описывает свои душевные терзания: «У меня, Надя, карамазовские, ужасные мысли были обо всем и страшно, невероятно мучило убийство и повесившийся извозчик. Революция, акт куда-то отошли на задний план — перед глазами были два человеческих страдальческих лица. — Старик (фельдмаршал Эйхгорн? — Я.Л.) и молодой (его адъютант Дресслер? — Я.Л.), одиноко мечущийся по камере повесившийся мужик-извозчик; замученная, прекрасная, ценная жизнь Бориса (Донского. — Я.Л.), — стоял в душе один вопрос: Господи, что я наделала, что я наделала? Если б меня не арестовали, не мучили, я бы на воле верно не выдержала бы этого вихря, — а тут как искупление какое-то пришло. Видишь, Надя, какая я террористка. Полезла с суконным рымом в калашный ряд, и вся нравственная ответственность за провал, за невыполненный второй акт падает *только на меня*, Надя. Я себе кажусь часто каким-то Смердяковым»¹⁸.

Дополнительные представления о деятельности левоэсеровских боевиков в 1918 г. на Украине дают воспоминания И.Ф.Алексеева (Небутева)¹⁹. В них говорится о том, что ЦК ПЛСР наделил Блюмкина «широкими полномочиями», и раскрывается его псевдоним — «Гр.Вишневский». Под этим псевдонимом в киевской левоэсеровской газете «Борьба» была напечатана статья «Об акте Бориса Донского»²⁰. Согласно Алексееву-Небутеву, Блюмкин протестовал против вхождения в подпольный губревком коммунистов. Как известно, вскоре он кардинально изменил свою позицию и без санкции ЦК добровольно явился в Киевскую губЧК. В мае 1919 г. он приехал в Москву и перешел в Союз максималистов («светловцев»), отделившись от Союза эсеров-максималистов.

Через десять лет Блюмкин вспоминал: «Левые эсеры (ЦК П.Л.С.-Р. был в стороне от этого, затем прислал ко мне Ирину Каховскую с заявлением о полной непричастности к этому) — за мой отход организовали на меня три покушения, когда в июне месяце 1919 г. я приехал в Киев организовать из своих друзей боевую организацию для выполнения одного боевого предприятия в тылу Колчаковского фронта по предложению ЦК РКП(б) и ВЧК

в лице тт. Серебрякова и Аванесова»²¹. На основании этих слов нужно исправить ошибки, вкравшиеся в мемуарный рассказ Г.Н. Максимова о суде над Блюмкиным²².

Первое покушение на него попытались совершить в ночь на 7 апреля 1919 г. киевские левые эсеры Арабадже, С.Н. Пашутинский и Сорокина. Во время второго покушения Блюмкин был тяжело ранен. Скорее всего, как и в первом случае, это была самодеятельная инициатива украинских «активистов», а не боевиков из отряда Каховской, как считал Максимов. В состав «товарищеского межпартийного суда», не установившего, что «Блюмкин не предатель», входили: сам мемуарист (представитель от ЦК Партии революционного коммунизма), избранный председателем суда А.А. Карелин — в качестве представителя Всероссийской Федерации анархистов-коммунистов, и Д.А. Магеровский, представлявший УПЛСР (борьбистов), а не левых эсеров интернационалистов. «Суд» над Блюмкиным происходил предположительно в сентябре 1919 г.

После него Блюмкин добровольно вступил в Красную Армию и был послан Центральным бюро Союза максималистов на Южный фронт. 22 марта 1920 г., давая показания в качестве свидетеля на следствии по делу эсеров-максималистов, он сообщил: «Рев[олюционным Военным] С[оветом] Южного фронта — тов. Серебряковым и Сталиным я был откомандирован в 13 армию. Здесь Политотдел в порядке армейской дисциплины направил меня для работы в Особый отдел, где меня назначили уполномоченным по борьбе со шпионажем. Работа эта имела две сферы: одну в пределах самой армии, другую — в отношении неприятеля. Так как работа в тылу велась еще и разведка[делом] армии, то для централизации и соединения этой работы я был приглашен в качестве формального сотрудника агентурной военной разведки, фактически в качестве инструктора входившей [в] функции разведки боевой работы в тылу<...> Тогдашний политический момент был таков, что применение актов индивидуального террора к главарям Деникинской контрреволюции считалось крайне целесообразным даже коммунистическими руководителями разведки и Особого отд[ела] 13 армии»²³. Дальнейшая биография Блюмкина в общих чертах известна.

Значительно меньше сведений сохранилось об исполнителе второго центрального акта левых эсеров — Б.М. Донском. Мемуарный рассказ Каховской об убийце фельдмаршала Эйхгорна можно дополнить некрологом, написанным анархо-синдикалистом Х.З. Ярчуком²⁴. Эмоциональные заметки в левоэсеровской периодике мало добавляют нового к представлениям о личности Донского. Из неопубликованных архивных источников представляют интерес тюремные «тетради» Каховской и ее открытое письмо с обращением «Дорогие товарищи Кронштадтцы!»²⁵. Текст последнего, сохранившийся в виде автографа, скорее всего предназначался к публикации

в неизданном мемуарном сборнике левых эсеров. Письмо было написано с целью канонизировать образ Донского в глазах его товарищей-кронштадтцев. Видимо, его можно датировать летом 1919 г.

К этому времени сложился третий состав центральной «боевки» левых эсеров. Вернувшись из Киева в Москву весной 1919 г., И.К. Каховская возглавила боевую группу, которая должна была пробраться в тыл к Колчаку для организации теракта против Верховного правителя. Туда же отправилась летом 1919 г. одна из максималистских боевых групп во главе с ижевским рабочим Ф.Ф. Кокоулиным. Однако арест Каховской и ее товарищей большевиками в начале мая сорвал план поездки в Сибирь. В середине июня они были освобождены, и приехавший в это время из Киева Г.Б. Смолянский предложил Каховской объединить ее группу с боевой группой украинских левых эсеров-борьбистов. «Получив санкцию Ц.К., — пишет Каховская, — мы дали принципиальное согласие слить обе группы в одну боевую организацию»²⁶. Перед БО была поставлена задача покушения на А.И. Деникина, войска которого вели наступление на Киев. В начале августа боевики выехали на Украину. За исключением М.Ф. Жукова и М.Д. Закгейма состав группы не удалось идентифицировать. Каховская свидетельствует, что БО работала в тесном контакте с эсерами-максималистами. По ее словам, в Одессе и Харькове также функционировали боевые группы левых эсеров, охотившиеся за Деникиным. Реальную подготовку покушения на него возглавляемая Каховской БО начала лишь зимой 1919 г. в Ростове-на-Дону, во время заседаний «Верховного Совета».

Параллельно с левыми эсерами на Украине действовали максималистские группы. Лидер Союза эсеров-максималистов (CCPM) Г.А. Нестроев, подобно Блюмкину ведший переговоры с Л.П. Серебряковым, свидетельствовал о наличии шести максималистских групп²⁷. На сегодняшний день мы располагаем сведениями только о двух из них — «Украинской инициативной группе CCPM» и «Украинской повстанческой группе CCPM». В их состав входили руководители и активисты CCPM, такие, как Е.Н. Забицкий, Е.В. Васильев, П.М. Данилин, П.П. Колодов, И.В. Морозов и другие. Первое по времени сведение о Боевой организации эсеров-максималистов в период гражданской войны сохранилось в переписке Моссовета. Речь идет об отношении Московской организации CCPM от 4 июня 1918 г., направленном в Президиум Советов Москвы и Московской области, о легализации БО²⁸. Главный идеолог CCPM Г.А. Нестроев, инженер-электротехник по профессии, лично изготавливал бомбы для боевых групп. Как уже говорилось, максималистские боевики действовали в тесном контакте с левоэсеровскими. Но их намерения организовать покушения на Колчака и Деникина так и остались намерениями. По иронии судьбы, Колчак, правда, был все же расстрелян левыми эсерами — нарядом их иркутской боевой дружины.

Зато Боевой организации Читинского ССРМ, возглавляемой казаком И.Григорьевым, удалось осуществить покушения на атамана Г.М.Семенова и начальника его контрразведки прапорщика Валеева. 20 декабря 1918 г. террористы В.Неррис и А.Сафонов с галерки местного театра бросили две бомбы в ложу Семенова и тяжело ранили его. К сожалению, никаких дополнительных источников, кроме статьи И.И.Жуковского-Жука о В.Неррисе в сборнике «Красная Голгофа» и краткого упоминания об этом случае в мемуарах самого Г.М.Семенова²⁹, пока не обнаружено.

О подготовке покушения на Деникина известно главным образом из мемуаров Каховской. Интересна история создания этого текста, который Ромен Роллан назвал «документом высшего психологического порядка». В то самое время, когда Блюмкин и Карелин выступали с воспоминаниями в ИСДП, в Бутырской тюрьме, по свидетельству Б.И.Николаевского, составилось «своего рода историческое общество», участники которого делали доклады «о разных событиях из эпохи 17—20 гг.»³⁰ На этих заседаниях выступали А.Р.Гоц, А.А.Иваницкий-Василенко, В.Н.Филипповский и другие политзаключенные. Дважды — на темы «Дело Эйхгорна» и «Покушение на Деникина» — выступала И.К.Каховская. В 1922 г. тексты ее мемуарных докладов (возможно, через Николаевского) были посланы в Берлин и опубликованы сначала в «Летописи революции», а затем в сборнике «Пути революции». Позже их перепечатали некоторые западные газеты, а в 1926 г. они вышли отдельным изданием в Париже³¹.

Заключая настоящий обзор, мы публикуем документ, являющийся реакцией левоэсеровских нелегалов на выступление Блюмкина в ИСДП. Публикуется по копии, сохранившейся в фонде Б.Козьмина:

«В Президиум Дома Печати

До сведений Московской нелегальной организации Партии Лев. Соц.-Рев. (интернационалистов) дошло, что на подмостках Дома Печати 30-го января с.г. выступает с докладом на тему: «О боевых предприятиях П.л.с.-р. на Украине в 1918 г.» провокатор Яков БЛЮМКИН.

С одной стороны мы категорически протестуем, чтобы подобные типы, вроде г.Блюмкина трепали славное имя Партии, с другой крайне удивлены, что это делается при Вашем благосклонном содействии.

Делая это заявление из глубокого подполья, мы тем более ожидаем от Вас, что Вы выполните элементарные правила, т.е. предупредите г.Блюмкина о нашем категорическом протесте и если он останется к нему глух, а для Вас настоящее предупреждение будет «гласом вопиющего в пустыне», то огласите настоящий протест перед слушателями его доклада.

Московская организация Партии Левых Соц.-Рев. (интернационалистов).
Москва, 30/1—22 года»³².

Смысл этой реплики очевиден, но очередное покушение на жизнь Блюмкина, к этому времени красного командира и члена РКП(б), левые эсеры осуществить уже были не в силах.

Примечания

- ¹ Красная книга ВЧК. Изд.2. Т. 1. М., 1989; Каховская И.К. Дело Эйхгорна / Публ.А.Разгона и Л.Овруцкого // Родина. 1989. № 12. С.90—96.
- ² Леонов Б. Последняя авантюра Якова Блюмкина. М., 1989; «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...» /Предисл., публ. и comment. Я.Леонтьева // Родина. 1993. № 8/9. С.170—171.
- ³ Кежемский Г. Дело Эйхгорна: Воспоминания // Борьба. Киев, 1919. Кн. 1. С.17.
- ⁴ Каховская И.К. Дело Эйхгорна и Деникина: Из воспоминаний // Пути революции. Берлин, 1923. С.193.
- ⁵ Там же. С.192.
- ⁶ Родина. 1993. № 8/9. С.170.
- ⁷ Красная книга ВЧК. Т. 1. С.302.
- ⁸ Сообщено В.Г.Белоусом. См. также нашу публикацию «К истории взаимоотношений левого народничества и "скифов"» (в печати).
- ⁹ ОР РГБ. Ф. 520. Карт. 36. Е.х. 9. Л. 19, 20.
- ¹⁰ Там же. Л. 23.
- ¹¹ Николаевский Б. История одного предателя. Нью-Йорк, 1980. С.371—372.
- ¹² Родина. 1993. № 8/9. С.171.
- ¹³ Спирина Л.М. Крах одной авантюры: Мятеж левых эсеров в Москве 6—7 июля 1918 г. М., 1971. С.33—34.
- ¹⁴ См.: Леонтьев Я.В. Жизнь и смерть Якова Блюмкина — «романтика революции» // Modus vivendi. 1995. № 1(45). С.6.
- ¹⁵ Историко-революционный бюллетень. 1922. № 2/3. С.79.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 105. Л. 9—9об.
- ¹⁸ Там же. Л. 17.
- ¹⁹ Алексеев [Небутев] Ив. Из воспоминаний левого эсера: Подпольная работа на Украине. М., 1922.
- ²⁰ Борьба. Киев. 1919. 12 февр. № 4.
- ²¹ Леонов Б. Указ.соч. С.40.
- ²² Память: Исторический сборник. Вып. 3. Париж, 1980. С.379—380.
- ²³ ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1-а. Д. 151. Л. 40—40об.
- ²⁴ Вольный голос труда. Москва, 1918. 26 авг. № 1.
- ²⁵ РЦХИДНИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 21. Л. 130—133.
- ²⁶ Пути революции. Берлин, 1923. С.221.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 1-а. Д. 151. Л. 341.
- ²⁸ ЦАМО. Ф. 66. Оп. 25. Д. 41. Л. 31.

²⁹ Красная Голгофа. Благовещенск, 1920. С.77—84; Атаман Семенов. О себе. Б.м., 1938. С.133.

³⁰ Память. Вып. 1. Нью-Йорк, 1978. С.329.

³¹ Souvenirs d'une Revolutionnaire par Irene Kachowskaja: Traduit du russe par Marcel Livane et Joe Newman. Paris, 1926.

³² ОР РГБ. Ф. 520. Карт. 36. Д. 18. Л. 1.

Б.И.Беленкин
(Москва)

ФИЛОСОФИЯ УБИЙСТВА

В Центральном архиве ФСБ хранится рукопись «Философия убийства или Почему и как я убил Михаила Романова». Эти 429 страниц машинописи целиком составляют первый из трех томов следственного дела Мясникова, заведенного на него в 1945 г.¹

Гавриил Ильич Мясников (1889—1945) принадлежит к особой породе людей. Их выделяют: непредсказуемость поступков, импульсивность, фанатичная вера в удачу, богатая фантазия, прожектерство, смелость, решительность, жестокость, эгоцентричность, любовь к внешним эффектам, мифотворчеству, политианству, склонность к перемещениям в географическом пространстве, к отмене устоявшихся нравственных норм...² Речь идет об авантюристах. (ХХ в. внес свои корректизы в черты классического авантюриста — в его действиях стало многое больше крови...)

Жизненную канву Гавриила Ильича изложить в виде биографической справки весьма сложно, почти невозможно.

Родился в Чистополе в бедной многодетной семье. Окончил четыре класса ремесленной школы. В 1905-м едет в Мотовилиху и поступает на знаменитый пушечный завод. В Мотовилихе, где прожил в общей сложности не более четырех с половиной лет, начал он свою революционную деятельность, вступил в РСДРП(б), участвовал в «эксах» и вооруженном восстании, там же его избили до полусмерти казаки и первый раз арестовали. Первый побег — в 1908 г. Далее — череда арестов, побегов, переездов по чужим документам. С 1914 до марта 1917 г. Мясников отбывает заключение в Орловской каторжной тюрьме, где окончательно формируется его мировоззрение (одновременно с голодовками, пытками и избиениями идет процесс усиленного самообразования). Весной 1917 г. он возвращается в Мотовилиху и сразу же занимает заметную позицию в местной партийной и советской иерархии. Мясников — организатор убийства вел. кн. Михаила Александровича (осуществлено в ночь с 12 на 13 июня 1918). После падения Перми (декабрь 1918) некоторое время находится на фронте (комиссар дивизии). Пик партийной карьеры — пост председателя Пермского губкома (1920). Тогда же начинаются его идеинные расхождения с «генеральной линией». Оппозиционная активность периода 1921 — начала 1922 г. заканчивается исключением из партии. После нескольких недель на посту замдиректора Мотовилихинского завода

его арестовывают, но двенадцатидневная голодовка протеста приводит к освобождению. Живя в Москве без права покидать город, продолжает оппозиционную деятельность. В мае 1923 г. — снова арест, и после некоторого раздумья, куда выслать — в Минусинск или Берлин, ОГПУ останавливает свой выбор на последнем. В Берлине Мясников не сбывает политическую активность и сходится с местными «левыми». Между тем в Москве ОГПУ активно разрабатывает дело «Рабочей группы», почти ничем не проявляющей себя (оппозиционная организация, по сути — партия, которую еще весной 1923 г. пытался создать Мясников). В сентябре арестовано свыше двадцати человек. В октябре основной этап следствия закончен. В начале ноября Мясникова заманивают в Москву и арестовывают. Длительная голодовка протеста, попытка самоубийства, полный отказ от участия в следствии — все это заканчивается трехлетним тюремным сроком, по отбывании которого ему дают новый, такой же. Но вскоре почему-то, зная склонность Мясникова к побегам, заменяют тюремный срок ссылкой в Ереван. Оттуда он и бежит в Иран (ноябрь 1928). После пребывания в иранских и турецких тюрьмах (благодаря усилиям возникшего в Германии «Комитета помощи Мясникову» турецкие власти отменяют приговор — четыре года тюрьмы) он получает въездную визу во Францию. Первые годы в эмиграции Мясников пытается играть политическую роль среди местных «левых», но суд по поводу кражи у него рукописей (1931), провал ряда начинаний, арест и угрозы высылки из Франции (1934) сводят его политическую деятельность на нет. До конца 1930-х он занимается любимым делом — пишет трактаты, разоблачающие предательскую политику и идеологию Сталина, Троцкого, Бухарина и других бывших и настоящих советских лидеров³. Единственный источник дохода во Франции — физический труд на разных (как правило, небольших) предприятиях. Во время оккупации страны его арестовывают, и в течение года он находится в концлагерях. Совершив очередной побег, до освобождения Парижа союзниками Мясников живет по чужим документам. С 1929 по 1936 г. он неоднократно обращается в советское представительство с просьбой разрешить ему вернуться в СССР. (Скорее всего, все эти обращения, исключая, может быть, последнее в 1939 г., занимали какое-то свое место в игре, которую он вел против политического режима в СССР.) В конце 1944 г. советское представительство сообщило Мясникову, что наконец такое разрешение получено, и в январе 1945-го он возвращается в Москву. Последовали арест, девятимесячное следствие, суд и расстрел — 16 ноября 1945 г.

Мемуары Мясникова, хранящиеся в архиве ФСБ, написаны в 1935 г. в небольшом городке Куломье недалеко от Парижа. В 1940 г. их автор нанес визит в советское посольство и передал консулу Л. Тарасову (он же — Васильевский) объемистую папку. Об этой встрече Тарасов поведал в 1966 г. со страниц журнала «Огонек»⁴. Из его слов выходило, что после падения

Парижа мемуары были переправлены в советское посольство в Берлине, где их сожгли в день нападения Германии на СССР. Свидетельство Тарасова до последнего времени оставалось единственной доступной информацией о судьбе мясниковской рукописи.

Если верить Тарасову, посетивший его Мясников передал ему некую рукопись и, среди прочего, заявил: «В этой папке мои воспоминания, вернее, описана вся моя жизнь. В ней не хватает только сегодняшнего дня и моего разговора с вами⁵». Увидите, себя я не очень оправдываю, других не слишком обвиняю⁶. Из показаний Мясникова на следствии в 1945 г. видно, что в том же 1940 г. (если он не путает даты) рукопись «Философии убийства» была им послана Сталину.

В справке на Мясникова, составленной в НКГБ СССР 5 октября 1944 г., когда решался вопрос о «возвращении» нашего героя в СССР, сказано следующее: «Перед войной 1939 года Мясников явился в советское консульство в Париже⁷ — он передал письмо на имя тов. Сталина и рукопись подготовленной им к изданию на французском языке книги⁸.

В другой, почти идентичной справке, составленной 29 декабря 1944 г., эта фраза была продолжена: «⁹ которая была написана в критических тонах, в духе рабочей оппозиции и недоверия к вождям ВКП(б). Рукопись эта в день нападения Германии на Советский Союз вместе с другими документами была уничтожена в Берлине¹⁰». Ср. у Тарасова: «Я взял его объемистую рукопись. Однако отправить ее в Москву мне не удалось, и она была уничтожена со всей дипломатической почтой в первый день войны, 22 июня 1941 года в Берлине¹¹.

На допросах в 1945 г. Мясников сообщал: «¹² в это время [1938] мной была закончена работа над книгой по вопросу перерастания буржуазной революции в социалистическую: «Хроника рабочего движения в Мотовилихе». Должен оговориться, что в этой книге я не допускал никаких выпадов против ВКП(б)¹³. На другом допросе он заявляет: «¹⁴ до 1938 года я продолжал писать книги, направленные против Советского Союза¹⁵ — когда после мюнхенского соглашения я увидел тучи, сгустившиеся над СССР, я не писал более этого и не критиковал СССР¹⁶ — я прошу прочесть мою рукопись «Философия убийства...», где Вы не увидите ничего антисоветского. Эту рукопись в 1940 году я послал Сталину¹⁷.

В описи изъятия личных вещей и документов, подготовленной перед составлением «обвинительного заключения», среди прочих рукописей фигурирует некий «печатный материал на иностранном языке на 352 листах»¹⁸ (уничтоженный впоследствии вместе с большей частью других мясниковских рукописей). Все изложенное не позволяет однозначно судить о существовании, кроме «Философии убийства», других значительных мемуарных текстов Мясникова.

На допросах Мясникова «Философия убийства» ни разу ему в вину не ставилась. Тем не менее к делу ее все же приобщили. Хотя на фоне других «компроматов» из мясниковского архива «Философия убийства» — текст абсолютно невиннейший (те страницы, которые фигурируют в качестве обвинительного материала, выбраны наугад и абсолютно ничего крамольного, в отличие от некоторых других фрагментов рукописи, не содержат), кто-то и зачем-то решил рукопись сохранить (может быть, для единственного возможного читателя — И.В.Сталина).

Текст воспоминаний разбит автором на пять «глав» (по смыслу — частей), которые, в свою очередь, делятся на главы (главки?). Непосредственное отношение к теме убийства вел. кн. Михаила Александровича имеют только две части — вторая и четвертая. Первая часть знакомит читателя с «местом действия» — Мотовилихой, «большевистской крепостью на Урале», и повествует в основном о событиях зимы 1917/1918 гг. Третья часть («Самопроверка», 172 с.) выполняет в повествовании роль классического отступления и кроме отрывочных воспоминаний о пребывании автора в Орловской каторжной тюрьме в основном содержит интеллектуальное и мировоззренческое «меню» Мясникова. То, что автор пометил как «глава V», является по существу эпилогом.

Жанр «Философии убийства» — воспоминания-размышления, иначе, «исповедь убийцы». Не записка, составленная по тому или иному поводу (например по просьбе Истпарта или Общества политкаторжан), не некий описательный отчет, лишь фиксирующий (как правило, по памяти) свои (чужие) действия в конкретном событии, а нечто более масштабное, более личностное. В «Философии убийства» автором ставится и по мере возможностей (способностей) разрешается глобальная задача: изложить всю полноту аргументов, побудительных причин, в том числе сугубо психологических, приведших некогда его, автора, к определенному решению, поступку, в совокупности вынуждавших его «сделать то, что он сделал». Мясников реконструировал весь комплекс своих внутренних переживаний, другими словами, заново пережил ситуацию. В мемуаристике указанный жанр встречается крайне редко. Тем больший интерес вызывают сохранившиеся немногочисленные образцы и особенно те тексты, которые создавались в расчете на публикацию.

Сюжетная сторона дела такова. Мясников в марте 1917 г., выпущенный на свободу февральской революцией из Орловского централа, возвращается в Пермь, где вскоре становится председателем Мотовилихинского совета. В Пермь же в середине марта 1918 г. высыпается из Петрограда, а точнее из Гатчины, бывший великий князь Михаил Александрович. Сперва под надзор местных властей, затем в качестве свободно проживающего. Мясников, случайно узнав, что в центре Перми, в лучшей гостинице, с секретарем и челядью проживает Михаил Романов, глубоко задумывает-

ся — ему непонятна подозрительная либеральность и центральных, и местных властей по отношению к ссыльному. То, что Михаила надо ликвидировать, — для него очевидно. Но как?

«Это надо сделать так, чтобы и голову контрреволюции снять, и Советскую власть оставить в стороне. Если будет нужно в угоду контрреволюции, в угоду буржуазии Запада, в целях избежания столкновений найти виновника, ответственного за этот акт, то я предстану перед судом, и возьму на себя всю ответственность, и скажу, почему и как я это сделал. Это единственный путь<...>

Но как делать? Если пойду в «королевские номера» и просто пристрелю Михаила, то?.. Кто поверит, что я, член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, действовал самостоятельно, без предварительного обсуждения с верхами? Не поверят. Будут шуметь, кричать, и вместо того, чтобы убрать эту падаль с дороги революции, может получиться, что труп Михаила будет превращен в баррикаду мировой буржуазии<...> Но как бы ни решать эти вопросы, опасность осложнений есть. Приму это за установленный факт. Но есть и опасность от того, чтобы оставить в живых эту пакость. Итак: убивать опасно, а не убивать еще опаснее. Что же делать, как быть? А что, если бежать? Да, взять да и убежать<...>»¹²

Кстати, оборот «бежать» столь полюбился Мясникову, что, описывая в другом тексте свои мытарства по «советским» тюрьмам, он скажет о попытке пристрелить его весной 1922 г. — «Меня бы «бежали», как некогда я «бежал» Михаила Романова»¹³. «И неистово, неудержимо заработала мысль в этом направлении. Правда. А почему нет? Они хотят ему устроить побег, они хотят выкрасть и увезти? Так почему же мне нельзя? Это невозможно для одного. Ну так ведь это и не обязательно. Нужно только все это продумать, до конца и во всех деталях, и остановиться на окончательном, твердом решении и простом плане. Говорить ни с кем до решающей минуты не буду. А в решающую минуту позову товарищей и расскажу им, что надо делать, как надо делать и почему надо делать<...>

И если он не убежал до сих пор, то только потому, что он ленивый дурак.

Ленин и Свердлов могут козырнуть: «Вот приказы, вот телеграфные распоряжения, а вот и последствия нашего гуманного отношения». Вот и будь после этого гуманным, никак нельзя. Они процитируют кого-нибудь и скажут: твердость, твердость и еще раз твердость. И волки будут сыты, и овцы целы. Это как раз то, что надо. Это не расстрел, не убийство, но он исчез, его нет. Он будет убит, это ясно, но ясно это мне и моим товарищам, кому я доверю свою тайну, но для всех он бежал. И хорошо.

А как отнесутся к этому Свердлов и Ленин? А как бы они ни отнеслись, для меня безразлично. Я знаю свой долг, я его выполню, а потом на мне пусть хоть высится. Значит решено? Точка. Конец сомнений и колебаний.

А теперь надо думать о плане<...>¹⁴

Любопытно, как Мясников аргументировал опасность, исходившую от Михаила. Основной его козырь — наличие некого заговора с целью освободить бывшего великого князя. Возьмем на себя смелость утверждать, что в этом Мясников блефовал. Как впоследствии блефовали советские историки. Никакого белогвардейского заговора в Перми, кроме как в голове у мемуариста, не было. Какой-то арестованный унтер-офицер, который тет-а-тет Мясникову, фактически перед расстрелом, на что-то намекал...¹⁵ Да еще разговоры обывателей. Всё. Скорее всего, мы имеем дело с позднейшими парижскими фантазиями автора, с легендой. И расстрелы рабочих — с.-р.-ов и меньшевиков в Пермской ЧК¹⁶ — тоже из другого периода, не относятся они к зиме и весне 1918 г. Свой аргумент 1920—1921 гг.¹⁷ Мясников явно смешает во времени, относя его к 1918 г. В рукописи об этом много, но как-то уж сильно искусственно вставлено. На самом деле аргумент образца 1918 г. был проще: Михаил — символ (а не носитель) реакции, всего, с точки зрения Мясникова, самого гнусного. Таких, как Михаил, просто убивают. Это — революционная необходимость, это — долг любого победившего революционера. И, конечно, — опасность реставрации, но не конкретная, а абстрактная. Даже спустя три года, в 1921 г., Мясников продолжал настаивать: «Никаких рассуждений с кадетом-буржуа, адвокатом, доктором, профессором, — здесь одно лекарство мордобитие»¹⁸. Так что ни заговор, ни расстрелянные чекистом Лукояновым рабочие здесь ни при чем. Причина — только сам Михаил.

На пути к исполнению задуманного встало препятствие: секретарь великого князя Джонсон и другие обитатели гостиницы, близкие к Михаилу. Что делать с ними? Но и тут не возникало сомнений:

«А что же иначе? Иного выхода нет. Выходит так, что не Михаила одного убиваю, а Михаила, Джонсона, «12» апостолов и 2 женщин, какие-то княжны или графини, и, несомненно, жандармский полковник Знамеровский. Выходит 17 человек. Многовато. Но иначе не выйдет. Только так может выйти»¹⁹.

Однако надо не просто «устранить препятствие» — необходимо решить вопрос о своей собственной способности осуществить задуманное:

«Да, может быть, что я физически не убью ни одного из них, но надо быть лично готовым к тому, чтобы убить всех их физически. И быть готовым к ответственности, как будто всех 17 человек убил я, лично сам. И только в том случае я имею право пойти на это дело. И только в этом случае я имею право заставить кого-то убить их. Готов ли я к этому?

Без всяких колебаний. Ответив на этот вопрос, я почувствовал у себя на ремне «Кольт» и потрогал его рукой: как будто я физически себя проверяю. И «Кольт» был готов разрядиться два раза подряд без остановки»²⁰.

Если верить Мясникову, на «самопроверку» у него ушло три дня. Но эта «самопроверка» — вовсе не плод умственных упражнений бывшего обитателя одиночной камеры, готовившегося спустя год после освобождения к теракту. Скорее — и это результат более поздних размышлений. Однако оставим в стороне подозрения и вновь пойдем вслед за автором.

«А странно все-таки: Иван Сусанин. Крестьянин. Спасает Михаила Романова, Михаила I-го. А я, рабочий, изгой, смерд, закуп, тоже сын крестьянина, уничтожаю Михаила II и последнего.

Начало и конец, альфа и омега: Михаил<...>

Кто я? Сын смерда, пролетарий, изгой. Сижу в одиночке. За что? За мою правду, за то, что я, вкусив от древа познания добра и зла, понес эти плоды к таким же пролетариям, как я сам.

Сижу здесь совсем не за то, что я убил отца, ограбил и за свое преступление послал кого-то невинного в каторгу. Нет. А напротив. Вот я — смерд-атеист, а там православные христиане, Достоевские, Алеши и Мити Карамазовы, это они поют «Христос воскресе», избив меня нещадно за то, что я не хочу им подпевать.

Все хорошее это от православия, самодержавия, от верующих дворян, от дворян — носителей «культуры», а все скверное — это от смерда-атеиста. От безбожия.

Может быть, поэтому, а может быть, и еще почему я понимаю образ Евы и образ Смердякова-Карамазова, как никто еще не понимал<...>. Если Моисей убивает 15 тысяч человек, защищая наследственность своей власти, то это нормально, законно и служит доказательством того, что «Господь»* Бог послал его делать дела сии, а если смерд, закуп, трудовик убил Моисея, то это богопротивное дело, ибо есть заповедь «не убий».

Сама заповедь «не убий» появилась только тогда, когда общество разделилось на два враждебных лагеря: на угнетателей и угнетенных, которые враждовали и убивали друг друга. Чтобы охранить себя от убийства измученных эксплуатацией масс, нужно было издать божеский закон «не убий», а если мы, Моисеи, убиваем, то это нормально, законно и богу угодно<...>.

Если бы Толстому предстояло убить Михаила и спасти многие тысячи жизней трудовиков, то решился бы он убить? Если бы ему нужно было убить тифозную вошь, разносящую заразу, и спасти множество людских жизней, то убил бы он эту вошь? Да, убил. Убил бы и не задумался<...>. А Достоевский? Этот откровенный защитник православия, самодержавия и народности. Он еще меньше стал бы думать, чем Толстой<...>.

Надо реабилитировать Смердякова от гнусностей Достоевского, показав величие Смердяковых, выступающих на историческую сцену битвы свободы с гнетом, попутно рассказав всю правду о поработителях — богах<...>.

* Так в рукописи.

Все местные работники Перми против меня в этом пункте (речь идет об убийстве Михаила. — Б.Б.). Я это вижу и особенно теперь.

Толстой и Достоевский тоже против меня. И понятно, что Милюковы, Керенские, Даны, Колчаки — тоже против.

И вот я один. Скучно, брат. Один против всех.

Когда сидишь в Орловской одиночке, то там поневоле один, а вот теперь на воле, в кругу товарищей, друзей — но один. Это тяжелее, чем одиночка.

Но нет. Я чувствую, что я делаю дело нужное, полезное нашей революции, пролетариату и крестьянству. В этом моя сила и право. Да, но я все-таки один. Потом буду не один, а теперь один. Это тяжело...»²¹

Вот такая «самопроверка». И экскурсы в историю — от Сотворения мира, и тема одиночества, и новое слово в библеистике и достоевсковедении... Внутренний мир Мясникова — потрясающее кривое зеркало. Все искажено, вывернуто наизнанку и одновременно примитивизировано. Если образцом свободной личности становится не кто-нибудь, а ... Смердяков, если Смердякову слагается гимн, если собственное «я» трансформировано в такой литературный образ, если все «угнетенные трудовики» — суть Смердяковы, а отцеубийца Смердяков — всего-навсего бунтующий герой-смерд, то следует признать: Мясников — явление пограничное, близкое к «клиническому слуху». Но, как и многие «классические злодеи», автор «Философии убийства» при ближайшем рассмотрении оказывается субъектом... совершенно невинным, девственным. Полнейшая наивность и вторичность большинства философско-исторических рассуждений вкупе с патологической неспособностью (или нежеланием) увидеть себя со стороны невольно провоцируют читателя воспринимать автора не как лицо реальное, а как некий вторичный «продукт», как выдуманного героя.

На самом деле не одной только «самопроверкой» был озабочен заговорщик. Для более надежного присмотра за Михаилом Мясников, неожиданно для окружающих, попросился на работу в Пермскую ЧК. Нрав волонтера был, видимо, всем известен — Мясникова немедленно избрали членом коллегии ЧК и поручили отдел по борьбе с контрреволюцией. Но Мясникову не повезло. Инициатива всегда наказуема. Не успел он войти в курс дела, вызвать в ЧК (как бы для «знакомства») Михаила с Джонсоном, убедиться в полном ничтожестве и убожестве первого и опасном уме второго, как губком партии принял решение направить Мясникова, в качестве очень опытного чекиста (!), в областную ЧК Урала — в Екатеринбург. По его словам, в Пермской ЧК он проработал меньше недели. Но все же главное Мясников успел — посмотрел на Михаила. Решение же о переводе в Екатеринбург лишь ускорило исполнение задуманного.

После «самопроверки» морально и нравственно подготовленному Мясникову оставалось только найти сообщников. Выбор пал на четверых рабочих-

мотовилихинцев. О плане похищения и убийства Михаила они были поставлены в известность за несколько часов до начала операции. Местом конспиративной встречи выбрали синематограф (будку киномеханика). До определенного момента все шло как по маслу: лошади, два фаэтона, оружие, дорога до Пермской ЧК без приключений. В ЧК случилась первая накладка: пятерка заговорщиков беспрепятственно проникла в бывший кабинет Мясникова (формально он уже числился по новому месту работы), достали из стола бланк, один из рабочих сел неумело тюкать на пишущей машинке составленный Мясниковым текст мандата, как вдруг за их спинами раздалось: «А что это вы такое делаете?» Правда, председатель губисполкома В.А.Сорокин и вновь избранный председатель ЧК П.И.Малков, с интересом прочитавши в текст мандата, пообещали помалкивать, «ничего не знать» и, главное, дать время заговорщикам похитить и увезти Михаила.

Пятерка направилась в «королевские номера». И опять накладка. Предъявили Михаилу мандат, мол, эвакуируем в более безопасное место, но Джонсон застращался, не желая отпускать Михаила одного. Пришлось прихватить и Джонсона. Да еще Михаил, уже на улице, упал в обморок. Кто-то из гостиницы звонит в ЧК... Опять Малков и Сорокин... Угрозами и уговорами Мясникову удалось нейтрализовать начальство и все уладить.

Далее Мясников непосредственного участия в осуществлении задуманного не принимал: еще раз проинструктировав сообщников, он прикрывал «дело», сидя в Мотовилихе «на телефоне» и давая «ценные указания» по телефону Малкову.

Чем же завершилась эта история?

В 4 часа убийцы вернулись. Отчитались перед Мясниковым. Каждый из исполнителей взял себе на память по безделице из карманов убиенных... На следующий день по всем направлениям уже летели телеграммы о бегстве великого князя... А еще через некоторое время Ленин и Свердлов, по просьбе Мясникова, были конфиденциально проинформированы об истинном положении дел. И тот и другой остались довольны.

В последующие годы, годы гонений на Мясникова, убийство Михаила в вину ему никогда не ставилось. «Каждый из действующих лиц склонен придавать всем своим действиям большее значение, чем их реальная стоимость. Может быть, и я страдаю этим общечеловеческим недугом. Это должны решить читатели. Что же до меня, то я спокоен. Я сделал, что мог»²².

Такими словами закончил Мясников свою «Философию убийства».

Свой труд Мясников писал не забавы ради и не в качестве «революционера на покое». Обстоятельства сложились так, что к 1935 г. ему потребовалось подвести некоторые итоги. Здесь же отметим, что в первое время пребывания во Франции Мясников жил в полуконспиративных условиях,

опасаясь мести и монархистов и, еще больше, НКВД. Все его общественно-политические заграничные начинания 1930—1934 гг. провалились, реальных возможностей вернуться к активной политической деятельности больше не оставалось. Мясников прекрасно понимал: единственное, чем он вписал себя в историю, — это убийство великого князя... Что знают потомки о Д.В. Каракозове, А.К. Соловьеве, Н.И. Кибальчиче и других? Как правило, кое-что со слов их современников, из воспоминаний. А как узнают потомки о том, кто такой Мясников? Все знавшие его либо сидят в советских тюрьмах, либо вспомнят о нем лишь бранным словом. Хорошо знают его в НКВД, куча эмигрантов и несколько местных парижских леваков. Кто он, Мясников? Всего лишь один из оппозиционеров ленинско-сталинскому бюрократическому антирабочему режиму. На фоне ненавистных ему Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева и иже с ними его имя, его политическая фигура выглядит слишком незначительно. Но ведь был Михаил! Михаил II — как упорно называл его Мясников. Почему Ивана Сусанина, спасшего Михаила I, знают все, а того, кто поставил в этой истории красивую точку — Гавриила Мясникова, — не знает никто?

«Философия убийства» должна была стать очередным вызовом не только всей русской эмиграции, но и советским властям, и всем местным «левым», наконец — самому себе. После 1934 г. обстоятельства требовали предъявления доказательств его, Мясникова, побед. Ведь он, Мясников, — побеждать может! «Философия убийства» предназначалась не для хранения в письменном столе. Абсолютная самоуверенность (одна из основных черт автора), скорее всего, вытеснила на периферию вопрос о судьбе рукописи. Главное было — справиться с поставленной задачей: повторить убийство, повторить удачно завершившуюся операцию, пройти еще раз весь путь, приведший его к победе — убийству.

И Мясников сделал то единственное, что оставалось ему, однокому и ото всех прячущемуся в чужой и нелюбезной Франции, — написал 429-страничную апологию самому себе. Этим мы несколько не хотим умалить значение и ценность написанного. Наверное, любые мемуары — в какой-то степени «самоапология», и менее ценными они от этого не становятся. «Самоапология» убийцы, апология убийства — интересны вдвойне.

Эффект «Философии убийства» не в том, что в центре (как бы в центре) повествования — осуществление бессудного убийства вел. кн. Михаила Александровича, а в уникальности, «сенсационности» самого повествователя.

Можно с уверенностью сказать, что, если бы в жизни Гавриила Ильича Мясникова не было эпизода, связанного с убийством великого князя Михаила, свою жизнь он прожил бы так же, как прожил. Ничего бы не изменилось. Окажись он на месте В.В. Яковлева-Мячина, то тогда, в отличие от него, «бежал» бы Николая II по пути из Тобольска, окажись в Алапаевске —

«бежал» бы тамошних узников месяцем раньше, был бы на месте Я.М.Юровского — поступил так же, как он. Окажись в другом месте — слепнул бы пару-тройку, а может, и больше, местных знатных буржуев, не подвернувшись буржуев — может быть, и никого бы не «бежал». В этом смысле участие Мясникова в убийстве великого князя — дело случайное.

Михаил был случаем, тем Случаем, который Мясников не упустил. Октябрьская революция стала победой Мясникова (он так полагал). В этом победном для него акте просто не могло не быть его собственной, личной победы. Безнаказанной, вымученной, заслуженной победы над врагом. Несчастный Михаил Александрович просто оказался в роли конкретного врага на территории обитания Мясникова.

В истории убийства вел. кн. Михаила Александровича, благодаря мясниковскому мемуару (а не верить Мясникову нет оснований), можно найти исчерпывающие ответы на вопросы, которые давно «мучают» исследователей. Насколько самостоятельными были или могли быть инициативы «снизу»? (Речь идет о том историческом периоде, который можно условно ограничить — от начала так называемого «триумфального шествия Советской власти» до начала красного террора, то есть до августа-сентября 1918 г.) Какова была позиция центра по отношению к бессудным несанкционированным расправам? В чем вообще в указанный период заключалась оппозиция «провинция — центр»? Насколько один из ее компонентов зависел от другого? И т.п.

Мясниковский текст — среди прочего — развенчание излюбленного многими мифа о неком централизованном тайном заговоре (в нашем случае — против членов семьи Романовых). Все было примитивнее, ничтожнее и безнравственней. По мере знакомства с «Философией убийства» создается впечатление, что центр не без чувства глубокого удовлетворения наблюдал, как недавно появившиеся амбициозные большевистские «удельные княжества» повязывают себя по рукам и ногам кровью своих жертв. В «Философии убийства» мы находим подтверждение тому, что в первые месяцы существования советского государства центр удерживал власть отчасти благодаря именно разнообразным местным инициативам (и в области экономической, и в военной, и в сфере чисто карательных мероприятий). Те же Ленин и Свердлов, каждый со своим личным опытом, прекрасно знали, как на практике соотносятся «официальный курс» и «линия на местах». Например, если в 1906 г. ЦК РСДРП, открыто осуждая террор и экспроприации, заявлял: «Не укради», — это вовсе не означало, что местный «экс» есть преступление против партии (см. биографии Сталина, Камо и других). Тем более в первой половине 1918 г. не было нужды в «тайных указаниях» о проведении экспроприаций (грабежей) и расстрелов. Самоустранимость центральной власти от бурной активности местных

мясниковых и есть не что иное, как самое явное соучастие, вряд ли менее преступное, чем «тайные указания».

Примечания

- ¹ Дело по обвинению Мясникова Г.И. // ЦА ФСБ РФ. Арх.№ Н-17674. Т. 1—3.
- ² Ср. перечисление качеств, присущих «образцовому» искателю приключений, в кн.: Казанова Д. История моей жизни / Предисл. А.Строева. М., 1990. С.16.
- ³ Мясников Г. Очередной обман. Париж, 1931 (единственная отдельная публикация на русском языке за рубежом). В «Деле по обвинению Мясникова Г.И.» (т.2) хранятся: «Победы и поражения русского пролетариата, или Кто предал Октябрь», «Ликвидаторство и марксизм», «Автобиография»; в описи материалов, изъятых при аресте Мясникова и уничтоженных по постановлению от 19.10.1945 г., указаны: «О классах в современной России» (на фр. яз.), «Краткая критика теории и практики ВКП(б) и Коминтерна», «Классовая теория государства СССР».
- ⁴ Тарасов Л. В оккупированном Париже: Воспоминания генконсула, 1940—1941 // Огонек. 1966. № 8. С.23—24.
- ⁵ Там же. С.24.
- ⁶ Дело по обвинению Мясникова. Т. 3. Лист не пронумерован.
- ⁷ Там же. Лист не пронумерован.
- ⁸ Тарасов Л. В оккупированном Париже. С.24.
- ⁹ Дело по обвинению Мясникова. Т. 3. Л. 60.
- ¹⁰ Там же. Л. 122.
- ¹¹ Там же. Л. 97.
- ¹² Мясников Г.И. Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова // Дело по обвинению Мясникова. Т. 3. Л. 86, 98, 117.
- ¹³ Дискуссионный материал: Тезисы тов. Мясникова, письмо тов. Ленина, ответ ему, постановление организ. бюро Цека и резолюция мотовилихинцев. М., 1921. С.34.
- ¹⁴ Мясников Г.И. Философия убийства... Л. 118—119.
- ¹⁵ Там же. Л. 76—81. Речь идет о Темникове, сыне бывшего начальника мотовилихинского завода.
- ¹⁶ Там же. Л. 69, 70, 307.
- ¹⁷ Дискуссионный материал... С.32—34.
- ¹⁸ Там же. С.32.
- ¹⁹ Мясников Г.И. Философия убийства... Л. 314.
- ²⁰ Там же. Л. 342.
- ²¹ Там же. Л. 87, 158, 159, 256, 316, 318—320.
- ²² Там же. Л. 429.

Д.И.Зубарев (Москва)

«КРАСНАЯ ЧУМА» И БЕЛЫЙ ТЕРРОРИЗМ (1918 — 1940)

Идеологи

В марте 1918 г. Зинаида Николаевна Гиппиус, по паспорту Мережковская, в карточке на которую, хранившейся в департаменте полиции, стоит крупная надпись «террористка», — написала стихотворение:

Мы, умные, — безумны,
Мы, гордые, — больны,
Растленной язвой чумной
Мы все заражены¹.

В прозе эта же мысль выражена ею несколько ранее, в дневниковой записи от 7 февраля 1918 г.: «Сейчас мы опаснее, чем когда-либо, опасны для всего тела Европы. Мы — чумная язва. Изолировать нас нельзя, надо уничтожить гнездо бацилл — выжечь, если надо»². Прошел всего год с того дня 2 марта 1917 г., когда была свергнута самодержавная русская монархия, воспринимавшаяся Гиппиус и людьми ее круга как источник всякого политического зла. Но та власть, которая установилась в России, была, с их точки зрения, много хуже того, что было до марта 1917 г., что и сформулировано достаточно ясно и в стихотворении, и в прозе. Террора дореволюционного, направленного против тирана и его слуг, уже недостаточно. Налицо некое массовое и заразное политико-психологическое заболевание, с которым надо бороться, уничтожая бациллоносителей. Вот примерно с таким диагнозом, поставленным значительной части народов России, подверженной влиянию большевизма, — с диагнозом «красная чума» они покинули Россию и, покинув ее, стали думать, как же бороться с этим недугом и во имя чего. Сама Гиппиус и ее муж Д.С.Мережковский отвечали на этот вопрос по старинке, как и до революции: они были борцами с Антихристом³ и отвечали: «Мы за Христа против большевистского Антихриста». Вся надежда возлагалась на Воина Христова. Под Воином Христовым понималась личность вождя, на которого в то или иное время возлагались надежды на сокрушение большевизма. Такими вождями последовательно были: Л.Г.Корнилов, Б.В.Савинков, Ю.Пилсудский, Б.Муссолини и, наконец, после 22 июня 1941 года Гитлер, хотя лично он был обоим супругам несимпатичен. Такую идеологему антибольшевистского террора мы назовем «террор апокалиптический».

Иную разновидность террористических умонастроений представляло собой мировоззрение знаменитого русского журналиста Александра Валентиновича Амфитеатрова, тоже в прошлом двенадцать лет проведшего в кругах самой активной революционной эмиграции, близкого друга Г.А.Лопатина и В.Л.Бурцева. В течение трех лет (1910—1913) Амфитеатров был ближайшим соседом и постоянным собеседником лидера эсеровской партии В.М.Чернова. Оба жили в итальянском местечке Феццано, были там единственными русскими политическими эмигрантами. Амфитеатров, в отличие от Гиппиус, значительно изменился по сравнению с дореволюционной эмиграцией. После событий 1914—1920 гг. он и слышать не хотел о социализме, интернационализме и даже о демократии. Эти слова стали для него проклятыми. «Святая Русь», «Дом Пресвятой Богородицы» — именно во имя этих ценностей предполагалось уничтожать, желательно поголовно, большевиков, осквернителей святынь. В переписке с людьми, достаточно близкими ему, носители зла определялись простым словом — «жиды». Удивительно, что подобное мировоззрение Амфитеатров по-прежнему сочетал с революционным пафосом, продолжал клясться именем Лопатина, а организацию эмигрантов, борцов за «Святую Русь» он предлагал построить по образцу «Народной воли», во главе со всемогущим и тайным Исполнительным Комитетом⁴. Отношение его к антибольшевистскому террору довольно своеобразно. Отказывая большевикам в праве называться людьми, он писал: «На зверей не организуют покушений. На них устраивают охоты или облавы»⁵. Такую идеологему антибольшевистского террора назовем «террор патриотический».

Совершенно иным было мировоззрение третьего виднейшего идеолога белого террора — Михаила Петровича Арцыбашева. Ни в Антихриста, ни в Святую Русь он никогда не верил. До революции, в отличие от Гиппиус и Амфитеатрова, от революционной эмиграции он был далек, с террористами дела не имел, писал скандальные романы, а все свободное от писательства и лечения время (он был полуслеп, плохо слышал и рано заболел туберкулезом) отдавал игре на бильярде. После Октября он шесть лет безвыездно жил в Москве, не имея никаких контактов с большевистскими печатными изданиями. Тем удивительнее для его читателей, составивших себе о нем представление до 1917 г., было его преображение, когда в сентябре 1923 г., появиввшись в Варшаве, он стал в газете «За Свободу!» регулярно печатать свои «Записки писателя», пронизанные яростным отрицанием советского строя, который он за шесть лет хорошо узнал, и содержащие открытые, пугавшие даже Б.В.Савинкова (этот факт вообще нужно оценить) призывы к террору — и против носителей большевизма, и против его защитников. В частности, одним из тех лиц, которых он предлагал уничтожить, был М.Горький. «За это — пуля в лоб, одна расплата!»⁶ — именно так кончалась его статья о Горьком, опубликованная в феврале 1924 г.

В чем же состояла суть идеологии Арцыбашева? Суть ее была в том, что он отрицал и теорию, и практику коммунизма в силу своего глубочайшего пессимизма. Если можно сказать, что любимой книгой Священного Писания для Гиппиус, Мережковского и, пожалуй, для Савинкова был Апокалипсис, то Арцыбашев был и на всю жизнь остался человеком Экклезиаста. Он верил только в то, что человек, любая личность, обречена на Земле страданию и смерти. И коммунисты, во имя вздорной сказки о грядущем рае земном убившие миллионы людей и отнявшие свободу у остального населения России, казались ему невиданными в истории человечества лжецами и обманщиками. Такую разновидность идеологии белого террора назовем «террор экзистенциальный»⁷.

Организации

Остановимся на трех из них. Савинковский «Союз защиты Родины и Свободы», основанный в 1918 г., был воссоздан в Варшаве в 1921 г. (с добавлением эпитета «Народный») просуществовал до августа 1924 г., до знаменитого савинковского выступления на московском показательном процессе, когда он отказался от борьбы с большевиками и признал советскую власть. Эта организация довольно известная, о ней написаны книги, поставлены фильмы. Обратим внимание только на несколько интересных обстоятельств. Прежде всего, это традиционное савинковское невезение как террориста, преследовавшее его после февраля 1905 г., после последнего его успешного дела — покушения на великого князя Сергея Александровича. Савинкову не везло фатально. В 1918 г. он отправился руководить восстанием в Рыбинск — Рыбинское восстание провалилось, зато Ярославское, где он не участвовал, победило. Можно предположить, что если бы он поехал в Ярославль, то провалилось бы Ярославское восстание, а Рыбинское победило. В 1922 г., получив огромные средства от «Торгово-промышленного комитета», он решил уничтожить первую советскую политическую делегацию в Европе, приехавшую на конференцию в Геную. Делегация состояла из наркома иностранных дел РСФСР Г.В.Чicherina и председателя Совнаркома Украины Х.Г.Раковского. Два месяца охоты по Европе, огромные денежные затраты, — и никаких результатов.

Вообще, люди, собравшиеся в савинковском Союзе, были довольно оригинальные. До 1917 г. собраться вместе они никогда не могли: с одной стороны, сам Савинков и его ближайший соратник А.А.Дикгоф-Деренталь (участник убийства Гапона). А с другой — савинковский соученик по варшавской гимназии, бывший следователь по особо важным делам В.Г.Орлов, который до 1917 г. мечтал увидеть Савинкова на виселице, а также капитан синих кирасиров, привилегированного придворного полка, стоявшего в Гатчине, Георгий Эльвингрен и, наконец, коммерсант и отставной британ-

ский разведчик Сидней Рейли. Вся эта компания, которая пользовалась поддержкой полицейских служб разных государств (у Орлова были хорошие отношения с Германией, у Савинкова — во Франции), потратила деньги впустую. И Раковский, и Чичерин благополучно приехали из Москвы в Геную, потом вернулись в Москву, сотни тысяч франков были ухлопаны на слежку, бомбы и прочее, а кончилось все это ничем. Больше, естественно, «Торгпром» денег Савинкову-террористу не давал.

Обратим внимание на одно очень интересное обстоятельство, имеющее отношение к нашей теме. Очевидно, для реализации программного тезиса «Народного Союза защиты Родины и Свободы» о поголовном уничтожении коммунистов и их пособников весной 1921 г. в варшавских аптеках было закуплено два килограмма цианистого калия, которым снабжались боевые группы савинковцев, отправлявшиеся в Советскую Россию. Целью было отравление продовольственных складов Красной Армии⁸. Ровно через шесть лет, в мае 1927 г., на стол руководителя боевой организации «Российского общевоинского союза» генерала А.П.Кутепова лег поразительный документ, содержавший грандиозный план химической и бактериологической войны против СССР, включавший отравление зерна, предназначенного на экспорт из СССР, доставку в дипломатическом багаже микробов холеры, оспы, тифа, чумы, сибирской язвы, а также боевых газов⁹. Очевидно, для борьбы с «красной чумой» бубонная чума тоже годилась. Как она должна была отличать большевиков и их пособников от остального населения России, неясно. Удивительно, что Кутепов не выбросил этого письма, а тщательно и секретно хранил его до своей гибели, то же самое делали и его преемники — опубликовано оно было через пятьдесят с лишним лет. Еще более удивительно, что автором обоих этих планов и 1921, и 1927 г. был один и тот же человек, самое известное имя которого — Эдуард Опперпут. И наконец самое удивительное, в том числе и для меня, долгое время уверенного в обратном, — этот Опперпут и в 1921, и в 1927 г. писал свои проекты совершенно искренне, будучи убежденным белым террористом. Правда, в промежутке (февраль 1922 — апрель 1927 г.) он был секретным сотрудником ГПУ.

И о третьей, самой фантастической организации белого террора, о которой известно меньше, чем о двух предыдущих, — о «Братстве русской правды». Эта организация существовала одиннадцать лет, с 1922 по 1933 г. Основатель ее, «Брат № 1» (нужно учесть, что организация была сугубо секретная и в своих печатных текстах категорически запрещала именовать членов по фамилиям, все были занумерованы от единицы до трех-четырехзначных чисел), так вот, «Брат № 1» был личностью, известной не в истории политической жизни, а в истории русской литературы. Это был Сергей Алексеевич Соколов, поэт, писавший под псевдонимом «Сергей

Кречетов». Кроме того, он был известен в Москве как адвокат, занимающийся меценатством, а также как постоянный и неудачный соперник В.Я.Брюсова во всем: и в стихотворчестве, и в издательской деятельности (Брюсов был практически хозяином издательства «Скорпион», а Соколов организовал издательство «Гриф» — обратим внимание на «птичью» семантику фамилии, псевдонима и названия издательства, которое все-таки осталось второсортным), и в личной жизни (Брюсов увел у него жену, известную Нину Петровскую). Так вот, внезапно в эмиграции, после событий мировой и гражданской войн, этот Сергей Алексеевич Соколов, ранее большой политикой не занимавшийся, вдруг решил, что он должен спасти Россию, создал организацию, которую называл «Братство русской правды» и в которой стал «Братом № 1», и одиннадцать лет издавал удивительный журнал под названием «Русская правда». Всего за эти годы он выпустил около 70 номеров, на 90% заполнив их собственными писаниями. Придерживаясь стиля ростопчинских афишек, он постоянно изобретал какие-нибудь понятные народу средства для свержения большевизма. Он изобрел четыре «оружия народа»: повсеместная повстанчина, низовой противокрасный террор, вредительство красному аппарату, братская пропаганда. Кстати, о термине «вредительство». Один израильский филолог высказал остроумное предположение, что сам термин «вредительство» следователи ГПУ заимствовали из книги выдающегося ленинградского фольклориста В.Я.Проппа «Морфология сказки»¹⁰. Там этим термином именуется одна из функций сказочного героя. Мне же кажется более правдоподобным, что чекисты заимствовали и это слово, и много других слов и фантастических идей, всплывших в бредовом сознании ежовских следователей 1937—1938 гг., именно из писаний «Русской правды», из писаний «Брата № 1». Кроме «четырех оружий» борьбы с большевизмом, он изобрел «16 братских способов» для уничтожения антихристовой власти (среди них такие, например: «подпиливай телеграфные столбы, разбивай на них фарфоровые стаканчики, режь проволоку», «народное добро, вывозимое за границу, захватывай и раздавай народу. Что не можешь, жги и уничтожай», «развинчивай гайки на рельсах, порти паровозы, взрывай мосты, пускай под откос поезда, жги нефть,сыпь в колесные масленки песок», «зерно зарывай в землю», «бей стекла во время комсомольских танцов и зрелищ, кидай туда всякую вонючую дрянь», «громи «ленинские уголки», делай из них отхожее место», «взрывай, уничтожай, порти, мажь дегтем и нечистотами красные памятники»). Самым замечательным представляется такой способ: «Сделай лук потуже, а к нему стрелы с наконечниками из разогнутого рыболовного крючка. Смажь наконечник стрихнином либо садом с тараканьим ядом. Подстреливай в сумерках из-за угла коммунистов»¹¹.

Поразительно при этом, что в «Братство русской правды» вступали князья (и великие, и светлые, и просто), что его поддерживали генера-лы (такие, как П.Н.Краснов в Европе и Д.Л.Хорват в Китае), именно эту организацию особо благословил на борьбу с большевизмом глава Русской Зарубежной Церкви митрополит Антоний (Храповицкий). Впечатляет, что этот бред всеми ими одобрялся, и только после смерти Соколова в 1936 г. стало известно о том, что у него была опухоль мозга. Некролог его, написанный генералом П.Н.Красновым, был опубликован в журнале «Часовой», чего удостаивался далеко не каждый русский литератор (это журнал связи бывших участников белого движения). Тем не менее организация была вполне реальной (хотя, конечно, она о себе воображала больше, чем было на самом деле), получала значительные пожертвования (например в 1930 г., сразу после открытия Мавзолея Ленина, получила на его взрыв деньги из США¹², но Мавзолей не был взорван, деньги были потрачены, и больше дотаций не поступало).

Исполнители

Первый и самый знаменитый белогвардейский террорист — девятнадцатилетний Борис Коверда, застреливший в июне 1927 г. на варшавском вокзале полпреда СССР в Польше П.Л.Войкова. Устойчивое мнение, что Коверда — монархист, отомстивший Войкову за убийство царской семьи, не основано на фактах. А факты таковы: отец, Софрон Коверда, в 1921 г. выступал в Варшаве на вторых ролях в савинковской организации, где монархистов на дух не выносили. Сам Борис, гимназист-второгодник, исключенный из выпускного класса виленской гимназии за прогулы, на вопрос суда, кто он по национальности — русский или белорус, ответить не сумел, что для монархиста вещь невозможная¹³. Наконец, все сомнения развеивает автограф Коверды, датированный июлем 1927 г., — его письмо из варшавской тюрьмы, обнаруженное итальянской исследовательницей Эльдой Гарэтто. Оказывается, наш монархист в год покушения писал по новой, то есть советской, орфографии¹⁴. Если вспомнить ту ожесточенную орфографическую войну, которую вела монархическая эмиграция (даже «Советский Союз» запрещалось писать с прописных букв), вопрос о монархизме Коверды снимается. Естественным мотивом покушения мог быть отказ Войкова в разрешении ему на въезд в СССР, которого он добивался. Очевидно, Коверда хотел поменять свою плохо складывавшуюся судьбу: места себе в Польше он найти не мог. Много говорит и ответ на вопрос о круге его чтения, данный на суде: «Я читал статьи Арцыбашева»¹⁵.

Исполнитель номер два: Виктор Александрович Ларионов. Офицер-артиллерист. С ноября 1917 г. в Добрармии, участвовал в самых первых боях, еще до Ледяного похода. Марковский полк. Три года войны. Галлиполи. В мае 1927 г., когда Кутепов начал формировать боевые группы для заброски

в СССР, он в первой тройке отправлен в Ленинград. Не найдя более важной мишени, бросил гранату в здание партийного клуба на Мойке, в первую попавшуюся аудиторию (там шла лекция об американской философии): 26 человек ранено. Группа благополучно вернулась в Финляндию. Ларионов, в отличие от двух других членов тройки, Соловьева и Мономахова, погибших соответственно в 1927 и 1928 гг., больше в СССР не ходил и стал единственным террористом, вернувшимся оттуда живым. Писал мемуары, учил эмигрантскую молодежь стрельбе и динамитной работе, высыпался из Финляндии (по требованию СССР) и из Франции (за про-германскую ориентацию), осел в Берлине, занялся журналистикой¹⁶. Об одной из его статей мы еще скажем.

«Большой террор» и белые террористы

Убийство С.М.Кирова и последующее катастрофическое развитие событий в СССР было встречено нашими героями со смешанным чувством восторга и досады. Восторг вызывали сам факт начала террористической борьбы в СССР и убийство одного из вождей большевизма. «Национальный союз нового поколения» (будущий НТС) тут же заявил, что это его рук дело. Досаду же вызывали сообщения, что по многочисленным делам о покушениях привлекаются не народные мстители за Святую Русь, а те самые большевики, которые не успели стать их жертвами, — начиная с Г.Е.Зиновьева и Л.Б.Каменева. Теперь не было никакого смысла прилагать так много сил, чтобы ликвидировать какого-нибудь наркома, маршала или полпреда: Сталин это делал сам и значительно быстрее. Тогда, чтобы еще больше раскачать советский корабль, стали прибегать к акциям, которые на жаргоне спецслужб называются «активными мероприятиями», а на нормальном русском языке — фальшивками. Типичный пример — так называемое «Письмо летчика Благина», опубликованное в варшавском еженедельнике «Меч»¹⁷. Напомню, что Николай Благин, будучи пилотом самолета, эскортировавшего самолет-гигант «Максим Горький», 19 мая 1935 г. врезался в его крыло, что вызвало катастрофу и гибель 47 человек и самого Благина. Так называемое «Письмо» не содержит ни одного факта из биографии Благина, на одного имени его близких, зато оно содержит полный набор тезисов из тогдашней программы НСНП, в том числе тезис о заразной бацилле в теле человечества и о жидах-коммунистах. Текст снабжен требованием размножить его и показать знакомым, что делает сочинение типичной листовкой, предназначеннной для распространения в СССР. И печальным свидетельством удручающего уровня нашей исторической науки является факт, что солидный исторический журнал «Родина» перепечатал этот текст без всякой попытки его критики, точно так, как это делали русские историки до Н.М.Карамзина¹⁸. Публикаторы даже не удосужились найти первоисточник — газету «Меч», а отыскав в архиве французский

перевод, поместили в журнале обратный перевод с французского, что сделало этот текст уже совершенно чудовищным. Да еще сослались на гитлеровское информационное агентство «Weltdienst» («Мировая служба»). Поскольку публикаторы плохо понимали, что они цитируют, то и название этой организации дали по-французски: «Service mondial»!

В заключение своего выступления я хочу привести цитату из некролога Льву Троцкому, убитому в августе 1940 г. в Мексике агентом НКВД. «Проломившая череп железная палка положила конец черной жизни злодея»¹⁹. Эта фраза вполне могла быть опубликована в те дни в «Правде», но появилась она не в «Правде», а в берлинской газете «Новое слово», органе русских нацистов. Ее автором, по моему мнению, является один из ведущих сотрудников газеты, тот самый Виктор Ларионов, который бросил гранату в здание ленинградского партийного клуба на Мойке.

Примечания

¹ Гиппиус З.Н. Последние стихи, 1914—1918. Пб., 1918. С.63. В дальнейшем последняя строка была заменена на «Давно заражены» (Гиппиус З.Н. Сочинения. Стихотворения. Проза. Л., 1991. С.200).

² Звенья: Исторический альманах. Вып.2. М.; СПб., 1992. С.69.

³ См.: Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д., Злобин В. Царство Антихриста. Мюнхен, 1922; см. также статьи Мережковского и Гиппиус в газ. «Свобода» (Варшава, 1920—1921) и сборник стихотворных агиток З.Гиппиус периода польско-советской войны 1920 г. (Антон Кирша. Походные песни. Варшава, 1920).

⁴ См: Амфитеатров А. Стена Плача и Стена Нерушимая. Белград, 1930.

⁵ Амфитеатров А. Два Коня // За свободу! Варшава. 1924. 21 июля. С.3. В той же статье Амфитеатров именует «зверихами» Е.Д.Стасову и В.Н.Яковлеву, работавших в Петроградской ЧК в 1918 г. в разгар «красного террора».

⁶ Арцыбашев М. Записки писателя. XIII. Истошный вопль // За свободу! Варшава, 1924. 18 февр. С.3. Ср.: «Арцыбашев, по-моему, полезен огромно <...> Правда, очень уж он иногда закусывает удила. Даже я, при всей своей наглости, “пужаюсь”» (Савинков — Амфитеатрову, 25 марта 1924 г. См.: Амфитеатров и Савинков: Переписка 1923—1924. / Публ. Э.Гарэтто, А.И.Добкина, Д.И.Зубарева // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб., 1993. С.142). См. также нашу публикацию: Арцыбашев М.П. Письма Борису Савинкову: К истории русской эмиграции в Варшаве // De visu. М., 1993. № 4(5). С.49—69.

⁷ Об исключительной роли Арцыбашева как общеэмигрантского идеолога антибольшевистской непримиримости и мести дают представление отклики на его смерть и похороны: За свободу! Варшава, 1927. 5—6, 8—9, 10—11 марта (включая телеграммы И.А.Бунина, А.И.Куприна, З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковского), а также ежегодные «молебны непримиримости» на его могиле на Вельском православном кладбище в Варшаве, проходившие в день его смерти — 3 марта — вплоть до 1944 г. (см. мартовские номера газет «За свободу!», «Молва», «Меч» за 1928—1939 гг., а также берлинской газ. «Новое слово» за 1940—1944 гг.).

⁸ Выписка из протокола опроса уполномоченного Всероссийского Комитета Союза Защиты Родины и Свободы Западной области Опперпута-Упелинца Александра-Эдуарда Оттовича от 25 июня 1921 г. // Советская Россия и Польша / Изд. НКИД РСФСР. М., 1921. Сентябрь. С.82—83. Этот факт был немедленно использован советской дипломатией — дословная цитата из показаний была включена в ноту Г.В.Чичерина польскому министру иностранных дел от 4 июля 1921 (Там же. С.28—29; возмущенный ответ польского министра — с.30—35; Подтверждение в эмигрантских источниках факта закупки ядов в варшавских аптеках для диверсий в Советской России — ГАРФ. Ф. 5784, Д. 38. Л. 27—40).

⁹ Ринг — А.П.Кутепову, май 1927 // Прянишников Б. Незримая паутина. Б.м., 1979. С.105—110.

¹⁰ Вайскопф М. Морфология страха // Страницы. Иерусалим, 1992. № 1. С.55—59.

¹¹ Русская правда. Б.м., 1929. Ноябрь—дек., С.7—9.
¹² П.Н.Краснов — А.В.Амфитеатрову, 1 декабря 1936. Хранится в фонде Амфитеатрова в библиотеке Лиили Индианского университета (Блюмингтон, США). Документ найден итальянской исследовательницей Эльдой Гарэтто.

¹³ См.: Дело Коверды: июнь 1927 / Пер. с польск. и доп. В. Париж, 1928. С.16—17, 30—38. «Национальное самосознание в Коверде не самоопределилось» (С.42).

¹⁴ Б.С.Коверда — А.В.Амфитеатрову, 18 июля 1927. Автограф хранится в фонде Амфитеатрова (см.примеч. 12).

¹⁵ Дело Коверды... С.51. Коверда отбыл 10-летний срок в каторжной тюрьме Грудзиондз, освободился в 1937, с 1944 — в Германии, в начале 1950-х не без труда добился разрешения на въезд в США, где и умер в 1987 г.

¹⁶ См. о нем: Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР. М., 1928; Прянишников Б. Указ.соч. С.102—111, 116—119, 167, 170, 178, 190—191, 201, 209, 218, 221, 231, 233, 292, 295, 298; Назаров М. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. (По указателю); а также его собственные сочинения: Боевая вылазка в СССР. Париж, 1931; Взрыв в Ленинградском Центральном Партиклубе // Часовой. Брюссель, 1952. № 309(6). С.11—13; Петров А.В. [авторство Ларионова установлено нами по содержанию.— Д.3.] «Трест» // Зарубежье. Мюнхен, 1976. № 3/4 (51/52). С.27—31; 1977. № 1/2 (53/54). С.15—19. По сведениям Г.Г.Суперфина, Ларионов умер в Мюнхене в конце 1980-х гг.

¹⁷ Письмо летчика Благина // Меч. Варшава, 1935. 8 сент. № 35(68). С.6.

¹⁸ «Таран» // Родина. М., 1992. № 8/9. С.135—137. На С.136 — «Завещание Николая Благина» — текст из газ. «Меч» в обратном пер. с французского. При этом «зараза» превратилась в «чуму», «бандиты-самозванцы» — в «грабителей-узурпаторов», «босяк Максим Горький» стал «негодяем», а «жиды», как и следовало ожидать, «евреями».

¹⁹ Конец Лейбы Троцкого // Новое слово. Берлин, 1940. 25 авг. № 35. С.9.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аванесов В.А. 144
 Авдеев Г. 72, 73
 Агафонов В.К. 76
 Азеф Е.Ф. 35—38, 40, 42, 44, 52—59,
 62—77, 79, 80, 83, 88, 89, 93, 95, 141
 Александр I 5, 7, 8—10, 13, 15, 16
 Александр II 17—21, 47, 126, 127
 Александр III 21, 128
 Александров В.А. 99
 Александрович В.А. 135
 Алексеев И.Ф. 143, 147
 Алексеев М.В. 133, 134
 Алешина-Амираджиби Н.И. 101
 Амфитеатров А.В. 62, 64, 162, 168, 169
 Андреев Л.Н. 45
 Андреев Н.А. 140, 142
 Андреев Ф.С. 42
 Анненков П.В. 5, 13
 Анненская А.Н. 95
 Анненский Н.Ф. 87—91, 95
 Антоний, митрополит (Храповицкий
 А.П.) 166
 Арабадже, левый эсер 144
 Аракчеев А.А. 6, 12
 Аргунов А.А. 38, 66, 72
 Арцыбашев М.П. 162, 163, 166, 168
 Аршинов П. 111
 Бакунин М.А. 127
 Балмашев С.В. 34, 35, 100, 101
 Баранников А.И. 29
 Бартольд Б.В. 81
 Басов-Верхоянцев С.А. 70, 75
 Бах А.Н. 62
 Беленкин Б.И. 149—158
 Белоус В.Г. 147
 Беневская М.А. 47
 Бердо Я.Ф. 77—79, 84
 Бермонт-Авалов П.Р. 132
 Бернштейн Э. 25
 Берри де, герцог 10, 11, 13—15
 Бестужев А.А. 12

Бешенковский Е.Б. 10, 12, 15
 Биллингтон Дж. 44, 51
 Бирзе см. Эрдман А.И.
 Биценко А.А. 39, 97, 140
 Биценко М.С. 97
 Благин Н. 167, 169
 Благой Д.Д. 13
 Блок А.А. 22
 Блюмин Я.Г. 135, 139—147
 Богданов М.А. 140—142
 Богданович Н.М. 35, 44, 53, 100
 Боголепов Н.П. 34, 88
 Богораз В.Г. 87
 Богров Д.Г. 74, 81, 84, 94, 111
 Богушевич Ф. 22
 Бондарчук И.Ф. 140, 142
 Бонч-Бруевич В.Д. 39, 41
 Бонч-Осмоловская В.И. 105
 Бонч-Осмоловский А.О. 34
 Брандтнер Л.К. 19
 Бредис Ф.А. 131—135, 137
 Брешко-Брешковская Е.К. 53, 54
 Бриллиант Д.В. 56
 Брут Марк Юний 12, 14
 Брюсов В.Я. 165
 Бугачев И. см. Чекальдин В.В.
 Буйкис Я. 136
 Булацель П.Ф. 122
 Бунин И.А. 168
 Бурцев В.Л. 65, 67, 72—75, 81, 83, 86,
 95, 162
 Бухало С.И. 79
 Бухарин Н.И. 150
 Валк С.Н. 31
 Валуев П.А. 23
 Валяев, прапорщик 146
 Васильевский А.П. 150, 151, 160
 Васильев см. Семенов Г.И.
 Васильев Е.В. 145
 Васильев, товарищ прокурора 82
 Ваховская см. Бонч-Осмоловская В.И.

Велидов А.С. 139
 Венсельбум, лавочник 116
 Виленкин А.А. 133, 137
 Винавер М.М. 122
 Виноградов В. 108, 111
 Виссарионов С.Е. 82, 84, 85
 Витте С.Ю. 36, 41, 118, 123, 124
 Виттенберг С.Я. 19
 Вишневский Г. см. Блюмин Я.Г.
 Вноровский Б.У. 56
 Вноровский В. 71
 Войков П.Л. 166
 Войнаральский П.И. 29
 Волк С.С. 17
 Володарский В. 135
 Воронков Н.С. 100, 104
 Воронцов М.С. 5, 10, 15
 Гаинский Я. 110
 Ганди М.К. 50, 51
 Гапон Г.А. 163
 Гартинг А.М. 73
 Гарфилд Дж. 18
 Гаршин В.М. 22
 Гарэтто Э. 166, 168, 169
 Гауптман Г. 22
 Гейфман А. 67, 71, 75
 Герасимов А.В. 35—37, 41, 59, 64, 66,
 67, 69, 71, 72, 74, 75, 81—86, 96
 Германн, директор завода 106
 Герценштейн М.Я. 123
 Гершуни Г.А. 34, 44, 49, 52—55, 65—68,
 76, 80
 Гиппиус З.Н. 161—163, 168
 Гитлер А. 129, 161
 Гито Ш. 18
 Гладышев М.К. 100, 104
 Глинка С.Н. 11
 Годунова Л.Н. 17
 Голубовский Л.Б. 140, 141
 Гольдман П. 108, 110, 111
 Гоппер К.И. 131—133
 Горбунов М. см. Колесов Е.Е.
 Городницкий Р.А. 52—64
 Горький М. 34, 45, 162, 163
 Гофман М.Л. 13
 Гоц А.Р. 146
 Гоц В.С. 38
 Гоц М.Р. 34, 53, 55, 57, 59, 61, 65, 67, 70
 Граббе П.Х. 9
 Григорович Е.Ю. 36, 41
 Григорьев Д.С. 133
 Григорьев И. 146
 Григорьева Ю.Ф. 54
 Гриневицкий И.И. 23
 Гроссман Л.П. 16
 Груzenберг С.О. 122
 Гумберт I, итальянский король в
 1878—1900 47
 Гуревич А.Г. 104
 Гурьев А.А. 95
 Гюго В. 22
 Дан Ф.И. 156
 Данилин П.М. 145
 Дегаев С.П. 128
 Дейч Л.Г. 30, 31
 Деказ Э. 11
 Делевский Ю. см. Юделевский Я.Л.
 Деникин А.И. 134, 145—147
 Джабадари И.С. 27
 Джонсон Н.Н. 154, 156, 157
 Джунковский В.Ф. 74
 Дзержинский Ф.Э. 134
 Дикгоф-Деренталь А.А. 133, 163
 Добкин А.И. 168
 Добросок И.В. 81—85
 Добротворский Н.А. 104
 Доброхотов М.А. 140
 Долгов, ротмистр 81
 Долгополов Н.И. 40
 Долгополов Ю.Б. 137
 Донской Б.М. 79, 139, 140, 143—145
 Дорошевич, председатель суда 115
 Достоевский Ф.М. 48, 155, 156
 Дранова А. 107
 Дрентельн А.Р. 126
 Дресслер, немецкий офицер 143
 Дроздов С.К. 99
 Дубасов Ф.В. 48, 71

Дубовик А.В. 106—111
Дубовик А.Вл. 106—111
Дубровин А.И. 123
Дузе Э. 22
Дурново Н.Д. 10
Дутов А.И. 132

Елпатьевский С.Я. 32, 38, 41, 46, 87
Еремин А. 83
Ермолова М.Н. 22
Ерофеев Н.Д. 95

Желваков Н.А. 20
Желябов А.И. 23, 65
Жуков М.Ф. 145
Жуковский В.А. 7, 12
Жуковский К. 133
Жуковский-Жук И.И. 146

Забицкий Е.Н. 145
Зачиневский П.Г. 28, 29, 97
Закгейм М.Д. 142, 145
Залужная М. 140
Занд К. 10, 12, 16
Заозерский А.И. 16
Запольский см. Подвицкий Б.В.
Засулич В.И. 126, 127
Зензинов В.М. 57, 59, 64, 66, 73, 75, 77
Зильберберг Е.И. 77
Зильберберг Л.И. 56, 71, 72
Зильберберг Г. 95
Зиновьев Г.Е. 158, 167
Злобин В. 168
Знамеровский П.Л. 154
Золя Э. 22
Зубарев Д.И. 161—169
Зубарь, анархист 108
Зубатов С.В. 35, 53, 54, 59, 64, 66, 68
Зуев Н.П. 78, 82, 83, 85
Зунделевич А.И. 24, 25, 27, 30, 31

Ибсен Г. 22
Иваницкий-Василенко А.А. 146
Иванов-Разумник (Иванов Р.В.) 141
Ивановская П.С. 30—32, 40, 79, 88, 104
Игнатьев А., граф 100, 104

Измайлович А.А. 39
Ильинский С. 100
Илькевич Н. 104
Иоллос Г.Б. 123
Иоффе Г.Э. 137
Иохельсон В.И. 31, 32

Кабаков Г.И. 39
Казанова Д. 160
Казанцев А.Е. 123
Каистров, прапорщик 108
Каляев И.П. 40, 56, 88
Каменев Л.Б. 167
Камков Б.Д. 140
Камо (Тер-Петросян С.А.) 159
Кан Г.С. 24—32
Канегиссер Л.И. 136
Кант И. 57
Каподистрия И.А. 11
Каптелович, вестовой 72
Каракозов Д.В. 158
Карамзин Н.М. 15, 16, 167
Карелин А.А. 144
Карелин В.А. 139—141, 146
Карпов С.Г. 74, 81—86
Карпович П.В. 34, 48, 66, 72, 73, 76, 79,
 88, 95, 98
Касьян см. Петров А.А.
Катилина Луций Сергей 12
Каховская И.К. 139, 140, 142—147
Качура Ф.К. 54
Кашинцев А. 104
Квятковский А.А. 19
Кевешан, член СЗРС 135
Кежемский Г. см. Смолянский Г.Б.
Керенский А.Ф. 132, 134, 156
Керн А.П. 8
Кибальчич Н.И. 158
Кипров И.А. 97—105
Киров С.М. 15, 167
Кирюхин И.П. 62, 77—79
Кичкасов Н. 169
Клиенко С. см. Виноградов
Клименко В.А. 137, 138
Климова Н.С. 79

Климович Е.К. 82, 85
Клитин И. 100
Клитчоглу С.Г. 67
Коваленко, вахмистр 108
Коверда Б.С. 166, 169
Коверда С. 166
Козлова 110
Козловский, владелец пекарни 109
Козьмин Б.П. 139, 141, 146
Кокоуллин Ф.Ф. 145
Колодов П.П. 145
Коломийцев Н.Г. 34
Колосов Е.Е. 31, 32, 77, 86
Колпакиди А.И. 131—138
Колчак А.В. 132, 145, 156
Комаров Н. 41
Коморский В. 77
Конан Дойл А. 22
Коноплев Я. 110
Коноплева Л.В. 136
Констан Б. 13
Копылов, владелец лесопильни 110
Корнилов А.Г. 132, 134, 137, 161
Короленко В.Г. 22, 46, 47, 87
Корсак, прокурор 82
Костенко К.П. 72
Костюшко-Валюжанич Е.А. 97
Костюшко-Валюжанич Н.А. 97
Котов А.А. 100, 103, 104
Коттен Н.Ф., фон 78
Коцебу А. 16
Кравченко В. 138
Кравчинский С.М. 19, 23, 126, 127
Крамской И.Н. 22
Краснов П.Н. 22, 134, 166
Крафт П.П. 53
Кречетов С. см. Соколов С.А.
Кропоткин Д.Н. 20
Кругликов, с.-р. 79
Кузнецова С.Н. 100
Кузьменков И. 99
Кузьмин Д. см. Колосов Е.Е.
Кузьмин-Караваев В.Д. 37, 41
Кулишов, помощник пристава 35
Кулябко Н.Н. 84

Куприн А.И. 22, 168
Курлов П.Г. 78, 81—86, 100
Кутепов А.П. 164, 166, 169

Лапина Э.М. (Бэлла) 73, 77
Ларионов В.А. 166—169
Лауниц В.Ф. фон 36, 46
Лаферронэ, граф 10
Лебедев В.С. 29, 86
Лебединцев В.В. 76
Левит Х. 67
Левый, аптекарь 107
Ленин В.И. 51, 135, 153, 157, 159, 160,
 166
Леонов Б. 139, 147
Леонов В.К. 104
Леонов К.И. 100, 104
Леонов М.И. 33—42
Леонтьев Я.В. 139—148
Лернер Н.О. 9
Либерман Л.А. 77, 78
Либман, владелец кофейни 111
Лизогуб Д.А. 19
Логовенко И.И. 19
Лозинский М.П. 19
Локкарт Р. 136, 137
Ломброзо Ч. 22
Лонг Ж. 95
Лопатин Г.А. 34, 59, 162
Лопухин А.А. 36
Лопухин Б.В. 36
Лорер Н.И. 9, 16
Лорис-Меликов М.Т. 21, 23
Лувель Л.-П. 10—12, 15
Лукоянов Ф.К. 154
Лунин М.С. 5, 13
Лурье Ф.М. 125—130
Любатович О.С. 26, 27
Люксембург Р. 66

Магеровский Д.А. 144
Магницкий М.Л. 11
Мазе Я. 68, 69, 75
Майборода А. 16
Майнов И.И. 32

Майоров И.А. 140
Максимов Г.Н. 144
Максимова Н. 142
Малиновский И.А. 41, 43, 51
Малиновский Р.В. 74, 75
Малков П.И. 157
Мальм Е.Н. 140, 142
Мальченко 109
Манакин В.К. 131
Маркс К. 25, 117
Махин Ф. 135
Махно Н.И. 136
Мезенцов Н.В. 20, 126
Мельгунов С.П. 94, 96
Мельников М.М. 53, 54, 59
Мережковский Д.С. 45, 48, 51, 161, 163, 168
Метленко, полковник 35
Мешков Н.Е. 38
Милорадович М.А. 9
Милюков П.Н. 37, 41, 89, 95, 122, 123, 156
Мирабо О. 11, 12
Мирбах В. 139—142
Мирский Л.Ф. 126
Миско М.В. 23
Михаил Александрович, вел.кн. 149, 152—159
Михаил Федорович, русский царь 155, 158
Михайлов А.Д. 18, 23, 25, 27, 30, 31, 126
Михайловский Н.К. 57, 87
Модзалевский Б.Л. 5, 6, 9
Моисеенко С.Н. 77, 79
Мономахов Д. 167
Мопассан Г. 22
Морозов 109
Морозов И.В. 145
Морозов К.Н. 76—86
Морозов Н.А. 24—28, 30—32, 126
Морозов П.О. 5
Мосолов А.А. 36, 41
Мстиславский С.Д. 142
Муравьев М.А. 131, 132, 134
Муравьев М.Н. 19

Муссолини Б. 161
Мякотин В.А. 87—93
Мясников Г.И. 149—159
Назаров М. 169
Наполеон Бонапарт 9, 10
Натансон М.А. 38, 57, 59
Небутев см. Алексеев И.Ф.
Некрасов Н.А. 88
Неррис В. 146
Нессельроде К.В. 10
Нестроев Г.А. 145
Нечкина М.В. 17
Никитенко Б.Н. 41, 72, 92
Никитина В.В. 133
Николаев, полковник 115
Николаевский Б.И. 55, 63, 64, 67, 75, 89, 95, 141, 146, 147
Николаевский К.В. 132
Николай I 5, 9
Николай II 19, 35, 36, 41, 46, 49, 72, 73, 96, 128, 158
Николай Николаевич, вел.кн. 78
Никольский, подполковник 133
Никонов С.А. 41
Носарь К. 100
Оболенский И.М. 35, 44
Овруцкий Л.М. 147
Овсянко-Куликовский Д.Н. 28, 32
Оксман А.П. 15
Оксман Ю.Г. 9, 13, 15, 16
Оловеникова М.Н. см. Ошанина М.Н.
Ольденбург С.С. 41
Опперпут Э.О. 164, 169
Орехов А.М. 117
Орлов В.Г. 163, 164
Осинский В.А. 19
Осипова П.А. 7
Осипович Н. 38, 41
Ошанин Н.Д. 28, 29
Ошанина М.Н. 24, 28—30, 32
Павел I 129
Павлов Д.Б. 41
Панкеев К.М. 38

Панкратов В.С. 79
Парамонов Н.Е. 38
Паскье 10
Пашин К.А. 104
Пашутинский С.Н. 144
Пеленкин, с.-р. 40
Периклес (Перикл) 14
Перов В.Г. 22
Перовская С.Л. 23
Перхуров А.П. 133
Пестель П.И. 5, 9, 16
Петлюра С.В. 129
Петр I 19, 125
Петрищев А.В. 95, 96
Петров А.А. 74, 80—86
Петров А.В. см. Ларионов В.А.
Петров, провокатор 140
Петровская Н. 165
Пече Я. 134
Пешехонов А.В. 39, 42, 87—91, 95, 96
Пешехонова А.Ф. 95
Пещуров А.Н. 7
Пилсудский Ю. 116, 161
Пинкус А.А. 133, 135
Пинслин, директор завода 106, 109
Пирогов, чл. СЗРС 133, 135
Платон 45
Плеве В.К. 35—39, 44, 55—57, 67—69, 89, 93, 99
Плеханов Г.В. 39, 41, 64
Пляшкевич И.Г. 104
Победоносцев К.П. 54
Погодин А.Л. 117
Погодин М.П. 15
Погорелов А. см. Сигов А.С.
Подвицкий Б.В. 100, 104
Поджио А.В. 5
Покотилов А.Д. 56, 88
Покровский М.Н. 17
Половнев А. 123
Постников Н.Д. 112—117
Поццо ди Борго К.О. 10, 11
Прадт 13
Прайсман Л. 65—75
Прибылев А.В. 30

Прибылева-Корба А.П. 23
Прокофьева М.А. 62, 77, 79
Пропп В.Я. 165
Прошьян П.П. 140
Прянишников Б. 169
Пугачев В.В. 5—16
Пулихов И.П. 100
Пушкина И.М. 43—51, 105
Пушкин А.С. 5—9, 12—16
Пушкина Н.О. 8
Пчельников, мастер 109
Пшавела В. 22
Равальяк Ф. 12
Радищев А.Н. 15, 16, 45
Разгон А.И. 147
Райнис Я. 22
Ракитников Н.И. 86
Раковский Х.Г. 163, 164
Распутина А. 72
Ратаев Л.А. 66—68, 73, 75
Ратнер Е.М. 97
Рачковский П.И. 67, 71
Рейли С. 136, 164
Репин И.Е. 22
Ривкин Г.А. 97, 98, 101—103
Ривкин М.А. 98
Ривкин Ф.А. 103
Родзянко А.Г. 12
Розенберг, аптекарь 107
Розовский И.И. 19
Роллан Ромен 146
Романенко Г.Г. 31
Ростопчин Ф.В. 10
Рубакин Н.А. 34
Рубакина Л.А. 34
Рубанович И.А. 30
Рубинштейн А.Г. 22
Рубис К.П. 133, 135
Русанов Н.С. 34
Рутенберг П.М. 89
Рыбаков А.М. 140
Рылеев К.Ф. 13
Рычков В.В. 133

Савинков Б.В. 38, 44, 48, 50—52, 56—65, 67, 70—73, 75—82, 84—86, 88, 89, 91, 95, 102, 105, 132, 133, 135, 137, 161—164, 168
Сафонов А. 146
Сахаров Н.П. 133
Свердлов Я.М. 153, 157, 159
Свириденко В.А. 19
Святополк-Мирский П.Д. 101
Себастиани, французский генерал 9
Селюк М.Ф. 66
Семевский В.И. 16
Семевский М.И. 23
Семенов Г.И. 132, 135, 136
Семенов Г.М. 146, 148
Семигановский П.К. 81, 82
Сергей Александрович, вел.кн. 36—39, 57, 67—69, 93, 163
Серебряков Л.П. 144, 145
Середа С.П. 97, 99
Серж В. (Кибальчич В.Л.) 142
Сескис 137
Сигов А.С. 87, 94, 95
Синявский Б.С. 93
Синявский М.Ф. 98—100
Сипягин Д.С. 34, 35, 44, 46, 53, 66, 99, 101
Скиталец С.Г. 45
Скоропадский П.П. 140, 142
Слепцов, тверской губернатор 100
Слетов С.Н. 55, 62, 67, 77, 81
Смирнов В.Л. 79
Смолянский Г.Б. 139, 142, 145, 147
Созонов Е.С. 35, 40, 56, 60, 63, 65
Соколов С.А. 164—166
Соколович см. Финдейзен Ф.Ф.
Соловьев А.К. 158
Соловьев С.В. 167
Соловьев, поручик 135
Сорокин В.А. 157
Сорокина, л.с.-р. 144
Софинов П.Г. 137, 138
Спенсер Г. 22
Спиридович А.И. 35, 41, 64, 73, 104
Спиридонова М.А. 39, 48, 140, 141

Спирин Л.М. 142, 147
Спрогис Я. 136
Сталин И.В. 144, 150, 151, 159, 167
Стародворский Н.П. 87, 88
Стасова Е.Д. 168
Стендалль 15
Степанов А.С. 123
Степанов С.А. 118—124
Столыпин П.А. 36, 40, 43, 66, 69, 71, 74, 78, 81—85, 93, 94, 103, 111, 122, 123, 143
Страдивари А. 61
Стрельников В.С. 20
Стрепетова П.А. 22
Строев А. 160
Струве П.Б. 37, 41
Судейкин Г.П. 20, 87, 128
Сулятицкий В. 71
Суперфин Г.Г. 169
Суриков В.И. 22
Сусанин И. 155, 158
Суслов, агент 108
Сыпченко А.В. 87—96

Таможников С. 110, 111
Тарасов Л. см. Василевский А.П.
Таратута Е.А. 23
Татаров Н.Ю. 35
Твен М. 22
Темников, унтер-офицер 160
Терентьева Н.А. 142, 143
Терлецкий Е.П. 140
Тихомиров Л.А. 29, 32, 36
Ткачев П.Н. 29, 30, 31
Ткаченко, полковник 135
Толстой Л.Н. 19, 22, 23, 46—48, 51, 155, 156
Томашевский Б.В. 13, 16
Тракман М. 134
Трауберг А.Д. 76
Трауберг К. 72
Трепов Д.Ф. 36, 37
Трепов Ф.Ф. 126
Троицкий Н.А. 17—23
Троцкий Л.Д. 150, 158, 168

Трубицын С. 108, 110
Трусевич М.И. 81, 85
Туманская С.Г. 12
Туманский В.И. 12
Тургенев И.С. 22
Тургенев Н.И. 11, 13, 14, 15, 16
Турчанинов П.Д. см. Черный Л.
Турчанинов Р.Д. 98
Турчанинов С.Д. 98, 99
Тыркова-Вильямс А.В. 37, 41
Тютчев Н.С. 38, 102

Уайльд О. 22
Украинка Леся 22
Урицкий М.С. 129, 135
Урусов В.М. 100
Успенская В.Г. 61
Успенский Г.И. 22

Фабрикант В.О. 77
Федоров В.Д. 123
Федоров, ж.-д. служащий 109
Фейт А.Ю. 79
Фигнер В.Н. 23, 25, 26, 30—32, 60, 61
Филипповский В.Н. 146
Философов Д.В. 61, 64, 168
Финдейзен Ф.Ф. 136
Фишман Я.М. 140
Фонвизин М.А. 9
Фондаминский И.И. 77, 79, 81, 82
Франко И. 22
Фроленко М.Ф. 32
Фролов Г. 41

Халтурин С.Н. 20
Хилков Д., кн. 49, 51
Хорват Д.Л. 166

Цейтлин Т. 77
Цивин Е.М. 100
Цявловский М.А. 5, 7—9, 15, 16
Чаадаев П.Я. 13—16
Чекальдин В.В. 100
Черепанов Д.А. 141
Черепинский Э. 110

Чернавский М.М. 64, 77, 79, 86
Чернецкий О. 108, 110
Чернов В.М. 34, 40, 53, 55, 57, 68—70, 73, 75, 76, 79, 80, 85, 90, 95, 162
Черный Л. 98, 99
Чернявская-Бохановская Г.Ф. 32
Чехов А.П. 22, 46, 141
Чичерин Г.В. 163, 164, 169

Шаховской Д.И. 9, 15, 16
Швейцер Б.Э. 101
Швейцер М.И. 56, 97, 100—103, 105
Шеварев В. 140, 142
Шипов Д.Н. 44
Шишко А.Э. 34, 61, 76
Школьник М.М. 39
Шмидт Л. 142
Шоу Б. 22
Штауфенберг К.Ш., фон 129
Штейнберг И.З. 141
Штейнберг Ф. 106, 110
Штейнхарт В. 134
Шувалов П.И. 11
Шувалов П.С. 42

Щегловитов И.Г. 122

Эйхгорн Г. 139, 140, 143, 144, 147
Эльвенгрен Г.Е. 163
Энгельс Ф. 117
Эрделевский К. 111
Эрдман А.И. 134—136

Юделевский Я.Л. 72, 75, 76
Юровский Я.М. 159
Юскевич-Красовский Н.М. 123

Якимова А.В. 79
Яковлев-Мячин В.В. 158
Яковleva B.H. 168
Якубович П.Ф. 90
Якушкин В.Е. 5
Якушкин И.Д. 5, 9, 13, 15
Ярошенко Н.А. 22
Ярчук Х.З. 144

Коротко об авторах

Беленкин Борис Исаевич — родился в 1953 г. в Москве, в 1978 г. окончил филологический факультет Московского государственного заочного педагогического института, в 1986 г. — киноведческий факультет ВГИКа; автор ряда статей историко-культурного характера, публикаций по истории «рабочей оппозиции», а также по вопросам межнациональных отношений. Член Совета и заведующий библиотекой НИПЦ «Мемориал».

Городницкий Роман Александрович — родился в 1967 г. в Москве, в 1989 г. окончил факультет архивного дела Московского государственного историко-архивного института; автор статей о Е.С. Созонове и Б.В. Савинкове; в ноябре 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию «Боевая организация социалистов-революционеров (1901—1911)».

Дубовик Анатолий Викторович — родился в 1972 г., историк-любитель, печатался в периодических изданиях анархистского направления. Живет в Днепропетровске.

Дубовик Анна Владимировна — в 1995 г. окончила исторический факультет Днепропетровского государственного университета.

Зубарев Дмитрий Исаевич — родился в 1946 г. в Куйбышеве, в 1968 г. окончил филологический факультет МГУ; автор ряда статей и публикаций о деятелях литературы и искусства России первой трети XX в.; старший научный сотрудник НИПЦ «Мемориал».

Кан Григорий Семенович — родился в 1967 г. в Москве, в 1989 г. окончил факультет архивного дела Московского государственного историко-архивного института; аспирант третьего года обучения кафедры политической истории естественных факультетов МГУ; работает над темой «История эволюции революционного сознания, 1871—1883».

Кипров Игорь Александрович — родился в 1962 г., в 1988 г. окончил исторический факультет Смоленского педагогического института; автор многочисленных статей по истории эсеровских организаций Северо-Западной области; преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского юридического института МВД РФ. В ближайшее время защищает кандидатскую диссертацию «Деятельность ПСР среди крестьянства накануне и в период первой российской революции 1905—1907 гг.: На материалах Смоленской губернии».

Колпакиди Александр Иванович — родился в 1962 г., в 1984 г. окончил исторический факультет ЛГУ; автор статей по истории и политологии; преподаватель кафедры политологии Санкт-Петербургского электротехнического университета.

Леонов Михаил Иванович — родился в 1940 г. в Москве, окончил исторический факультет МГУ; один из ведущих специалистов по истории партии эсеров, автор книг и статей по этой проблематике; кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Самарского государственного университета.

Леонтьев Ярослав Викторович — родился в 1966 г. в Москве, в 1990 г. окончил факультет архивного дела Московского государственного историко-архивного института; автор статей и публикаций по истории освободительного движения и общественной мысли в России в XIX—XX вв. В декабре 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию «Левонародническая интелигенция в постреволюционной России».

Лурье Феликс Моисеевич — родился в 1931 г. в Ленинграде; кандидат технических наук, член Союза писателей Санкт-Петербурга, автор книг и статей по истории революционного движения в России.

Морозов Константин Николаевич — родился в 1961 г. в Куйбышеве, окончил исторический факультет Куйбышевского государственного университета; автор статей и публикаций по истории партии эсеров и ее Боевой организации; в декабре 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию «Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг.».

Постников Николай Дмитриевич — родился в 1964 г., в 1989 г. окончил исторический факультет Московского областного педагогического института; автор статей по истории политических партий Польши и Прибалтики конца XIX — начала XX в.; научный сотрудник Центра политической и экономической истории России Российского независимого института социальных и национальных проблем. Завершает работу над кандидатской диссертацией, посвященной анализу количественных характеристик основных политических партий России начала XX в.

Прайсман Леонид — родился в 1949 г. в Москве, в 1973 г. окончил исторический факультет Государственного педагогического института им. В.И. Ленина; автор книг и статей по политической истории России и Франции XIX — начала XX в. С 1985 г. живет в Иерусалиме, сотрудник «Краткой еврейской энциклопедии».

Пугачев Владимир Владимирович — родился в 1923 г. в Саратове; доктор исторических наук, профессор Саратовской экономической академии, автор многих книг и статей по истории России XVIII — первой половины XIX в.

Пушкирова Ирина Михайловна — доктор исторических наук, автор более 150 опубликованных работ, в том числе трех монографий и глав во многих коллективных трудах по проблемам общественно-политического и революционного движения в России второй половины XIX — начала XX в.; ведущий сотрудник Института российской истории РАН.

Степанов Сергей Александрович — родился в 1956 г. в Москве; доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра политической и экономической истории России Российского независимого института социальных и национальных проблем. Автор книг и статей по истории черносотенного движения и политического сыска в России XIX — начала XX в.

Сыпченко Алла Викторовна — уроженка Куйбышева, в 1988 г. окончила исторический факультет Куйбышевского государственного университета; аспирант кафедры российской истории Самарского государственного университета; работает над диссертацией «Народные социалисты в 1907—1917 гг.».

Троицкий Николай Алексеевич — родился в 1931 г.; автор многочисленных работ (в том числе монографий) по истории российского освободительного движения, и прежде всего революционного народничества. Доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета.

Содержание

От редакторов	3
В.В.Пугачев.	
Пушкинский замысел цареубийства весной 1820 г. и декабристы .	5
Н.А.Троицкий.	
«Народная воля» и ее «красный террор»	17
Г.С.Кан.	
Идейные «еретики» «Народной воли»	24
М.И.Леонов.	
Террор и русское общество (Начало XX в.)	33
И.М.Пушкирова.	
Российское общество начала ХХ в. и индивидуальный политический террор	43
Р.А.Городницкий.	
Три стиля руководства Боевой организацией партии социалистов-революционеров: Гершуни, Азеф, Савинков	52
Л.Прайсман.	
Феномен Азефа	65
К.Н.Морозов.	
Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1909—1911 гг. и загадки «дела Петрова»	76
А.В.Сыпченко.	
Народные социалисты и террор	87
И.А.Кипров.	
Политический террор в провинции: штрихи к портретам видных террористов накануне и в период революции 1905—1907 гг. (На материалах Смоленской губернии)	97
А.В.Дубовик, А.Вл.Дубовик.	
Деятельность «Группы екатеринославских рабочих анархистов-коммунистов» в 1905—1906 гг.	106
Н.Д.Постников.	
Террор польских партий против представителей русской администрации в 1905—1907 гг.	112

С.А.Степанов.	
Черносотенный террор 1905—1907 гг.	118
Ф.М.Лурье.	
Индивидуальный политический террор: что это?	125
А.И.Колпакиди.	
От политической борьбы к террору (Из истории участия латышей в антибольшевистском движении)	131
Я.В.Леонтьев.	
Новые источники по истории левоэсеровского террора	139
Б.И.Беленкин.	
Философия убийства	149
Д.И.Зубарев.	
«Красная чума» и белый терроризм (1918—1940)	161
Именной указатель	170
Коротко об авторах	178

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР В РОССИИ

XIX—начало XX в.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Составитель К.Н.Морозов

Руководитель издательской программы Я.З.Рачинский

Зав.редакцией Л.С.Еремина

Художник И.В.Бороздина

Корректор Г.В.Заславская

Подписано в печать 1.02.1996. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,5. Тираж 1000.
Отпечатано МП Информполиграф. Заказ 778.

Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал»
103051, Москва, Малый Каретный пер., 12.

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.